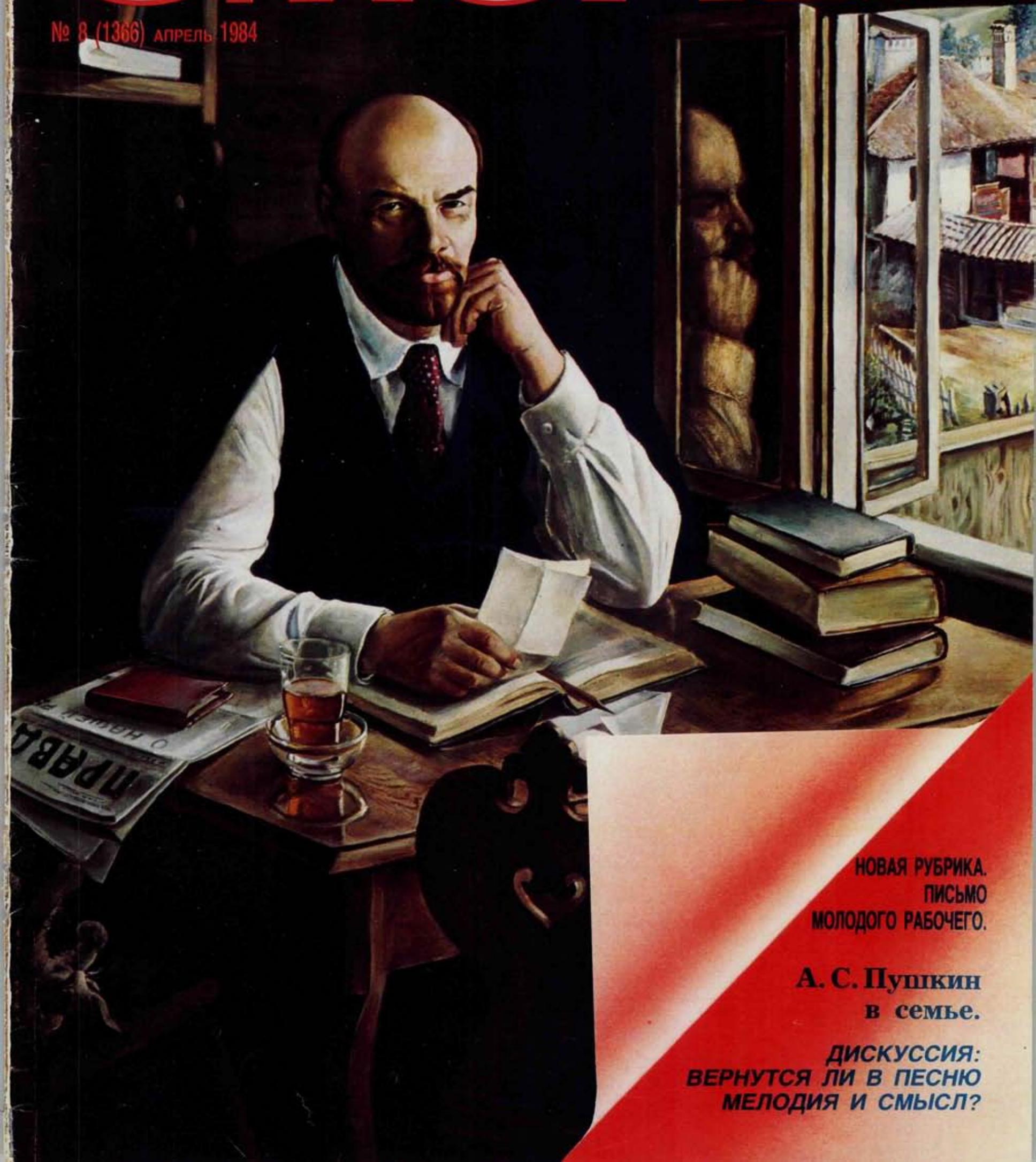

ISSN 0131—6656

смена

№ 8 (1366) АПРЕЛЬ 1984

НОВАЯ РУБРИКА.
ПИСЬМО
МОЛОДОГО РАБОЧЕГО.

А. С. Пушкин
в семье.

ДИСКУССИЯ:
ВЕРНУТСЯ ЛИ В ПЕСНЮ
МЕЛОДИЯ И СМЫСЛ?

ЛЕНИНСКОЙ ЗАБОТОЙ СОУЧРЕДЫ

Трудящийся
подросток
в первые
годы
Советской
 власти

Неизвестно изменились за минувшие десятилетия условия, при которых вступают в самостоятельную жизнь, начинают свою рабочую биографию миллионы юных граждан нашей страны. Совсем другие проблемы возникают перед каждым из них, нежели это было в первые послереволюционные годы. Правовые интересы молодых рабочих сегодня строго охраняются установленными законодательными актами. Предприятия разрабатывают специальные планы повышения квалификации в их коллективах подростков, заботятся об их общеобразовательном росте, улучшении жизненных условий, досуга.

Конечно, не все эти проблемы уже решены повсеместно. Поэтому Коммунистическая партия и ставит перед соответствующими государственными органами, перед Ленинским комсомолом задачу дальнейшего совершенствования системы подготовки достойной смены рабочего класса, чтобы как можно в более раннем возрасте каждый юноша или девушка находили подлинное трудовое призвание, безошибочно определяли свою профессию на многие годы.

Поиски самых действенных, самых коротких путей к точному выбору подростком своей рабочей специальности, которая бы не только не разочаровывала его в последующем, но, наоборот, доставляла ему радость и удовлетворение, помогала его творческому росту, крепила в нем гордость за свою нужную людям профессию — дело не такое уж простое. И потому так важно сегодня вновь и вновь приобщаться к ленинскому первоисточнику, к документам партии, в которых очерчиваются ориентиры трудового воспитания юношества, находить единственно верные, теоретически выверенные, оправданные самой практикой формы и методы воспитательных усилий, отвечающие как новым общественным потребностям, так и растущим жизненным интересам подростков. Ведь в социалистическом обществе труд всегда был и будет главным источником прогресса, твердым гарантом всестороннего развития личности.

Постановление Совета Труда и Обороны, которое воспроизводится здесь по четырнадцатому номеру «Бюллетеня трудового фронта» (официальное издание Народного комиссариата труда), выпущенному 8 июля 1921 года, было подписано В. И. Лениным 1 июля 1921 года.

Какова история возникновения этого документа?

Что послужило причиной для обращения руководителя рабоче-крестьянского государства к решению проблемы, связанной с защитой интересов работающих подростков?

Прежде чем ответить на эти вопросы, расскажем кратко о ленинском отношении к этой проблеме в предшествующие годы.

Охране труда малолетних посвящены специальные пункты в выработанном В. И. Лениным проекте программы партии. В десятках работ вождя предоктябрьского периода встречаешь страстный призыв отстаивать права подростков, которые вынуждены с ранних лет включаться в систему капиталистического производства, подвергаться же сточайшей эксплуатации, калечащей их здоровье, лишающей света знаний, раздирающей детства.

Первые ленинские декреты, ознаменовавшие рождение новой эпохи, заявили всему миру позицию рабоче-крестьянского правительства и в сфере жизненных прав подрастающего поколения. Уже 29 октября (11 ноября) 1917 года, на четвертый день существования Советской власти, декретом Совета Народных Комиссаров о восьмичасовом дне определялось, что «малолетние, не достигшие 14 лет, к работе по найму не допускаются», что «рабочее время не достигших 18 лет не может быть про-

должительнее 6 часов в сутки», что «в ночное время воспрещается пользоваться трудом рабочих женского и мужского пола в возрасте до 16 лет», что не достигшие восемнадцатилетнего возраста не допускаются к сверхурочным работам. Молодежь была предоставлена возможность бесплатно получать образование и профессию. Была введена охрана детского труда. Начиналось профессионально-техническое обучение подростков.

Подписаны В. И. Лениным декрет Совнаркома от 20 июня 1919 года прямо подчеркивал, что «необходимым условием окончательного торжества рабоче-крестьянской революции является поднятие производительности народного труда... наиболее быстрым и верным способом такого поднятия является распространение в широких народных массах профессионально-технических знаний и умений». В том же 1919 году, ознакомившись с тезисами «К борьбе за восстановление народного хозяйства», Владимир Ильин против двадцать четвертого тезиса пишет: «Это да! А именно здесь речь шла об организации профессиональной подготовки подростков непосредственно на производстве. Автор тезисов предлагал следующее: «Так как в процессе революции не только распылились квалифицированные рабочие, но прекратилось и выделение новых кадров, необходимо организовать ученичество в заводах на новых началах с государственным премированием лиц, отдающих своих детей в предприятия на вынужку, с одной стороны, и с премированием рабочих и мастеров, от которых зависит успешность выучки — с другой».

Характерно, что уже 18 сентября 1919 года В. И. Лениным было подписано постановление Совнаркома, которым уве-

личивались тарифные ставки ученикам и подросткам. Их заработка плата с 1 сентября возрастила на сто процентов.

Осенью того же года Владимир Ильин посещает опытно-показательную школу профессионального образования Наркомпроса, беседует с учащимися, интересуется их бытом, учебой. Через некоторое время он поддерживает предложение о передаче Наркомпросу имения «Знаменское» для организации там опытно-показательной коммуны для подростков.

Обращается В. И. Ленин к вопросу об охране прав работающих подростков. 30 января 1920 года в рукописном экземпляре протокола заседания Малого Совнаркома он утверждает пункт номер один, где речь шла об ассистентах-инспекторах труда из среды рабочей молодежи, которые занимались контролем за соблюдением на предприятиях трудового законодательства, охраняющего права подростков. 28 апреля 1920 года Владимир Ильин подписывает «Временные правила Совнаркома об отпусках рабочим и служащим в 1920 году». Этим документом продолжалась практика отпуска всем работникам установленная в две недели, а подросткам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, дополнительно предоставлялся еще двухнедельный отпуск.

29 июля 1920 года Владимир Ильин подписывает декрет Совнаркома, которым все рабочие в возрасте от восемнадцати до сорока лет обязывались пройти учебную профessionально-техническую подготовку. Действие декрета распространялось на все предприятия и железные дороги республики. Специальным пунктом в декрете предусматривалось: «В тех предприятиях, где не организованы фабрично-заводские школы для подростков и учеников, учебная повинность распространяется на лиц с 14-летним возрастом».

Подлинно отеческой заботой о коммунистическом воспитании юношества в процессе активной трудовой деятельности проникнули строки программной ленинской речи на III съезде комсомола 2 октября 1920 года.

Переход к новой экономической политике самым непосредственным образом затронул жизненные интересы трудящегося юношества. Государственные предприятия, действуя по принципу хозрасчета, естественно, заботились об удешевлении выпускаемой продукции. Как прочно достичь этого? Сокращать штаты работающих. Кто в первую очередь подпадал под число увольняемых? Само собой разумеется, что это были менее квалифицированные кадры и в первую очередь молодежь, подростки. Сокращение работающей молодежи на некоторых заводах и фабриках приобрело чрезвычайно массовый характер. Кое-где было уволено до трети всех занятых на производстве подростков. О размахе этих сокращений уже в первые месяцы года можно судить хотя бы по предприятиям Рыбинска. Так, к январю 1922 года из 933 подростков там было уволено 305 человек. А в целом по стране

число безработных подростков вырастало до огромных размеров. К концу 1921 — началу 1922 года число рабочих подростков от 14 до 18 лет сократилось в промышленности республики с пяти тысяч до девяноста двух тысяч.

Наряду с подобными тенденциями на государственных предприятиях молодежь заметно страдала от усилившейся эксплуатации, от беззастенчивого попрания советского законодательства со стороны владельцев частнособственнических предприятий. Под любыми предлогами изменили уклоняясь от заключения трудовых договоров с молодыми людьми, в затем беззастенчиво эксплуатировали из труда, побуждая при miserном заработке безрезультатно работать по двенадцать — четырнадцать часов в сутки. Это не могло не вызвать беспокойства со стороны ЦК РКСМ.

С весны 1921 года Центральный комитет комсомола вынужден был постоянно заниматься этой проблемой, принявшей прямо-таки угрожающий характер. «Май — июнь 1921 года, — вспоминал работник ЦК РКСМ тех лет Ф. Рыбников — превратили Центральный Комитет нашего союза в настоящий, дополненный комиссариат рабочей молодежи по экономическим делам. Не проходило дня, чтобы в ЦК не получали из какой-либо рабочей организации союза извещения об увольнении рабочих-подростков. Причем все эти извещения обычно заканчивались грозным требованием — принять необходимые меры для ослабления этого похода против подростков».

Однако не так просто было приостановить увольнение подростков. Условия нала, когда государственные предприятия перешли на хозрасчет, а владельцы предприятий частнокапиталистического сектора прямо-таки расположились в своем отношении к молодым рабочим, объективно способствовали тому, что положение дало с трудоустройством подростков ухудшалось. Нужно было принять экстренные меры.

13 июня 1921 года секретариат ЦК РКСМ обсуждал вопрос о положении рабочей молодежи. И вслед за этим руководители комсомола посчитали необходимым проинформировать Владимира Ильинича о положении дел специальной докладной запиской. 24 июня такая записка с предложениями об упорядочении увольнений подростков, а также возможными путями их быстрейшего трудоустройства была направлена В. И. Ленину. Из той же даты Владимир Ильинич ознакомился с запиской комсомольцев. Ибо, председательствуя 24 июня на вечернем пленарном заседании Совета Труда и Обороны (СТО), он дополняет повестку дня целым рядом вопросов, и среди них таким: «Рабочие — члены союза молодежи». Видимо, по предложению Владимира Ильинича тогда же была образована комиссия из представителей ЦК комсомола, ВСНХ, ВЦСПС, Наркомтруда и Наркомпроса, которой предстояло выработать проект поста-

**БЕЖАТЬ
ОТ ПРИЗВАНИЯ?**

Я строитель. Просто строитель. Это моя профессия. Это мое призвание.

Прошло всего семь лет, как я окончила училище, где получила рабочую специальность облицовщицы. Уже семь лет. Хотела сразу поступить в техникум — не получилось. Уехала на Украину работать по специальности. Уехала, плохо себе представляя, что это такое — быть рабочим человеком. Трудностей было достаточно. Не все сразу сложилось гладко в коллективе, не все получалось на работе. Бывало, что до слез тянуло в родную деревню, а родом я из Белоруссии. Но постепенно все наладилось, и в сем-

надцать лет я уже почувствовала себя настоящим рабочим человеком, а это очень серьезное звание. Давно уже оправдала я по всем статьям присвоенный мне четвертый разряд.

Я полюбила свою работу, поняла, что строить — мое дело в жизни. Но знаете, часто слышу: «Стройка?». Тоже нашла работу, что хорошего? Или еще: «Неужели нельзя лучше чего-нибудь найти? Сколько работы вокруг чистенькой, без сквозняков...» И вот раньше на меня такие разговоры невольно действовали. Появлялись мысли: «Уйду со стройки. Отработаю два года и уйду». Прошло два года, по комсомольской путевке меня направили на строительство олимпийских объектов в Киев. Мне очень понравился город, увлекла работа, и

уже не приходили в голову мысли уйти со стройки.

Потом я снова вернулась в Воронежград. Наша комсомольско-молодежная бригада, которой руководит Анна Павловна Когут, одна из лучших в тресте. Я горжусь своей рабочей специальностью, считаю ее одной из самых почетных, самых нужных для людей.

Я вышла замуж, у меня растет сын. Словом, все хорошо. Но вот что волнует и возмущает меня постоянно. Есть люди, которые о девушке, работающей на стройке, спокойно могут сказать молодому человеку: «Она же со стройки, значит, не пара тебе!». И говорят это, допустим, парню, который пристроился работать в магазине кассиром. Понимаете, уве-

Мы открываем новую рубрику — «Письмо молодого рабочего», — выделяя в особый ряд то, в чем хотел бы разобраться молодой труженик наших дней, проблемы, которые его волнуют, тревожат, вызывают его особый интерес. Разумеется, разговор этот немыслим без вашей помощи, дорогие читатели!

ЧТО ЕСТЬ ДОСТОИНСТВО?

**Василий ФРОЛОВСКИЙ,
электросварщик СУ-14
треста «Рязаньстрой» № 23,
ударник
коммунистического труда**

Мы с Диной почти ровесники. Я тоже «просто строитель», тоже несколько лет назад окончил строительное училище. Правда, специальности у нас разные, но дело-то одно и место работы одно — стройка.

Не хочется повторять прописные истины: что строители — первоходцы, что с них начинается все на земле, что труд наш почетен... Это знают все. Вопрос в другом: почему все же тянутся многие молодые люди работать где угодно, лишь бы не в брезентовой робе? Посмотрите, сейчас ведь везде, чуть ли не с детского сада начиная, пропагандируют рабочие профессии, а пошли девушки в строители, так ей «общественное мнение» со всех сторон подсказывает: глупо поступаешь, никто замуж не возьмет...

Любопытно и другое. Еще не так давно «провалился» на экзаменах в институт считалось чуть ли не трагедией. Как же — остаться без диплома! Сейчас к этому относятся спокойней. Да и конкурсы в вузах, во всяком случае, многие технические, поуменьшились. Говорят уже о снижении престижа инженера. То есть промышленное производство или стройка непопулярны уже на многих уровнях. Что же остается? О, мест сколько угодно! Продавец, буфетчик, завскладом, приемщик посуды... Тепло и непыльно. Нет, я вовсе не хочу обидеть работников сферы обслуживания, быта. Их труд необходим всем нам. Но я против того, чтобы на человека, избравшего рабочую специальность, посматривали свысока.

Откуда берется такое отношение? Уверен, все начинается с семьи. Профориентация, пропаганда рабочих профессий — это все, конечно, нужно. Но в

то же время и бесполезно, если юноша или девушка в школе слышат одно, а дома — совсем другое. У меня, положим, такой проблемы не было. Отец — сам сварщик. Когда я сказал, что хочу поступить в строительное ПТУ, он меня понял правильно и не возражал. Но сколько еще есть рабочих семей, где детям постоянно внушается: не ходи в строительное, иди в торговое, в кулинарное. Причем и сами родители об этих профессиях ничего толком не знают, кроме одного: всегда «дефицит» можно достичь, всегда сбыт будешь. Но это же только внешняя, примитивная сторона дела.

Знакомые Дины говорят: можно найти чистую работу. А я скажу больше: можно вообще не работать! Вы никогда не видели, как по утрам, чуть свет, толпятся у магазинов крепкие, здоровые мужики, ждут, когда можно будет опохмелиться? И молодежь среди них появляется. Почему не работают, на какие средства живут?

Средства, оказывается, можно получить разными способами. Помочь что-то поднести, разгрузить. А можно просто прибрать к рукам что-либо лежит. Или пустые бутылки собирать. Деньги небольшие, но на закуску хватит. Еще «нищие» занятия — вещи перепродаивать. Впрочем, это уже опасно. Уголовным кодексом пахнет...

Рассуждения о непыльной работе меня в общем-то не очень задеваются. Ну, можно устроиться барменом или, еще лучше, пивом торговать. Выгодно, наверное... Но... не представляю себя на подобном месте. А когда вижу за прилавком в магазине или на рынке сверстника, как-то даже неловко становится. Между прочим, он тоже на сквозняке весь день, и ему гораздо хуже: я-то хоть в работе, не мерзну. Но вот иду я мимо кинотеатра «Октябрь», что с моим уча-

стием построен — такой красавец дворец стоит, душа приятно. Есть на что посмотреть, есть что вспомнить. А тому, на рынке, что вспоминать? Мятые рубли в кармане? Нет, не позавидуешь такой доле...

Мне кажется, те, кто выбирает себе «теплое местечко», сами обделяют себя в главном — у них вряд ли есть настоящие друзья, товарищи. Ведь людей, как правило, соединяет и сплачивает общее дело. Что у меня общего с молодым гренадером, торгующим пепси-колой? Да нам даже поговорить не о чем будет.

А вообще-то мне жаль этих парней. Честно. Молодец за прилавком внешне горд и непримечателен, а то и хамоват, высокомерен, но в глубине-то души,

думаю, не умерла в нем мысль: а так ли начал жизнь? Не размениваю ли лучшие годы на мелочи, на пустяки, о которых потом стыдно вспомнить будет?

Мне возразят: ничего такого они себе не думают. Не верю. Ведь должно быть у человека чувство собственного достоинства? Должно. А раз так, то нельзя не задуматься, почему же ты занимаешься делом — ты, мужчина в расцвете сил! — с которым справился бы пенсионер и слабая девушка? Какие способности и таланты ты безнадежно, бесмысленно, глухо губишь в себе? Почему твои руки, молодые и еще сильные, не знают ни тепла дерева, ни шершавой твердости камня, ни холодной крепости железа? Знают только липкое стекло использованных банок и безжизненный шелест потертых купюр?.. И если парни не думают об этом сегодня, то мне жаль их еще больше. Потому что сегодня, пока они молоды, еще есть время что-то исправить. А каково будет думать об этом, когда и исправить уже ничего нельзя?..

А если они вообще не задумаются об этом? Значит, не было и нет в них настоящего чувства человеческого достоинства. А, на мой взгляд, жить без него — хуже и обиднее ничего не придумаешь.

Работа у нас действительно не «чистенькая» и сквозняков хватает. Вот сейчас мы строим животноводческий комплекс. До холдов не успели «закрыть» корпус — стекол нет, отопления тоже. Так что сквозняк — будь здоров! Плохо с техникой: нужен кран и бульдозер, а их не дают. И траншеи под разные инженерные коммуникации роем вручную. Лом да лопата — вот вся техника.

Почему так сложилось? Дело в том, что объект внеплановый. Тут и другой вопрос возникает: а зачем мы взялись

за строительство, если нет гарантий в материально-техническом обеспечении? Зачем обременять себя на тяжелые условия работы?

Вопросы логичные, но есть моменты, когда логика отступает на второй план. Как бы там ни было, комплекс-то растет и будет введен в строй раньше, чем это могло произойти в плановом порядке. Я, конечно, не за то, чтобы все строить вне плана, создавать искусственные трудности. Но в данном случае речь идет о выполнении Продовольственной программы, преобразовании Нечерноземья.

Высокие слова? Какие ж тут слова, если комплекс намного раньше начнет давать продукцию. Мы, конечно, поругиваем непорядки на стройке, но в глубине-то души понимаем, что бывает, когда

иначе нельзя. Лишь бы не превращать временные трудности в постоянные.

Что меня волнует, как и Дину, — это снижение престижа профессии строителя — самой массовой, кстати говоря, профессии. Отчасти мы, строители, сами в этом виноваты. Ведь стройки, как правило, у всех на виду, а что нередко видят люди? Образчики бесхозяйственности, неряшливости. Кому не знакома такая картина: построен новый дом, а кругом кучи застывшего бетона брошенны, панели, битые кирпичи, трубы валяются. Совсем беда, если в новом доме крыша течет, полы вкривь и вкось, двери не закрываются. И такое бывает. Что человек подумает о строителях? Ясно что — халтурщики, бракоделы.

Вот таким отношением к делу строитель и подрывает свой авторитет, престиж. Отчего рождается халтура? Можно, конечно, сослаться на плохое руководство, на разные объективные причины. Но только ли в этом дело? И в людях тоже. В твоем уважении к профессии, к своему труду. В чувстве долга и хозяина, наконец. Да и просто в точном исполнении обязанностей, а на это в принципе способен каждый.

Я как-то разговаривал с одним заводским мастером, который делает панели, плиты для сельского строительства. Жаловался он, что цех, бывает, неделями простаивает.

— А почему, — спрашиваю, — вы такой брак гоните, что смотреть тошно? Пока вашу панель довезут, у нее углы отваливаются.

— Оборудование у нас старое, изношенное, — отвечает. — А план большой. Мы могли бы делать отличные панели, только вдвое меньше.

Понимаете, рабочих вынуждают гнать брак: они не успевают пропаривать станки, делать все, как положено по технологии. Может, у рабочего и болит

рены, что рабочая девушка чем-то
хуже его. Опять вспоминаются раз-
говоры о том, что нужно бежать со
стрижкой, которых я столько наслу-
шалась в свое время. Наслушалась,
но, к счастью, не послушалась. Я
верю, что людей с таким отношени-
ем к жизни с каждым годом будет
становиться все меньше и меньше, но
я люблю свою работу и слышать
такое спокойно не могу. Особенно
когда говорится это молодым, толь-
ко начинающим взрослую жизнь. По-
тому и пишу тебе, «Смена». От та-
ких разговоров становится тяжело
на душе.

**Дина АНИСИМОВА,
строитель
Ворошиловград**

душа от такой работы, но его заставляют. А брак — это как цепная реакция. Я что-то не представляю, чтобы из плохих деталей можно было хороший дом построить. Но что-то ведь предпринимать надо! Нет безвыходных положений. Значит, на том заводе есть равнодушные люди, которым на свои обязанности наплевать. Нет оборудования? Так требуй, добивайся, но не сиди сложа руки. Многие наши беды — от равнодушия. Сойдет, мол, и так... Но если ты свой труд не уважаешь, разве будут уважать его другие?

Чтая письмо Дины, невольно позавидовал: не каждому довелось строить олимпийские объекты. Это и признание мастерства и знак уважения: на такие стройки отбирают лучших. Это и особая память на всю жизнь. Но и Дина наверняка начинала с малой, рядовой стройки. И не все у нее получалось и хотелось бросить работу... Не бросила. Значит, хватило терпения, а главное, умения видеть дальше сегодняшнего дня.

В училище вместе со мной в группе было человек тридцать. Но очень многие потом ушли учиться на шоферов. Вот это, такие метания, я не очень понимаю. Бывает, что та или иная профессия вдруг становится «модной». В Рязани сейчас «в моде» профессия водителя автобуса. Спору нет, тоже нужная профессия. Но зачем ты три года в училище занимал не свое место, зачем мастера впустую тратили на тебя силы?

Я не очень доверяю людям, которые мечутся по жизни в поисках легких и быстрых заработков. Эти искаания часто не доводят до добра.

Был у меня сосед по дому, ровесник. После школы поступил в ПТУ. Оттуда его вскоре исключили — не хотел учиться как положено. Устроился в строуправление отделочных работ. Уже месяца через три попался на краже, пошел под суд. После освобождения явился в наше управление. Но хватило его буквально на два-три дня — и снова занялся поисками легкой жизни. Попал за решетку вторично... Я с ним как-то разговаривал, но он так и не понял, почему я работаю на страже.

Да просто я считаю, что нужно заниматься делом, которое позволяет тебе выкладываться до конца, добиваться того, на что действительно способен. Заниматься делом, за которое тебя люди уважают. Уважают по-настоящему. А то ведь многие любители легких денег и теплых местечек кем только не представляются незнакомым людям: и кандидатом наук, и летчиком-испытателем, и спортсменом, и бог его знает кем! А мне таить, например, нечего, так и представляюсь: строитель. И знаете, у людей, которых уважаю, мнение которых мне дорого, никогда не видел в ответ пренебрежительно-снисходительной усмешки. Ну, а тем, кому открыто предъявлять людям источники своего жизненного благополучия стыдно, только и остается делать вид, что они просто презирают «грязные» специальности. На самом же деле презирают они не специальности, а честную трудовую жизнь. А трудностей, без которых такая

жизнь невозможна, они просто боятся, не хватает у них духа бороться с ними. Вот и делают высокомерный вид, а за них просто трусость. Так я и сказал своему бывшему соседу, которого жажда незаработанных денег привела за решетку.

Кстати, я заметил, что кадровые строители — люди очень честные. К примеру, я могу спокойно оставить зарплату в бытовке, хотя все у нас нараспашку. Часы оставить — прописаны несколько дней, и ничего. А вот когда нам приходилось пользоваться раздевалками некоторых организаций, для которых мы строили, там всякое бывало...

Как-то я стал припоминать, где доводилось строить и во время практики и после училища. Заводской цех, центральный стадион в Рязани, кинотеатр... В поселке Дашки всего за одно лето построили трехэтажную школу; там вдобавок освоил профессию каменщика. Работал на новой АТС (очень сложный объект был), на стройке цехов двух заводов в Касимове, строил гаражи, мастерские, комплексы на селе... Словом, немало повидал.

Знаю, женщины на стройке много труднее. И физически и морально. Взять хотя бы такой «пустяк», как спецодежда. Мне в общем-то все равно, как сидит на мне спецовка — была бы прочная. Но молодой женщине внешний вид и на работе небезразличен. А ее обряжают в грубую, мешковатую, «безразмерную» спецодежду. Неужели наша легкая промышленность не в силах выпустить легкий, прочный и элегантный костюм? Неважно налажен и быт строителей, низка организация труда, медленно внедряется бригадный подряд — все это тоже не способствует популярности нашей профессии.

...Снисходительное, обывательское отношение к строителям не может меня оскорблять. Я ценю мнение только тех людей, которых сам уважаю. Другое задевает за живое. Прочитавши иногда в газете под рубрикой "Из зала суда" про какого-нибудь вориогу или растратчика и узнаешь: направлен отбывать наказание на стройку. Да что стройка — исправительный дом? И почему работа на стройке вольно или невольно превращается в наказание? А уволенных по статье куда обычно направляют? Опять же на стройку. (Кстати говоря, и от осужденных и от уволенных — встречался и с такими — на стройке обычно меньше всего толку: они же ничего не умеют!) Так, подспудно, складывается общественное мнение: стройка — последнее дело, раз туда уголовников и пьяниц посыпают.

Невинц послало!...

Не знаю, как тут быть. Может, надо провинившихся не отправлять на стройку, а обязывать работать и искупать вину на своем предприятии, в своем коллективе? Там по крайней мере знают характер человека, его привычки и слабости.

Да, сложностей на стройке еще немало. И объективных и субъективных. С одними надо бороться: за нас это никто не сделает. Другие неизбежны и требуют терпения, силы воли. Но велика еще текучесть кадров, особенно молодых, в строительстве. Часть, и немалая, уходит действительно по тем причинам, о которых пишет Дина, не у всех хватает характера справиться с трудностями стройки. Но я убежден: все интересное обязательно сопряжено с трудностями.

Не надо только сразу пугаться и бежать от них.

Армейскую службу я проходил на Севере в морской пехоте. Правда, была возможность и там устроиться сварщиком. С практической точки зрения это было лучше во всех отношениях: по крайней мере, и там мог бы повышать квалификацию. Но, поколебавшись, выбрал все же пехоту. Вот уж где трудно, так трудно! Заполярье, морозы, пурга... И все-таки ни о чем не жалею. После северных буранов легкий сквозняк на стройке — ерунда. Понял, что и в трудностях есть большая польза: они закаляют характер. Только не надо позволять сбивать себя с выбранного пути.

Пролитники всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 8 (1366) АПРЕЛЬ 1984

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

**Наша обложка:
«ЛЕНИН В ЗАКОПАНЕ».**

**Картина художников
М. АБДУРАХМАНОВА
и Г. ЯРАЛОВОЙ**

- 1** Владимир ДЕСЯТЕРИК, кандидат исторических наук.
«ЛЕНИНСКОЙ ЗАБОТОЙ СОГРЕТЬ».

2 НОВАЯ РУБРИКА. ПИСЬМО МОЛОДОГО РАБОЧЕГО.
Дина АНИСИМОВА. «БЕЖАТЬ ОТ ПРИЗВАНИЯ?»
Василий ФРОЛОВСКИЙ, электросварщик.
«ЧТО ЕСТЬ ДОСТОИНСТВО?»

4 Сергей ВОНСОВСКИЙ, академик.
«ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ НАУКИ НЕ БЫВАЕТ».

6 ПИСЬМА ИЗ РАЙКОМА.
Павел ЕМЕЛИН. «ОТРАЖЕННЫЙ СВЕТ».

8 Рассказ ЭЛЬЧИНА
«ПЯТЬ МИНУТ И ВСЯ ЖИЗНЬ».

11 НАВСТРЕЧУ VIII СОВЕЩАНИЮ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ.
Стихи Нины ГНАТЮК.

12 ГЕРОЙ для ПОДРАЖАНИЯ.
«СТРЕЛА РУСТАМА».
Фотоочерк Юрия ШАБАНОВА и Сергея ВЕТРОВА.

14 «УЗНАТЬ! ПОЧУВСТВОВАТЬ! ПОНЯТЬ!»
Всесоюзный конкурс сочинений учащихся ПТУ.

18 Ольга ЧАЙКОВСКАЯ. «ПУШКИНСКИЙ ПРИМЕР».

20 «ОЛИМПИЙСКИЕ МГНОВЕНИЯ».

22 МОЛОДЫЕ МАСТЕРЫ ИСКУССТВ.
Геннадий СУХИН. «СИЛОВОЕ ПОЛЕ АКТЕРА».

24 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».

27 Повесть Льва ПРОЗОРОВСКОГО
«ОХОТНИКИ ЗА ПРОШЛЫМ».

31 ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Ю. М. ПОЛЯКОВ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, Г. С. ТЕРЗИАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ

Художник Г. С. Терзибашянц. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда», «Смена». 1984 г.

— Сергей Васильевич! Готовясь к этой беседе, я собрал массу интересной информации об Уральском научном центре, которым вы руководите. Центру тридцать лет, в нем одиннадцать институтов, около семи тысяч научных сотрудников. В последние годы здесь проведены фундаментальные исследования в области математики, физики, механики, экономики. Двести семьдесят пять миллионов рублей — таков, я знаю, экономический эффект от тысячи двухсот разработок институтов, внедренных в этой пятилетке. Данные весьма впечатляющие. И все же... И все же, Сергей Васильевич, Свердловск — это не Москва или Ленинград. Не ощущают ли себя ваши учёные, особенно молодые, как-то оторванными, что ли, от традиционных академических центров? Не считают ли они себя своеобразной средней промежкой, так сказать, периферийной частью современной науки? Не отражается ли это на результатах их работы?

— А вы для начала попробуйте популярно разъяснить мне, что такое периферийная наука. Боюсь, у вас ничего не получится. Даже уверен. Потому что такой науки просто не существует! Вспомните Геттинген, Кембридж, Бостон. Все это не столицы, но в то же время традиционные мировые научные центры.

Материальная база, лаборатории, аппаратура — в этом мы ничем практически не отличаемся от столичных институтов. По числу титулованных учёных тоже не уступим. По результатам исследований?.. Судите сами.

У нас в Уральском центре работает широко известная школа математиков академика Красовского. Не только в Союзе, но и за рубежом считаются передо-

Результаты научного поиска ни в коем случае не должны повисать в воздухе и оставаться красивыми, ценными... воздушными шарами.

Нужно, чтобы каждая новая формула, результат каждого удачного эксперимента работали, работали, работали!..

В рамках программы созданы КТМК — комплексные творческие молодежные коллективы. Сейчас их у нас одиннадцать. Поначалу многие из наших учёных старшего поколения считали это бесполезной затеей. Подумашь, говорили, изобрели еще одно название! А что за них?.. Но довольно скоро число скептиков сильно уменьшилось. КТМК доказали свою боеспособность.

В прошлом году мы провели конкурс таких коллективов. Лучшим был признан КТМК из Ижевского физико-технического института. Там создан спектрометр, по качеству превосходящий многие зарубежные образцы. Еще одним победителем назван КТМК из нашего Института металлургии, где была сделана интересная работа по легированию труб, разработан новый технологический процесс получения сплавов для модификации чугуна. Ожидаемый экономический эффект — 9,9 миллиона рублей в год.

Такими результатами, согласитесь, вполне могли бы гордиться любые столичные научные учреждения.

Кстати, мне вспомнился такой случай. Как-то с высокой трибуны я рассказывал о нашем центре и, между прочим, сказал, что один из наших институтов связан с пятьюстами организациями, разбросанными по всей стране. Меня тут же принялись упрекать в том, что мы распыляем свои усилия. Тогда слово взял президент Академии наук СССР Анатолий Петрович Александров и сказал, что иначе быть не может. Да и не должно быть иначе. Было бы неверным работать

Конечно, основная часть исследований нашего центра ведется непосредственно для нужд Урала. И научная молодежь принимает в этом серьезное участие. Ей мы отводим важное место и в решении проблем освоения Севера.

— Сергей Васильевич, почему программу освоения Севера центр начал разрабатывать только сейчас? Ведь Север уже давно привлекал внимание человека.

— Причин несколько. Основная, пожалуй, в том, что с каждым годом выпуск нашей промышленной продукции требует все больших затрат. Добыча полезных ископаемых становится все более сложным и дорогим предприятием. Ведь практически все запасы минерального сырья и руд на Среднем и Южном Урале, давно разведанные до глубин порядка пятисот метров, уже основательно исчерпаны. Приходится разрабатывать либо более бедные залежи, либо углубляться дальше. Но и то и другое значительно удороожает добчу. Северный, Приполярный и Полярный Урал и прилегающие зоны с запада и востока практически еще не были изучены геологами. А вот по прогнозам там ожидаются огромные запасы ценнейших полезных ископаемых. То есть добча минерального сырья будет постепенно передвигаться на Север.

Однако условия жизни на Севере, как и разработка и эксплуатация месторождений, значительно отличаются от существующих в более южных и более мягких по климату районах. Обживать Север нужно с великой осторожностью. Известно, например, что олень никогда не ходит по одной и той же тропе. А прошел трактор — тундра ранена: остается мертвя зона. При освоении Севера возникнут и вопросы, связанные с обеспечением рабочей силой, с условиями жизни, зарплатой, созданием новой техники и другими фак-

провинциальной науки не бывает

Сергей ВОНСОВСКИЙ,
академик,
председатель президиума
Уральского научного центра

выми позиции, занимаемые нашими школами физиков по магнетизму и металловедов академика Садовского. Добавьте сюда еще и высокотемпературную электрохимию, геологию, экологию...

Что касается молодых учёных, то их вклад в достижения Уральского центра достаточно высок.

К примеру, в геофизике это разработка новой аппаратуры, основанной на ядерно-физических принципах. Причем аппаратура эта практически единственная в Союзе, по своим показателям значительно превышающая уровень лучших зарубежных образцов.

Весьма эффективно работает группа молодых учёных и на Белоярской атомной станции, где мы располагаем исследовательским реактором. Заметен вклад молодых и в области теоретической физики, в области теории твердого тела.

Так что в Уральском центре есть свои оригинальные направления. И поверьте, их гораздо больше, чем я перечислил. Но главная задача — скорее добиться, чтобы каждый институт приобрел свое собственное лицо, чтобы его исследования были актуальны. При этом мы, конечно, не можем да и не должны охватывать все без исключения сферы науки.

И все же провинциальная наука есть! Это плохая наука. И провинциальным учёным можно назвать того, кто работает вполсили, не замахивается на большие дела.

Кстати, быть таковым вполне можно и в самой Москве. Что скрывать, и я не раз встречал подобных людей в столичных научных учреждениях. О них с чистой совестью могу сказать: вот провинциальные, периферийные научные работники — как по подходу к делу, так и по вкладу в него, по практическому использованию результатов.

— У молодежи УНЦ есть специальная программа «Внедрение». В нее включены работы, которые должны быть выполнены в этой пятилетке. Раскажите, пожалуйста, об этом поподробнее.

— Одним из наиважнейших моментов в деятельности молодых учёных я считаю внедренческую работу.

только на себя, замыкаясь на проблемах только своего региона. Наука не знает территориальных границ. И мы, уральские учёные, гордимся тем, что наши труды широко используются по всей стране. Так, например, недавно наши физики-магнитологи нашли способ существенно улучшить текпроцесс на текстильных предприятиях Ивановской области. Это значительно облегчит труд ткачих. А ведь Иваново от Урала неблизко.

В свое время мы передали железнодорожному транспорту разработанные нашими специалистами магнитные дефектоскопы. Сейчас ими оборудованы вагоны-лаборатории, обслуживающие всю сеть железных дорог страны и метрополитены. В ближайшие несколько лет нам нужно создать магнитные дефектоскопы для нефтегазопроводов страны. Задача весьма сложная. Но ведь чем сложнее задача, тем весомее результаты. И тот факт, что нашими уральскими разработками пользуется вся страна, для учёных центра — моральный стимул, который ничем не заменишь.

Да, мы уральские учёные, но никакие границы перед нами не поставлены, в рамки мы не замкнуты. Рамки, узость, отсутствие перспектив и масштабов — все это настоящей науке изначально противопоказано. Замкнутая в рамки, наука хиреет, перестает плодоносить.

Думаю, то, что в свое время наука у нас концентрировалась в Москве и Ленинграде, было не совсем правильным. Честь и хвала академику Лаврентьеву за основание Новосибирского центра. Важное, нужное дело! Вот уже четверть века приносит стране огромную пользу коллектив новосибирских учёных. Теперь во всех союзных республиках есть Академии наук. Они ни в коем случае не должны копировать Всесоюзную Академию. Напротив, у каждой должно быть свое, оригинальное направление. В Армении, скажем, есть замечательная школа астрофизиков академика Амбарцумяна, в Грузии — прекрасная школа математиков. И так практически в каждой республике.

торами. Программа освоения Севера России, к которой мы приступили, потребует тщательной подготовки. Только тогда мы сможем с чистой совестью начать осваивать его, зная, что не нанесем вреда.

И, конечно, осваивать суровые края придется прежде всего молодежи.

— И, наверное, многое будет зависеть от того, как осваивать?

— Да, это очень важно. Чего уж греха таить, нередко мы бываем чрезмерно расточительными. Вырубаем леса, сливаем в реки отходы; вырастают горы выработанной земли, шлака. Посмотрите, что творится вокруг заводских корпусов, тепловых электростанций, нефтяных вышек. Не то что цветочка, травы не заметишь!.. К этому привыкли, считается, что таковы и должны быть издержки производства. Видимо, кто-то еще думает, будто природа все выдержит, ее хватит на все времена.

Увы, силы природы не безграничны. Венец ее творения — человек — оказывается гораздо сильнее. И в этом счастье его и беда.

Осваивая новые районы Севера, молодым учёным придется учитывать очень многое. И мы, люди старшего поколения, должны прививать им любовь к природе, учить беречь ее. Внутренняя культура, заботливое отношение к природе должны быть в крови. Ведь им, молодым, их детям и внукам жить в двадцать первом веке. И они должны заботиться о будущем сейчас, чтобы потом не оказаться в безжизненной пустыне, сотворенной своими же руками.

И думать об окружающей среде надо постоянно, и не только в глобальных масштабах. К примеру, многие молодые люди стремятся обзавестись автомашиной. В этом, конечно же, нет ничего плохого. Но когда они, выехав на этой машине за город, оставляют после себя масляные пятна, неубранные бутылки, банки, мусор, когда моют машины на берегу речки или озера...

Еще совсем недавно говорили о том, что замусоре-

ны леса вблизи больших городов. Но сейчас благодаря личным автомобилям начали страдать наши уральские леса и вдали от городов. Где не ступала, как говорится, нога человека, там ступают автомобильные колеса. И ведь это не следы цивилизации, как мы себя иногда оправдываем, а просто почек глубокого бескультурья.

Я всегда приучал своих детей, теперь учу внуков: никогда ничего не оставляйте в лесу, кроме разве что крошек для птиц. И второе, чему я учили их,— бережливости. Во всем, в большом и малом. А то ведь сегодня, когда жизненные условия улучшаются год от года, многие молодые люди не задумываются, чего нам это все стоит, во что обходится.

Возьмите хотя бы пищу. Чуть ли не треть ее мы выбрасываем, у нас не наложен систематический сбор отходов для скота. А сколько труда вложено в ломти хлеба или кусочек мяса! Всегда ворчно на своих домашних, если они оставляют что-то на тарелке. Зачем было брать больше, чем хотел съесть? Просто так? Такого я понять не могу. С детства меня родители приучили ценить чужой труд.

А когда в квартире горят десятки никому не нужных ламп или продолжают гореть днем?.. Говорю об этом не потому, что я какой-нибудь скряга. Заплатить за свет мне несложно. Просто я вижу за этими бесполезно потраченными киловаттами безостановочную работу мощных энергетических машин и опять же труд реальных людей, нелегкий труд.

Все это—бережное отношение к природе, чужому труду—вопросы нравственного порядка, и я глубоко убежден, что настоящий ученый должен быть человеком нравственным, ответственным в любом своем поступке, большом и малом.

— Сергей Васильевич, еще вопрос, касающийся

Я, например, совсем не в курсе, какие танцы предпочитает Александр Завьялов, молодой ученый из института металлургии, или как одеваются молодые люди из Ижевска, чьи работы, представленные на конкурс на лучшую работу молодого ученого нашего центра, уже используются в научном приборостроении и, судя по всему, попадут на Лейпцигскую ярмарку. Для меня самое главное, что их работы не требуют никаких скидок на возраст, что, занимаясь ими, эти ученые проявили настоящую увлеченность делом, самоотверженность, умение не считаться с трудностями, характер. Конкурс, который я упомянул, вызывает к жизни массу интересных работ. А я прекрасно знаю, что стоит за каждой такой работой, как надо работать, чтобы сегодня добиться интересного результата. Вот с этих позиций я и сужу о нашей молодежи.

Самое главное, на мой взгляд, в отношениях с молодежью—добрый пример, верная жизненная позиция старших товарищей.

Убежден: самый надежный фильтр, задерживающий все ненаносное и пустое,— постоянный труд. Я на всю жизнь благодарен своим родителям—истинным труженикам,—у меня всегда перед глазами их пример. Отец был учителем, он засиживался за столом до глубокой ночи—составлял расписание, проверял домашние задания. То были годы становления советской школы, так что многое приходилось придумывать самому, дел накапливались невпроворот. Я видел, как работают родители, и всегда сам старался помочь им по хозяйству—убрать комнату, помыть посуду. Я оставался обыкновенным мальчишкой и побаловать любил, но большая часть дня у меня была отдана какой-нибудь работе.

Я вспомнил сейчас об этом потому, что знаю, как важно для молодежи иметь перед глазами добрый пример.

Каждый заведующий лабораторией должен, точно—обязан, я настаиваю на этом—обязан!—во всех деталях знать своих подчиненных, уметь поговорить с ними, помочь, не забывая, что у каждого свой характер, к каждому требуется индивидуальный подход. Знаете, с одним можно пошутить, весело поболтать, а с другим—только серьезным тоном.

А вообще отношения в науке начинают складываться еще задолго до того, как молодые ученые приходят, предположим, в НИИ. Начинаются они с учебы, с преподавания, с демократизма в отношениях между учителем и учениками.

— Не потому ли в вашем центре была создана Малая академия наук?

— В какой-то степени и поэтому. Наша Малая академия наук—МАН—существует более пяти лет. В ней занимается около тысячи старшеклассников и еще шесть тысяч—в школьных научных обществах области, связанных с МАН. Президентом МАН является доктор технических наук Святослав Анатольевич Тимашев из института металлургии, его заместитель—кандидат наук Ирина Кочергина. Ирина, мне кажется, просто влюблена в эту работу с детьми!

В МАН двадцать две секции. Математика, экология, геология, экономика, физика, химия, философия, история, архитектура... всего не перечислишь. Самая молодая здесь—секция педагогики. Мне кажется, это очень интересный и важный раздел, ибо педагогов тоже необходимо учить с детства.

Думаю, основная задача Малой академии не только в том, чтобы помочь ребятам в профориентации, но и вообще расширить кругозор, научить нешаблонно мыслить. И хорошо, что наш совет молодых ученых уделяет этому столько времени и сил. Ведь это уже начальная стадия тех самых отношений разных поколений в науке, о которых мы с вами сейчас говорим. Лет через десять нынешние старшеклассники с дипломами вузов придут в академические институты и будут продолжать работать со своими бывшими преподавателями.

— А как быть, когда возникает вечно большой вопрос в научной среде—вопрос об авторстве?

— Да, чего уж скрывать, есть руководители, любящие поставить свою фамилию под любой работой, даже если и отношения-то к ней никакого не имели. И ведь порой доходит до абсурда. У некоторых «ученых» за три-четыре года появляется до трехсот работ. Получается, каждые два-три дня—новая работа. Совершенно ясно, что это фальсификация в чистом виде. Просто человек ставит подпись на трудах своих подчиненных и учеников.

Как с этим бороться? Принципиальностью, последовательностью. Скажете: легко говорить, а попробуй откажи титулованному руководителю, если сам еще без степени, без печатных работ!.. Надо найти в себе смелость отказать, не идти против совести. Иначе недолго сделать привычкой то, что, кажется, было необходимым лишь однажды. Уступишь раз, другой—пиши пропало...

А без смелости, скажу я вам, в науке делать нечего.

Конечно, бывают ситуации, когда тебя, предположим, могут благодарить за совет, за помощь... Но присваивать себе после этого авторство!.. В высшей

степени аморально. Это ли не доказательство собственной беспомощности, научной несостоятельности? Вот как раз таких людей я бы и назвал периферийными учеными.

Нередко случается, когда сам молодой ученый просит маститого поставить подпись, потому что ему по тем или иным причинам это выгодно. И некоторые маститые по доброте душевной соглашаются. Признаюсь, и со мной такое случалось когда-то. До сих пор простишь себе не могу. Вспоминаю и краснею...

— Сергей Васильевич, насколько мне известно, в прошлом году исполнилось двадцать лет Свердловскому областному совету молодых ученых и специалистов. Это был первый городской совет молодых ученых в стране. Расскажите, пожалуйста, подробнее о его деятельности и планах.

— Организаторами совета были подлинные творцы и энтузиасты, в основном представители нашего центра—Владимир Балакирев, Виталий Бамбуров, Леопольд Лазарьев, Игорь Борисов и другие. Это был период поиска и апробации новых форм работы с молодой научно-технической интеллигенцией. Все, чем занимался тогда совет, делалось практически впервые в стране. Впервые были организованы молодежные научные конференции, проблемные группы, заключены первые договоры о научно-техническом сотрудничестве.

Сразу приведу пример из сегодняшних планов. Не так давно состоялось заседание коллегии Министерства цветной металлургии, в котором приняли участие и наши ученые. С этим министерством у нас давние связи. Уже не первый год, как мы заключили генеральный договор с ним, причем именно со всей отраслью, а не с каким-то отдельным предприятием. Наши ученые немало делают для этой отрасли. И вот сейчас у нас с Минцветметом есть новое совместное дело. Нашим химикам удалось разработать интересный инструментальный сплав без использования высокодефицитного вольфрама, то есть более дешевый. Ученые работали над этой проблемой совместно с представителями министерства и завода. Вот мы и хотим, чтобы это предприятие стало базовым, чтобы именно отсюда пошли по стране новые инструменты. Они уже и сейчас с успехом используются на ста двадцати предприятиях и хорошо зарекомендовали себя.

В этих разработках заметную роль играет наша научная молодежь, деятельность которой координируется советом молодых ученых.

В свое время опыт, накопленный Свердловским советом, был заложен в основу документов Центрального совета молодых ученых и специалистов.

За двадцать лет совет стал реальной силой. Члены совета работают рука об руку с нашей комсомольской организацией, во главе которой стоит комсорг ЦК ВЛКСМ Виктор Краснов.

Возьмите, к примеру, такой важный вопрос, как повышение эффективности деятельности молодых ученых. Когда они приходят к нам из высших учебных заведений, большинство весьма смутно представляют, чем придется заниматься. Вот и необходимо создать им условия для скорейшей адаптации, интенсивной работы. Молодой человек должен быстро понять, что от него требуется, включиться в работу, сразу же определив свое место в коллективе.

Не менее важное дело—профессиональный рост молодых ученых. Для этого у нас организуются различные научные школы и семинары. Задачи у них две. Первая—расширение научного кругозора. На таких занятиях разбираются общие вопросы развития как своей науки, так и сопредельных. Второе—глубокое изучение более узких вопросов своей непосредственной специальности.

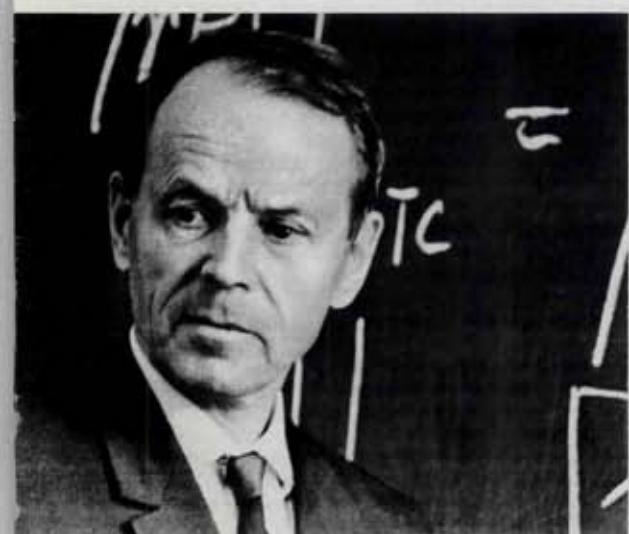
О планах. Нам есть чем гордиться, и все же использование научного потенциала старейшего промышленного района страны еще не в полной мере отвечает решениям партии. В недавнем постановлении ЦК КПСС «О работе Уральского научного центра Академии наук СССР» перед нашими учеными поставлена задача ускорения научно-технического прогресса в регионе, повышения эффективности и качества исследований, более широкого внедрения их результатов в народном хозяйстве.

Это постановление ориентирует уральских ученых на решение региональных проблем. Но оно относится не только к нашему центру—имеет общенаучное значение.

По многим отмеченным в постановлении вопросам мы уже предпринимаем конкретные шаги.

Нужно много работать, не боясь неожиданных поворотов в решении проблем, не боясь авторитетов, всегда доводить дело до конца, быть не просто ученым, но и гражданином, порядочным человеком, умеющим ценить не только свой труд, но и усилия других. А все это по плечу действительно творческим людям, а не провинциалам в науке, избравшим себе место на ее обочинах.

Беседу вел
Геннадий МАКСИМОВИЧ.

нравственных сторон жизни ученых. В Уральском центре около двадцати процентов составляет молодежь. Как складываются отношения между молодыми и учеными старшего поколения? Как идет процесс преемственности поколений? Не возникает ли конфликтных ситуаций, как они решаются?

— Сложный вопрос. Мы, люди старшего поколения, должны себе ясно представлять, чего ждем от молодого человека и к чему имеем моральное право относиться критически.

Лично я считаю: главное, чтобы ведущее начало в человеке не вызывало сомнений. Если я вижу, что человек имеет достойную цель в жизни, направленную на служение своему народу, стране, если он честно идет к этой цели, то меня совершенно не интересует, ходит он во фраке или джинсовой костюме, носит длинные волосы или бреет голову наголо. Я вовсе не жду от него того, что он подобнялся в одежде, к примеру, моим вкусам и привычностям.

Ну и что, что купил «стенку» или магнитофон, машину! Эти моменты должны быть вторичными. В конце концов жизнь улучшается, и нечего нам вмешиваться и постоянно поучать молодежь, как жить!..

Другое дело, если приобретательство захлестывает основную цель и она тонет в пучине вещизма. Вот тут-то молчать нельзя, надо вмешиваться, и самым решительным образом.

Я не случайно говорю об этом подробно. У нас, случается, перегибают палку и вместе с водой готовы выплеснуть и ребенка. А ведь порой и сами критикующие не убереглись от вещизма. Но тут уж, пожалуйста, будь добр сам быть кристаллом, прежде чем кого-либо рассматривать на свет!

В свое время академик Арцимович говорил, что предпочитает иметь дело с человеком чистой души, преданным науке, и пусть он на здоровье танцует твисты и рок-н-роллы. Это куда лучше подлеца, танцующего степенный вальс. Я с этим полностью согласен.

Павел ЕМЕЛИН,
специальный
корреспондент «Смены»

Комсомольский лидер всегда впереди, на виду у всех. Умеет ли он в текучке видеть главное, прислушиваться к критике, делать правильные выводы? Какие оценки получают его идеи и поступки?

В центре Прокопьевска, на углу тихой старой улочки, стоит аккуратный двухэтажный с высоким крыльцом особняк — горком ВЛКСМ. Пора бы привыкнуть, но всякий раз немножко волнуешься, когда подходишь к дверям, у которых висит табличка с изображенным на ней комсомольским значком. Легко толкнется в груди то ли грусть по прошлым счастливым, полным боевого задора комсомольским годам, то ли память о разлетевшихся по свету друзьях, с которыми вместе учился, работал, спорил, мечтал, делил поровну радости и горечи. То было комсомольское братство, неповторимое и незабываемое, когда все равны, каждый говорит, что думает, и все же — так уж получалось — самое верное, самое веское слово, вбиравшее в себя то, о чем мы так долго и горячно спорили, высказывал наш комсогр. И сегодня, встречаясь с комсомольскими работниками, мысленно спрашиваешь себя: каков он, современный вожак молодежи? Невольно ищешь черты, роднящие нынешних комсомольских секретарей с теми, кто и тебе вручал когда-то — кстати, не так уж и давно — билет, эту бесценную красную книжечку с ленинским профилем, кто давал первые поручения, а в трудную минуту протягнул руку помощи.

Юра Кислицын. Что он для меня сделал? Казалось бы, ничего особенного. Просто он, в ту пору — секретарь комитета комсомола большого завода, одарил вниманием недавнего десятиклассника, срезавшегося при поступлении в университет. Семнадцатилетний мальчик-художник (именно так записана в трудовой книжке профессия, по которой меня приняли в ремонтно-строительный цех) переживал свой провал как тяжкий удар судьбы. Секретари комитета, симпатичный, спортивного вида парень с короткой, по тогдашней моде, стрижкой «под бокс», предложил мне оформить сатирический выпуск «Комсомольского прожектора». До сих пор не пойму, каким чутьем он угадал, что сидящий перед ним мальчик еще и сочиняет стихи. Улыбнувшись, Юра намекнул: «И стишата пригодятся, только чтоб с перцем».

В тот день я уходил из комитета комсомола другим человеком, а скоро от моей хандры не осталось и следа. Позже мы часто виделись с Юрай в горкоме и обкоме комсомола, вели деловые беседы, говорили о житье-бытье. Я начал работать в Горьком, в областной молодежной газете, когда он был уже многоопытным первым секретарем Дзержинского горкома ВЛКСМ, делегатом XVII съезда комсомола, кавалером ордена «Знак Почета». И тогда он оставался верным советчиком, готовым помочь в любую минуту.

Да только ли для меня одного? Сколько людей вспоминают Кислицина как своего близкого друга, товарища и наставника!

Вспоминают... Большою говорить об этом, но несколько лет назад, осенью, он умер скоропостижно, так неожиданно для многих, не дожив четырех лет до сорока. Вот и остался Юра Кислицын для меня прекрасным образцом человека, выдвинутого на комсомольскую работу и относившегося к ней как к самому главному делу своей жизни. Он и сгорел-то потому, наверно, так быстро, что не мог, не умел, не хотел выполнять возложенные на него обязанности формально, спустя рукава, без души. Для него комсомольская работа не была переходным этапом, мостиком, трамплином к какой-то другой, более высокой должности; она была его жизнью, борьбой, счастьем. Он не искал, не ждал каких-то выгод из своего общественного положения, он хотел одного — быть полезным людям, без остатка отдавать им все, чем в избытке владел сам — знания, опыт, горение сердца.

Комсомольскими работниками не рождаются. Начало, старт в общем-то у всех одинаков. Вчера еще ты жил, работал, «как все», а сегодня, когда тебя избрали комсомором, секретарем бюро, ты вдруг как бы выдвинулся вперед, чуточку приподнялся и почти физически ощутил на себе сотни взглядов — доброжелательных, ожидающих, строгих, ироничных...

Формально ты уже лидер молодежного коллекти-

ОТРАЖЕННЫЙ

ва — бригады, группы, цеха, завода, а то и района, города. Но авторитет выборной должности силен авторитетом выбранной личности. Осознаешь ли ты всю ответственность, которая легла на твои плечи? Сумеешь ли удержаться на высоте оказанного тебе доверия, пойти вперед сам и повести за собой других?

На эти вопросы ответят время и твои дела.

Представляю: два года назад вот так же, как сейчас, шел по коридору Прокопьевского горкома ВЛКСМ новоиспеченный первый секретарь — Александр Самохин. Среднего роста, мягкий, интеллигентный овал лица, спокойный, сосредоточенный взгляд сквозь стекла очков в модной металлической оправе. О чем он тогда думал, какие планы строил?

— Не помню, — застенчиво улыбается Саша. — Сразу столько проблем обрушилось...

— А сейчас о чём?

— Где взять автобус для дискоклуба «Время». Ребятам в Кемерово ехать, на областной конкурс.

На рабочем столе Самохина, на самом видном месте, лежит неделю назад присланное письмо, копия — начальнику милиции. Руководитель объединения общественного питания убедительно просит горком комсомола организовать в вечернее время дежурство в молодежном кафе «Романтик» — «в целях устранения нарушений правопорядка и улучшения культуры обслуживания».

Не успели мы начать разговор, в кабинет вошел Валерий Суэтов, второй секретарь.

— Совещание по шефству в пять, — сказал он. — Ты будешь?

— Не смогу. Сегодня заседание комитета народного контроля.

Конечно же, Александр помнит, что в горкоме собираются секретари профтехучилищ и базовых предприятий. Надо обсудить, как лучше наладить шефскую работу с «трудными». Мало еще подростков, из тех, кто взят на заметку в инспекции по делам несовершеннолетних, имеет шефов-комсомольцев. Воспитательную работу с ними ведут в основном педагоги, мастера производственного обучения, а им и без того нелегко. Мешают и ведомственные барьеры. Например, строительный трест — базовое предприятие ГПТУ-40, находится на другом конце города, рассчитывать на тесные контакты комсомольцев треста с погонщиками не приходится. Они и остаются «бесхозными». Суэтов правильно предполагает: закрепить «трудных» из этого ПТУ за соседями, комсомольцами подшипникового завода. Организация на ГПЗ крепкая, к тому же там отличная база — автоклуб, футбольная команда, вокально-инструментальный ансамбль...

— Ты прямо скажи секретарям: «липовых» шефов никому не надо, — говорит Самохин Валерию. — Главное, найти подросткам дело по душе, увлечь и не упускать их из виду.

Впрочем, Александр уверен, что Суэтов и без «ценных указаний» сделает все, как надо. Валерий хоть и недавно в горкоме, но школа райкома комсомола, где он вел те же вопросы, тоже кое-что значит. Да и вообще Самохин считает: чем больше доверяешь, тем лучше и для дела и для того, кому оно поручено. Тогда и человеку интереснее работать.

Каждое утро наваливается на секретаря горкома лавина дел — мелких, крупных. И ни от одного нельзя отмахнуться. Упустишь что-то — напомнят об этом или в газетной статье, или на совещании в горкоме партии. Тогда уже поздно оправдываться: на все, мол, рук не хватает. Должно хватать — на то ты и руководитель. Рассчитываю, планируй, подключи актив. В городе 30 тысяч комсомольцев, более трехсот первичных организаций. Это же сила!

Александру иной раз самому не верится, что он комсомольский работник. В нескольких шагах от дома, в котором прошло его детство, где живет и сейчас, — шахта имени Дзержинского. Уже с восьмого класса он для себя твердо решил: «Буду горняком». Такой выбор здесь, в Прокопьевске, городе шахтерской славы, делает каждый второй выпускник школы. В Кемеровском политехническом институте, куда Самохин поступил сразу после десятилетки, он распределен третьим по списку — это значит, что ему предоставлялся широкий выбор инженерных должностей и адресов. Саша выбрал свою «Дзержинку».

Попал он туда в горячее время. Начиналось большое, перспективное дело: вскрывали более глубокий угольный пласт, или, как говорят горняки, выходили на новый горизонт. Молодой горный мастер и не заметил, как пролетел год. А тут подошла пора

отчетов и выборов. Среди кандидатов в секретари комитета комсомола шахты назвали и Самохина.

Иди на освобожденную комсомольскую должность значило для Саши расстаться с участком, с делом, которому учился в институте, вникать в новые для себя проблемы, начинать практически с нуля. Ведь прежний опыт общественной работы у него не ахти какой: в школе писал заметки в стенгазету, в институте три первых курса был членом оператора — вот, пожалуй, и все. Сомневался: «Справлюсь ли?» — «Соглашаюсь, поможем!» — ободрил директор шахты. А когда выбрали, там уж не до сомнений и раздумий — надо работать на совесть.

Комсомольская «карьера» Самохина стремительна, как взлет истребителя. Года не прошло — его избирают первым секретарем Зенковского райкома ВЛКСМ, через полтора года — вторым, а еще через год — первым секретарем горкома. Глядя со стороны, можно подумать: не карьерист ли парень? Но кому ведом нелегкий хлеб комсомольского секретаря, тот только улыбнется этой греческой мысли. Карьеристы на комсомольской работе так долго не задерживаются. Иной на месте Самохина давно бы запросился в тихую гавань. Ведь каждый рабочий день словно переплываешь быструю, бурную реку. Нужна выносливость — и моральная и физическая. (Кстати, у Саши первый разряд по плаванию. Может, это ему помогает?)

Однако столь стремительное продвижение по должностной лестнице редко обходится без потерь. В комсомольской работе, как в любом серьезном деле, есть не только высоты, но и глубины, которые насоком не постигнешь. Но об этом речь впереди.

Работа на шахте нравилась Самохину своей конкретностью. Каждый день видишь результат своего труда: сегодня — на бумаге, а завтра — в забое. А здесь, в горкоме?..

— Иногда, как в хоккее: бросков много, а голов мало, — горько улыбнулся Александр. — Мероприятий как будто достаточно, а сдвигов к лучшему что-то не видно. Взять проблему правонарушений. Сколько мы проводим разных операций! «Тунеядец» — проверяем трудоустройство выпускников школ и ПТУ. «Отсрочка» — смотрим, как ведут себя те ребята, кому отсрочили исполнение приговора. «Хмель» — контроль за продажей спиртных напитков. Могу назвать и другие. Но правонарушения среди несовершеннолетних требуют по-прежнему...

Скажу сразу: я не видел, чтобы Самохин сидел сложа руки, он постоянно чем-нибудь занят. Но, проведя с ним несколько дней, порой ловил себя на мысли: а стоит ли таких усилий дело, которым Саша занимается сейчас, в данную минуту? Вот он звонит насчет каких-то планов для тренировки юных хоккеистов. Сначала узнал, где такие планки имеются, потом допытывается, как привезти их во Дворец спорта «Снежинка». Да ведь это дело по плечу инструктору райкома! Почему же им занимается первый секретарь горкома комсомола?

Конечно, его «пробивная сила» больше. Но так можно вообще превратиться в снабженца: сегодня «пробивать» планки, завтра — автобус, послезавтра — еще что-нибудь в этом роде. Придет время, оглянешься назад, и вспомнить будет не о чем: все какие-то мелочи, суета, текучка.

Иное дело — подростковые клубы. Тут доля участия горкома комсомола может быть куда как весома. За последние два года в Прокопьевске, по опыту пензенцев, открыто 30 клубов для подростков. Легко сказать: открыто. Ведь каждый клуб — это и поиск подходящих помещений, и комсомольские субботники (одного грунта из подвалов пришло вытащить не одну сотню кубометров), и кропотливый подбор руководителей секций и кружков. И все равно много еще остается неувязок в деле, важность которого подчеркнута в проекте ЦК КПСС о школьной реформе.

Горком комсомола, поддерживая связь с клубами и хозяйственниками, всерьез взялся за организацию ребячего досуга. Самохин не успокоится, пока не будет готова как следует каждая дворовая спортплощадка, а их в городе уже больше пятидесяти. По инициативе горкома ВЛКСМ развернулось строительство детских игровых площадок. Объявили конкурс на лучший проект. Жюри рассмотрело более двухсот работ. Авторы — школьники, профессиональные художники, пенсионеры, рабочие. Летом в Зенковском парке, на пруду, начнется сооружение городка-гавани — этот проект получил главный приз. Строить комсомольцы будут сами.

Хлопот у секретаря горкома предостаточно. Весьма

СВЕТ

Деятельность комитетов комсомола должна определяться не количеством бумаг, не числом и продолжительностью заседаний, а живой организаторской работой с молодежью, конкретной помощью низовым звеньям союза.

Из постановления VII пленума ЦК ВЛКСМ 1984 года.

не просто решать проблемы, связанные с трудовым, идеино-политическим, нравственным воспитанием десятков тысяч молодых людей. Сюда входят и ежедневные организационные работы — к примеру, те же подростковые клубы. И тут у секретаря должны быть сотни помощников-активистов. А вот найдется ли среди этой «комсомольской бучи» такое дело, о котором секретарь без ложной скромности мог бы сказать: «Это мой след, он останется и после меня». И вообще есть ли такая идея, такая мечта, которой горит комсомольский работник? Будет, наверное, большой напряжкой толковать о его роли в мировой истории, но уж о роли секретаря горкома в истории своего города можно говорить смело. Разве не вспомнят люди секретаря, если с его именем будут связывать открытие в городе Дома молодежи или музея комсомольской славы?.. Да разве только масштабы города тут важны? А если ты, комсомольский секретарь, сыграл роль в судьбе хотя бы одного юного человека, только начинающего жизнь? Если ты помог стать на правильный путь парнишке, которого уже считали пропащим? Или поддержал смелый почин, который кто-то назвал авантюрией? Или встал на защиту несправедливо обиженного?..

Неисчислимые «точки приложения» подлинной человечности, убежденности, комсомольской принципиальности. Не иссякает, не скучает душевная самоотдача, которой отличаются настоящие вожаки.

Как-то мы с Владимиром Мучицким, комиссаром Всеosoзного ударного отряда имени XVII съезда ВЛКСМ, того самого отряда, который первым отправился на строительство БАМа, встретились в Москве и вспомнили время, когда Володя еще работал мастером ПТУ в Дзержинске. В успех инициативы, с которой он тогда выступил, верили немногие.

— Если бы не Юра Кислицын, не было бы нашей бригады, да и мы, наверное, были бы другими, — со свойственной ему прямотой сказал Владимир.

А как все началось? На стройках города довольно нелестно отзывались о выпускниках училища: работать, дескать, не умеют и не хотят. Мучицкий принимал эти нарекания как упреки в свой адрес. И тогда он решил доказать всем, что ребята могут трудиться самостоятельно, если только их не держать на побегушках. Просил дать ему бригаду, собранную из одних пэтзушников. Руководство треста, однажды, и слышать не желало ни о каком эксперименте.

Тогда Мучицкий вместе с комсоргом треста пошел в горком комсомола, к Кислицыну. Убеждать Юру в пользу такого эксперимента не пришлось — он всегда был сторонником нового, тем более, когда речь шла о профессиональной судьбе молодых рабочих. Юра позвонил в трест: просил, доказывал, настаивал, брал ответственность на себя — право набирать бригаду Мучицкому было предоставлено.

Однако первый блин вышел комом. Стенка, которую выкладывали начинающие строители, получилась с отклонением от вертикали на пять сантиметров. Пришлось штукатурям в буквальном смысле замазывать грехи каменщиков. Кто-то окрестил их не бригадой пэтзушников, а бригадой петушков: голосок, мол, еще не прорезался, а туда же...

Кислицын отправился к ребятам прямо на объект. Понимал, как нужно им сейчас ободряющее слово. А потом ему пришлось вести долгие, тягостные переговоры с трестом, чтобы бригаде все-таки дали новое задание. С каким азартом ребята взялись за работу — за год бригада вышла в число лучших комсомольско-молодежных коллективов Горьковской области. Через несколько месяцев, в апреле 1974 года, эта бригада прямо из Дворца съездов в составе отряда, комиссаром которого стал Мучицкий, уехала на БАМ. Среди провожавших был и Юра Кислицын.

Разве случайно, что рядом с молодым инициатором был комсомольский секретарь? Вспомним: когда Стаканов устанавливал свой рекорд, вместе с ним в шахте находился и партогр. Такова традиция.

Несколько месяцев назад пришел в горком Виктор Ярошенко, начальник комсомольско-молодежного участка шахты имени Дзержинского. Потомственный горняк. Дед и отец его работали в той же шахте, да и сам Виктор, несмотря на молодость, двенадцать лет возглавляет участок. В коридоре все стены увешаны вымпелами, на почетном месте — четыре знамени. Награды эти, понятно, не за красивые глаза.

— В одном доме живем, а встречаемся в кабинете. — Самохин был искренне рад видеть Виктора. — Зашел бы как-нибудь в гости?

— Не до этого сейчас. — Ярошенко, невысокий,

подтянутый, с кипой бумаг под мышкой, держался официально. — В отстающие можем попасть. Будете на совещании с нас стружку снимать. Выручай.

— Но я на шахте не работаю, — улыбнулся Александр и добавил уже деловым тоном: — Шучу, конечно. Что там у тебя, выкладывай.

— Вот, смотри. Опять запланировали нам гибкое перекрытие, — горячо начал Ярошенко. — Две пятилетки так работали. А сейчас вышли на более пологий пласт, угол падения меньше сорока пяти градусов. Уголек-то по лаве самотеком не пойдет, сам знаешь. Нужна другая система — камеры со скрепером, а главный инженер против.

Почему, спросите, с таким чисто техническим вопросом начальник участка обратился в горком комсомола? А куда ему еще обращаться? Мнение руководства шахты известно: «Не разрешаем», к генеральному директору с такой «мелочью» не пробьешься. Вот и получается, что единственная заинтересованная сторона — горком ВЛКСМ. Совместно с объединением «Прокопьевскуюголь» горком комсомола ежеквартально рассматривает итоги работы комсомольско-молодежных коллективов. С приходом Самохина этот контроль стал еще более предметным, действенным: только за год число отстающих бригад уменьшилось с пятнадцати до семи. Кому же, как не Самохину, горному инженеру по образованию, помогать и поддерживать руководителя комсомольско-молодежного участка?

Доводы Ярошенко убеждали, но Александр видел и всю сложность создавшейся ситуации: применить другую систему — значит в корне изменить технологию, а это все равно, что в цехе, скажем, вместо станков поставить конвейер. Старая система — вещь опробованная, надежная, новое же всегда связано с риском. Наверно, так рассудил и главный инженер шахты. Оправдан ли риск в данном случае?..

— Можешь оставить свои бумаги до вечера? — спросил Самохин Виктора. — Хочу еще раз посмотреть на досуге...

Оля укладывала дочку, а Саша, включив настольную лампу, разложил перед собой схемы и чертежи. Сверил расчеты Ярошенко со своими и окончательно убедился: да, Виктор прав. Теперь идея начальника участка стала кровным делом секретаря горкома.

Утром он позвонил директору по производству объединения «Прокопьевскуюголь»:

— Юрий Егорович?.. Найдется у вас сегодня время для одного важного разговора?.. Да, очень прошу.

Александр готовился к яростному спору, но убеждать опытного специалиста в преимуществе предложения Ярошенко не понадобилось. Тут же, при Самохине, директор вызвал сотрудников технологической службы и поручил им проверить расчеты начальника участка на месте, а через несколько дней Саша услышал по телефону радостный голос Ярошенко: «Все в порядке. Спасибо, дружище».

Однако не все пока удается Самохину, случаются в его работе и накладки и просчеты. В чем их причины? Вот и хочется поразмышлять об этом вместе с Александром.

Подолгу мы беседовали с ним о делах, просмотрели я и протоколы всех заседаний бюро горкома. Вроде бы и вопросы рассматривались важные, острые, злободневные, и все-таки не покидало ощущение какой-то оторванности горкома, разместившегося в старом уютном особнячке, от той бурлящей круговороти, какую видел на шахтах, в цехах, на улице, наконец. Странно было слышать ничем не нарушающую тишину горкомовских коридоров и целыми днями не встретить в приемной ни одного посетителя.

Удивило и другое: за те дни, что я провел в Прокопьевске, Самохин всего лишь раз был в «первичке», да и то не по своей воле. Чаще я заставлял его в кабинете, на «командном посту», вращающим разные телефонные дела — от «пробивания» хоккейных плафонок до кадровых вопросов. А то вдруг Саша срывался с места и ехал с начальником городского штаба ударной стройки по объектам. «У плиточниц перчаток нет, постарайтесь помочь», — слышу наутро его разговор с секретарем комитета комсомола строительного треста. Стоило ли, думаю, тратить на это время? Неужели тот же начальник штаба не в состоянии сам решить такой простой вопрос?

— Когда же ты встречаешься с комсомольцами? — спрашивала.

— Встречи ради встречи мне не нужны, — отвечает Самохин на мои недоумения по поводу своего «затворничества». — Я и без того владею информацией.

Не спорю, Александр может знать положение дел в организациях из бесед с активистами, из отчетов, которые поступают в горком. Но ведь иная информация просто взыскивает к действию, тянет за рукав из горкомовского уюта, требует увидеть факт «живьем», а не только строкой или цифрой в справке.

Об одном неприятном случае мне стало известно в первый же день командировки. И потом я все ждал, когда же наконец Саша выберет время, и мы сможем поехать на завод шахтной автоматики (ПЗША) —казалось, что уж тут-то его участие просто необходимо.

В одном из цехов завода прошло комсомольское собрание. Оно постановило: за уклонение от общественной работы и систематическую неуплату членских взносов исключить из комсомола одного молодого электромонтера. Шесть месяцев парень не платил взносы, на любое предложение комсорга отвечал дерзким отказом.

— Не понимаю, что в этом случае интересного, — удивлялся Самохин. — Обычная история.

Да, история, увы, не новая. В Прокопьевске не раз приходилось слышать от комсомольских работников жалобы на пассивность иных членов ВЛКСМ. Запомнились слова одной девушки, комсорга угольного разреза, рассказывавшей о том, как она собирает членские взносы: «Приходится просить, умоляя». Только зачем умолять, когда в уставе ВЛКСМ четко определены меры, какие следует принимать в подобных случаях? На ПЗША, думалось, так и поступили.

Но на месте все оказалось сложнее, чем виделось из горкомовского кабинета. Решение цеховой организации имеется, а заводской комитет комсомола своего мнения не высказал. Почему?

Ирина Рондик, высокая, стройная девушка, секретарь комитета, не новичок в комсомольской работе — была даже победителем конкурса «А ну-ка, секретарь!», который проводился в дни учебы актива. В конкурсной программе был и разбор персонального дела, но, как видно, теоретически такой вопрос решать легче, чем в реальной ситуации.

— Этот парень еще не потерян для нашей организации, — говорит Ирина. — Он хороший производственник и, кажется, осознал свое поведение.

Что ж, может, и вправду комсомольцы цеха погорячились, переборчили с мерой наказания? Только можно ли оправдать волокиту заводского комитета ВЛКСМ? Собрание-то в цехе было два месяца назад. Срок более чем достаточный, чтобы разобраться, определить свое отношение к происшедшему. Иначе выигрышная позиция комитета только во вред и парню и авторитету комсомольской организации.

До последней минуты надеялся, что Самохин захочет поглубже разобраться в этом случае. Мысленно представлял, как первый секретарь горкома встретится с молодым электромонтером, поговорит с ним откровенно, по-мужски. Разговор этот, несомненно, был бы важен для обоих — и для двадцатилетнего парня и для секретаря горкома. Ведь мнение одного из «пассивных» — своего рода барометр комсомольской жизни. Дерзкий ответ комсорга на поверку мог оказаться лишь бравадой, за которой прячется тоска по истинному вниманию к своей личности, неудовлетворенность формализмом в работе комсомольской организации.

Впрочем, что гадать, когда есть живой пример. Из Прокопьевска летел с Сашей Грязновым, забойщиком шахты «Центральная». О многом мы переговорили за пять часов полета.

Саше 22 года. Он хорошо зарабатывает, не женат, в свободное время любит посидеть с серьезной книгой. Саша — комсомолец, только о своих комсомольских делах ему сказать нечего: полтора года работает на шахте, но не припомнит ни одного собрания. «Только взносы и плачу!» — возмущался он. А ведь молодого забойщика по-настоящему волнуют многие проблемы Прокопьевска — города, в котором он родился. Взять хоть проблему трудных подростков. Саша знает ее не по милиционским сводкам, а по уличным стычкам с несовершеннолетними хулиганами.

«С твоей-то силой, — говорю ему, — надо бы в оперативде быть». «Я не против, но меня туда никто не приглашал». «Обратись в горком комсомола, — советую. — Тезку своего, первого секретаря горкома, знаешь?» «Нет», — смущился мой спутник.

Тридцать тысяч комсомольцев в Прокопьевске. Сколько же среди них таких, как Саша Грязнов, сильных ребят, которые не приобщены к комсомольским делам, остаются, по сути, без внимания вожаков! С тем парнем, на ПЗША, та же история.

Увы, Самохин не стал в нее вникать. Посмотрев на часы, он заторопился к выходу из комитета.

Дело тут, по-моему, не только в нехватке времени. Александр считает, что первый секретарь должен осуществлять общее руководство, а не вести непосредственную оргработу. «Главное — владеть информацией», — вспоминаются его слова. Но чего стоит такая кабинетная эрудиция, если комсомольский руководитель не владеет ситуацией, уходит от остроты жизненного факта, а значит, и от ответственного решения?

Каждый вечер по пути из горкома комсомола в гостиницу я проходил мимо кафе «Романтик» и почти каждый раз наблюдал одну и ту же сцену — нетвердо стоящие на ногах парни ломятся в закрытые двери. Самохину об этом известно, давно лежит у него на столе письмо директора общепита с просьбой устранить «нарушения правопорядка». Саша и сам ежедневно ходит мимо этого кафе, видит же «картины». И в его силах «дернуть» кого-то — командира городского оперотряда, например. — как следует, чтобы молодежь в «Романтике» могла спокойно отдыхать. Разве это мелочь? Неужто надо дискутировать: кто этим должен заниматься, комсомол или милиция?

Разделяя обязанности, доверять другим, безусловно, надо. Однако порой — о таких случаях сейчас и речь — это доверие превращается в удобную наблюдательную позицию, в позицию невмешательства. И не превращается ли тогда обаятельный, самокритичный Саша Самохин в заурядного, сотни раз раскритикованного формалиста и бюрократа?

До сих пор не дает покоя этот случай на ПЗША. Налицо явная волокита со стороны заводского комитета ВЛКСМ, а Александр даже не счел нужным встретиться с комсомольцем, которому грозит исключение из рядов ВЛКСМ. А ведь призыв «дойти до каждого» относится ко всем комсомольским работникам. Как же понять тех вожаков, которые живому общению с молодежью предпочитают социологические выкладки да «информацию с мест»?

Снова вспоминаю Юру Кислицына. Как умел он использовать любой повод для разговора по душам! Как жаден был его интерес к собеседнику! Уж он-то, уверен, обязательный — и не мимоходом, не формально — поговорил бы с молодым электромонтером, оказался на месте Самохина. Парня из комсомола исключают — разве это простой, обычный случай?!

Эту историю я услышал там же, в Прокопьевске. В одном из небольших городов области секретарем горкома комсомола избрали хорошего парня. Недавно окончил институт, отличный специалист, веселый, общительный. Взялся за дело горячо, с желанием. Стал думать, чем увлечь молодежь. Дома в городе растут, как грибы, а вот зелени маловато. Решили разбить парк. Идея вдохновила всех, весной комсомольцы дружно вышли сажать деревья.

Прошло полгода или чуть больше, не узнать секретаря: стал каким-то мрачным, раздражительным. И про парк забыл. Деревья без ухода начали сохнуть, гибнуть; пришлося другим людям пересаживать их.

«Не могу больше, — в минуты откровения говорил секретарь. — Бумаги душат». Просился опять на производство. Отпустили.

Не называю адреса, где это было: смысл этой истории более широк и, как мне думается, символичен. О чём она? О бумажном потоке, который губит живое дело? О том, как «текущка заела»? Все так, однако суть, по-моему, в другом. Парню выпала редкостная возможность проявить себя, повести за собой других, сделать что-то полезное для города, а он... с бумагами не справился.

Комсомольская работа — звездный час молодости. Что оставил ты, секретарь, людям: зеленый парк или сухие ветки? Какие твои добрые дела вспомнят они?

Настоящих комсомольских комиссаров помнят всю жизнь. Их именами названы улицы городов и поселков. В Дзержинске Горьковской области живет ничем пока не знаменитый мальчишка — Юра Пармонов, но он знает: родители дали ему имя в честь своего друга, комсомольского секретаря Юрия Кислицына.

...Утром, проводив дочку в садик, Саша Самохин пешком идет по проспекту Шахтеров — в горком комсомола. Впереди — новый рабочий день, как всегда, с массой будничных и праздничных забот. У Александра есть прекрасные качества вожака — трудолюбие, простота, скромность. Только этого мало. Ведь в комсомоле нет такой должности — хороший парень. Современного комсомольского руководителя отличают компетентность, требовательность прежде всего к себе и другим, умение видеть перспективу, мобилизовать людей, доводить начатое дело до конца. Да, деловитость сегодня важна как никогда. Та самая высокая, страстная, зажигающая других деловитость, какая была присуща лучшим вожакам молодежи прошлых лет.

Биография Самохина как комсомольского секретаря не кончается. Впереди у него новые высоты и новый горизонт — в том смысле, как понимают это слово горняки.

ЭЛЬЧИН

РАССКАЗ

Рисунок Виталия ФЕДОРОВА

7 августа 1983 года. Воскресенье. Время 19.10.
Аэропорт Бинн.

В этот воскресный день, если взглянуть сквозь стеклянные стены зала ожидания, аэродромное поле казалось частью безлюдной, безжизненной бетонной пустыни, и на этот кусок бетонной пустыни падала тень гигантского самолета; а сам самолет словно растворился и исчез в пустынном бетонном пространстве, только тень его, гигантское пятно, впиталась в бетонную поверхность, и Мардан Дадашлы с некоторым трудом отвел взгляд от тени самолета, от этого гигантского пятна на лоне бетонной пустыни.

Мардану Дадашлы было сорок семь лет, он был доктором наук, членом-корреспондентом Академии наук, директором научно-исследовательского института, и у Мардана Дадашлы была такая игра с самим собой: время от времени, случайно увидев свое отражение в зеркале или стекле, он сам себя спрашивал:

— Ну, как дела?

По существу, в этом вопросе содержался и ответ, ибо Мардан Дадашлы так задавал себе этот вопрос, что уже в мягко ироническом тоне его сквозили уверенность и спокойствие: мол, все отлично, — но на этот раз, различив свое отражение в стекле, он как-то не собрался задать этот вопрос, поиграть с самим собой, потому что его слабое отражение в стекле тотчас пропало в гигантской самолетной тени, и эта гигантская самолетная тень как бы стиснула сердце Мардана Дадашлы.

Почему так получилось? Скорей наоборот, в этот жуткий зной самолетная тень, по-видимому, должна была возвещать о прохладе; да, так должно было быть, но так не было: Мардан Дадашлы ощутил в гигантской тени что-то неестественное, неживое. Мардану Дадашлы почудилось, что в этой тени не прохлада, а ледяной холод, и не горный холод, и не зимний холод, а холод мертвцевкой.

Мардан Дадашлы изумился этому ощущению, от которого мурашки по коже побежали, потому что до сих пор таких вещей не бывало. Отчего это? Стареет понемногу, что ли?

Инстинктивно вынув из кармана билет на самолет, он посмотрел: первый ряд, первое место, и обычное настроение вернулось к Мардану Дадашлы: в слове «первый» было что-то приятное, было какая-то уверенность, спокойствие.

Мардан Дадашлы, подняв свой поставленный на землю «дипломат», направился к выходу. Посадка началась.

Потом «ТУ-154» поднялся в воздух.

Ты сидел в первом ряду, на первом месте, смотрел в иллюминатор, и по мере того, как самолет набирал высоту, земля удалялась, уменьшались люди, машины, строения, ты думал, что, в сущности, этот взлет есть взлет твоей жизни, твоей судьбы, потому что всего двадцать пять лет тому назад — а что такое двадцать пять лет? — ты был таким же маленьким, как вон те человечки внизу, только что окончил университет, был одинок и жалок, не знал, где будешь работать, что делать, а сегодня, всего через двадцать пять лет — а что такое двадцать пять лет? — ты смотришь с этой самолетной высоты на того одинокого и жалкого паренька и улыбаешься, потому что будущее, которого тот молодой парень не осмеливался даже представить себе, для тебя уже осталось позади, и в отличие от того неопытного простодушного юнца сегодня ты предвидишь будущее, вернее, знаешь, что будущее будет таким, каким ты хочешь его видеть, ибо у тебя есть силы, есть разум и умение. Я знаю, что ты ни на собраниях, ни на банкетах, ни даже дома, в разговоре с женой, не говорил о себе, не хвалил себя, но про себя всегда гордился собой и не скрывал этого от себя самого, потому что если другие и не знают, сам-то ты хорошо знаешь, что до сегодняшнего дня, то есть до этого жаркого августовского дня 1983 года, все, чего ты достиг в жизни, достигнуто тобой самим, никто тебе не помогал, на протяжении всех этих лет ты всегда стоял лицом к лицу с жизнью, и в жизненной борьбе своим единственным помощником, единственным советчиком был ты сам.

Пропали с глаз люди, потом машины, потом исчезли здания, потом пропала земля, потом все вокруг окунули молочно-белые облака, потом и купы этих белопенных облаков остались внизу, и ты снова улыбнулся, потому что в белоснежных облаках опять увидел одинокого молодого парня, и тревога в сердце этого парня — без работы, без дома, без семьи — как далекое и приятное воспоминание затрепетала в тебе.

Воспоминания связаны не только с событиями, не только с людьми — остаются в памяти и чувства, и теперь, вспоминая то далёкое и все еще близкое прошлое, ты переживаешь, может быть, самое приятное, дорогое, самое теплое из этих воспоминаний, как будто стоит зима, разгар зимы, но на тебе отличная шуба, ты не мерзнешь, даже жарко тебе, и душа твоя спокойна — вот так ты сегодня вспоминал связанные с будущим и вообще с жизнью тоскливы, тревожные чувства того одинокого парня, и те горестные чувства теперь обернулись ощущением довольства и уверенности. В сущности, сегодня, в эти минуты, когда ты летел в самолете по седьмому небу, ты любил того парня, оставшегося вдалеке и все еще близким прошлом, как своего сына, и, то и дело воскрешая его перед своим мысленным взором, как отец хвастал перед ним, испытывая чувство законной гордости. В сущности, в эти минуты у тебя было три сына: двое только что проводили тебя в аэропорту, гордые своим отцом, сильные, красивые и талантливые ребята, на которых все показывали пальцем, да еще их незримый сверстник, оставшийся навсегда в прошлом — далёком и все же близким прошлом — тот простодушный юнец, каким ты был двадцать пять лет назад. Ты был сиротой, отец твой погиб на фронте, мать вырастила тебя полуоголенным, стирая чужим людям белье, моя посуду: ты приехал из района в Баку, жил на одну стипендию, окончил университет, и, конечно, как мог ты тогда представить себе, что пройдут годы, ты станешь знаменитым ученым, твои книги будут переводиться на многие языки, у тебя будет обширный дом, красивая жена, красивые и умные сыновья и незнакомые люди, здороваясь с тобой на улице, будут вслед тебе перешептываться друг с другом. «Это такой-то!» — будут говорить они.

Молочно-белые кучевые облака тоже остались внизу и стали невидимы, стекла иллюминатора уставились в бескрайнее голубое пространство, пассажиры кто задремал, кто начал читать книги, газеты, журналы, кто стал беседовать, а ты в этом голубом пространстве, в стекле иллюминатора увидел свое отражение и снова пошутил сам с собой: «Ну, как дела?», — и снова улыбнулся, а потом, отведя глаза от бескрайней голубизны, обернулся и бросил мимолетный взгляд на пассажиров между креслами; как обычно, увидел одно-два знакомых лица, ответил на их приветствие, но кто они такие, не узнал, потом взглядел твой узел на девчушку лет пяти или шести, сидевшую рядом с матерью, и ты улыбнулся ребенку. Тебя всегда радовало присутствие маленьких детей в самолете: если летят такие мальчики, значит, полет должен быть успешным: как спокойно поднялись, так спокойно и сядут на землю. Конечно, ты знал, что в этом чувстве есть что-то от суеверия, судьба безжалостна и не разбирает, ребенок, молодой человек или старик, но все же перед лицом этой беспощадности тебя радовал и

утешал вид детской невинности, детской чистоты. Порой ты и дома испытывал не совсем ясное чувство, похожее на тоску: тебе хотелось поиграть с маленьким ребенком, хотелось и дома видеть маленького ребенка. Иногда в своем рабочем кабинете ты, закрыв дверь, садился за письменный стол, начинал работать, но вдруг перо в твоей руке замирало, и ты чуть ли не физически ощущал, что хочешь увидеть улыбку ребенка, хочешь погреться теплом детской улыбки, порой тебя даже охватывало беспокойство, потому что тебе начинало казаться, что, в сущности, ты хочешь спрятаться за этой детской улыбкой...

Глядя на девчушку, прижавшуюся к матери, ты думал: ничего, через год-два станешь дедом, появятся внучата, и перед тобой будет всегда сиять улыбка твоих внуков. Конечно, ты понимал, что несколько упрощаешь свои мысли, свои чувства: речь не идет только о ребенке в буквальном смысле слова,—речь идет о чистоте, ясности, прозрачности, безмятежности; но ты не любил, как говорится, «углубляться» и не углублялся. Ты посмотрел в иллюминатор на зиявшую вокруг голубую пустоту. Голубизна понемногу тускнела, пустота стущалась, темнела, наступал вечер, и ты раскрыл «дипломат», взял сегодняшние газеты, начал читать при свете ночника: в Верхней Вольте произошел государственный переворот, власть взял в руки Национальный Революционный Совет, возглавляемый капитаном Томасом Санкара; назначенный вместо Ф. Хабиба специальный представитель президента США в Ближнем Востоке Р. Макфарлайн начал переговоры в Бейруте; в Лерикском районе в местечке под названием Шехератук началось строительство нового винзавода, который будет принимать на переработку десять тысяч тонн винограда. Время от времени отводя глаза от газеты, ты взглядывал в иллюминатор, уже совсем стемнело, ничего не было видно, и ты снова принимался читать газеты. Вдруг внезапно, совершенно неожиданно все изменилось. В самолете воцарилась абсолютная темнота. Сначала ты ничего не понял. Сначала ты не сообразил, что случилось. Потом ты услышал ролот пассажиров и понял, что в самолете погас свет. Ты понял, что что-то произошло. Самолет терпит катастрофу? Волосы у тебя встали дыбом.

Время 20.11.

Внезапно у тебя заложило уши, как будто и нос заложило, ты стал задыхаться и с ужасом почувствовал, что больше не летишь в пространстве, а камнем, все быстрее, падаешь, как будто сорвавшись с отвесной скалы, летишь в пропасть и вокруг абсолютная тьма. Ты не слышал ни голосов пассажиров, ни сообщения стюардессы и в кромешной темноте как бы вдруг увидел собственные глаза: твои глаза сверкали, они расширились, чуть не вылезли из орбит, и ты понял, что все уже кончено, какая-то нелепая смерть увлекала тебя на дно пропасти, потом на мгновение, всего на одно мгновение ты удивился сам себе, потому что ты не знал, что так боишься смерти, и это открытие потрясло тебя, тебе показалось, что внутри у тебя все залито кровью, заполнено алоей кровью. Ты хотел встать с места, хотел закричать, но ни голос тебя не послушался, ни с места ты не сдвинулся, и вдруг перед твоими глазами появилось лицо отца. Отец твой был очень молод, был очень похож на твою оставшуюся в далеком прошлом

молодость, и прежде тебе никогда не удавалось ясно его вспомнить, а теперь ты увидел все черточки его лица, потом увидел мать, потом увидел жену, сыновей, потом перед твоими глазами замелькали чьи-то лица, ты вспомнил сказки, песни, колыбельные, которые слышал в детстве, и в этот миг мозг твой работал с такой скоростью, которая превзошла и скорость, влекущую тебя на дно пропасти, и ты теперь полностью был во власти этой скорости, с какой работала твоя память. Внутри тебя возникла какая-то жажда молить, ты хотел умолять кого-то, что-то, ты жаждал помощи, жаждал пощады.

Однажды к пророку Соломуону пришли две женщины, и одна из этих женщин сказала: «О пророк! Мы — жены одного мужчины, в одно и то же время обе мы родили по сыну. Вчера ночью эта женщина, будучи спящей, придавила собственного ребенка, потом потихоньку подложила мне мертвого ребенка, а сына моего забрала, возвыши у нее мое дитя и верни мне!» Вторая женщина назвала все эти слова клеветой. Пророк Соломон, сощурив свои голубые глаза, посмотрел на этих женщин, и ты, вспомнив древнюю притчу, словно увидел прищуренные голубые глаза пророка, и взглядел его глаза пронзил тебя. Тогда пророк велел принести ребенка и, рассерженный неурядицей, поднял над головой этого ребенка меч и сказал: «Я сейчас разрублю ребенка пополам с точностью и дам каждой из вас по половине. Останется ли вы живы долины?» Первая женщина бросилась к ногам пророка. «Не убивай его! — воскликнула она.— Отдай той женщине, кому хочешь отдать, только не убивай!» Вторая женщина сказала: «Твое решение справедливо, о пророк!» И пророк отдал ребенка настоящей матери — первой женщине. Так вот и тебе хотелось кинуться к кому-то, молить о помощи и милосердии, кому бы тебя ни отдали, лишь бы не быть убитым. Но та женщина просила о своем ребенке, а ты о себе просиши?

Время 20.12.

Внезапно ты услышал детский крик, и вначале тебе показалось, что это тот самый ребенок, которого женщины принесли к Соломуону, потом тебе показалось, что нет, этот ребенок — твой внук; внук, который родится через три года, через пять лет, но он уже плачет по тебе; потом ты понял, что нет, это другой ребенок. В пронзительном детском крике был какой-то знакомый отзвук: ты не видел ребенка, но чувствовал, что этот ребенок на кого-то похож, и ты чувствовал, что детский крик сейчас подхватит тебя и унесет в такие глубины души, где тебе станет еще страшней, и лучше бы тебе не узнавать этого ребенка, и пусть все кончится. Тебе показалось, что сейчас раздастся некий грохот, произойдет взрыв, и ты успокоишься, никого после этого не увидишь и ничего не услышишь. И скорость, мчащая тебя во мраке в пропасть, как осколок камня, уже не казалась такой страшной, как прежде, потому что теперь тебе хотелось избавиться от этого детского крика, потому что ты чувствовал, что вот сейчас узнаешь его, сейчас узнаешь, и тут ты услышал голос старухи: ребенок плакал, а старуха прочитала и била себя рукой по высохшей, как доска, груди. У тебя не было времени выслушать прочтение, но ты помнил его и мог бы повторить, если бы успел.

С арабским скакуном под тобою,
С черкесской плеткой в руке твоей.
С сильным отрядом за спиной у тебя,
С позолоченным ружьем на плече твоем,
С серебряным кинжалом на поясе твоем,
Загоняющий коня,
Рассекающий грудь врага,
С сердцем льва,
С десницей тигра,
С фиалковыми усами,
С гладкой как эмаль шеей,
С плечами как врата распахнутые,
С широкой грудью,
С глазами — ловцами девушек,
С речами — сватами девушек,
Сын мой, сынок мой! Горе!

Деревянная грудь старухи посинела от ударов, это был сплошной синяк, и каждый раз, когда она, горюя, ударяла сухой мозолистой рукой по своей деревянной груди, место, куда били сухие крепкие пальцы, белело среди синевы, и ты, конечно, никогда бы не предположил, что так хорошо запомнил эту старуху, что так хорошо помнишь народное притчание, которого тебе, слава богу, не приходилось повторять, как повторяла его безумная эта старуха над телом своего сына:

Уезжающий черный всадник, не уезжай,
Путь твой далек, не уезжай,
Слезы матери твоей, сестры твоей
Да будут силками для тебя;
не уезжай, сын мой! Горе!

Слова, которые выкрикивала эта старуха и которые ты вспомнил, не успев повторить, именно сейчас скрипели тебе губы, наполнили глаза слезами, тебя душило рыданье, тебе показалось, что ожила твоя мать, что безумная старуха, деревянная грудь которой стала как сплошной синяк, и есть твоя мама, и она притчитася по тебе, но это продолжалось всего мгновение, потому что ребенок вдруг снова громко закричал, и на этот раз ты узнал и ребенка и старуху.

Время 20.13.

Ты этого ребенка никогда не видел, но теперь понял, что плачущий ребенок — тот самый, который родился после смерти своего отца, а отца тогда (теперь?) и оплакивала безумная старуха — мать этого умершего парня, а старуху ты видел на его похоронах. Ты плотно сжал веки, потому что не хотел думать о старухе с деревянной грудью, ставшей сплошным синяком, но старуха, которую ты видел всего раз в жизни в течение десяти минут, не скрылась из твоих зажмуренных глаз, и тебе показалось, что она еще успеет воткнуть тебе в глаза свои сухие пальцы, раздерет тебе лицо, грудь, и уж лучше скорее упасть на дно пропасти — скорее, скорее, скорее...

Самолет задержался, и ты как будто зацепился за что-то, кто-то схватил тебя, задержал, в сердце твоем мелькнула надежда, ты решил, что спасен, что кто-то, что-то пожалели тебя, но в тот же миг ты испугался, что память будет продолжать мучить тебя. Что за бездонная, нескончаемая это была пропасть! И твои мысли снова обогнали скорость, влекущую самолет на дно пропасти, и ты снова увидел старуху, обезумевшую от горя. Как звали ее сына? Он работал в твоем институте, но как его звали? Ты не смог вспомнить, но лицо бедного парня возникло перед твоими глазами, худое, болезненное лицо, — ты увидел его совершенно четко, ясно, как и лицо его матери, и тебя охватил ужас, перед которым все предыдущее было не страшно: этот парень был очень похож на тебя молодого; правда, лицо у него было другое, но глаза были точно такие же, вернее, взгляд их, выражение было таким же.

Он работал у тебя в институте: кажется, лаборантом; или он в бухгалтерии работал? Нет, нет, он был лаборантом; ты даже прочел и похвалил одну его статью; последнее время он каждый день приходил на прием, и однажды ты принял его. И теперь — через столько лет — ты вспомнил с ужасающей ясностью, что парень, не осмеливаясь сесть при тебе, стоял, и ломал пальцы, и просил чего-то, но ты не мог вспомнить, чего он просил, но как наполнились слезами его больные, печальные глаза, ты теперь увидел с ужасающей ясностью, и эти полные слез глаза смотрели теперь на тебя в кромешной темноте. Что он просил у тебя? Кажется, это был квартирный вопрос: да, да, это был квартирный вопрос; выделенная институту квартира согласно очередности должна была достаться ему, он сказал, что двенадцать лет ждет этой квартиры, сказал, что не может жить... И что же? Больной и печальный блеск его глаз, которые наполнились слезами, когда ты... но ведь ты падал в пропасть, и когда же, наконец, она спасет тебя от этих наполненных слезами глаз? Но эти глаза падали вместе с тобой в пропасть, и вся беда, что у пропасти, казалось, не было дна. Ты уже забыл, что находишься в самолете, терпишь бедствие, ты не слышал ни обращения командира к пассажирам, не замечал нервно сновавших стюардесс, не видел и не слышал пассажиров — для тебя существовала только кромешная мгла, и ты знал, что вот сейчас все кончится, и тебе хотелось, чтобы это было скорее, чтобы все кончилось, ибо ты не мог больше выдержать.

Да, это был квартирный вопрос: мать, жена, двое детей — квартиры у них не было, и очередь была его, а ты что же — кому-то дал его квартиру? Вспомни, вспомни, кому ты ее дал? Дочери Керимли? Потому что дочь Керимли только вышла замуж? А ты подал документы в академию, и Керимли был один из тех, кто должен был голосовать за тебя и, более того, мог повлиять на других?..

Собрав все силы, ты хотел подняться с места, хотел в этой кромешной мгле броситься куда-нибудь в сторону и тут же с ужасом почувствовал, что не можешь двинуться (ах, да, ремни!), и ты снова увидел старуху, услышал хриплый плач старухи: как луна взошел, как солнце закатился; когда на коня взбирался, у врага сердце разрывалось; того, кто тебя чтил, ты привечал; кто не чтил, к тому спиной поворачивался; да будет мать жертвой арабского скакуна под тобой, ружьем у тебя на плече, полного хурджина у тебя на боку, острого словца с твоих уст, дитя мое! — и только теперь, в кромешной мгле и бескрайней быстрине, мчащей тебя в бездонную пропасть, ты с нестерпимой болью осознал, что больной и печальный парень, стоявший с полными слез глазами в твоей приемной комнате, для своей матери — для старухи с деревянной грудью — был джигитом с ружьем на плече, который скакал на арабском скакуне с полным хурджином на боку. Когда секретарша пришла к тебе и сказала, что он умер, ты сначала не понял, о ком идет речь, потом не без труда вспомнил, что три или четыре месяца назад он приходил к тебе и чего-то просил, потом, выбрав десять

минут, побывал на похоронах бедняги, и все смотрели на тебя с благодарностью, с восхищением, потому что ты пришел на похороны никому не известного лаборанта (он ведь был лаборантом?) и твой приход украсил траурную церемонию. Через два месяца секретарша сказала тебе, что у того парня, который умер от болезни сердца, родился третий ребенок, и ты опять не мог вспомнить, о ком идет речь, потом вспомнил и с искренним сожалением покачал головой. Но как же его звали? Как? Вспомнил: Закир! Вспомнил: Закир! Нет, не Закир. Закир был кто-то другой. Что же теперь делать? Как узнать его имя?

Время 20.14.

Закир был кто-то другой, и в окутанной все вокруг темноте, как на киноленте, перед твоими глазами замелькали лица, люди, которых ты давно не видел, о которых никогда не вспоминал, никогда не думал, и пока эти лица сменяли друг друга, твоя мысль работала четко и ясно: итак, ради кого-то, или чего-то, или без причин — во время приема в аспирантуру ты поставил этому двойку, этого уволил, этому задержал работу, этого унизил, этой объявили, что влюблен, а потом сделал несчастной; и за этими лицами, быстро сменявшимися друг друга, стояли люди, стояли судьбы, у всех этих людей были семьи, были заботы, были радости, печали, и один твой жест, шаг, одно бранное слово, одна резолюция решали их судьбу. Ты увидел их матерей, жен, детей, которых не встречал никогда, и это не были отдельные матери, жены, дети, это была сплошная масса, и вместо давшего детского крика теперь у тебя в мозгу стоял какой-то гул, но в этом гуле выделялся голос старухи с деревянной грудью, покрытой синяками. И тут перед тобой появилась твоя мама, и ты с еще горшим ужасом подумал, что сколько лет впервые перед твоими глазами появилась твоя мама. Ты громко закричал, ты знал, что голос твой не был слышен, но ты закричал и вдруг почувствовал, что дно пропасти достигнуто, вот сейчас произойдет взрыв, и все кончится.

Время 20.15.

Сначала отблески взрыва чуть не выжгли тебе глаза, потом воцарилась тишина, исчез гул у тебя в мозгу, и ты сначала не понял, что случилось, услышал стук собственного сердца, сердце твое рвалось из груди, и только тогда ты понял, что в самолете зажегся свет. Ты закрыл глаза, но и перед сомкнутыми веками играли блики света, ты обеими руками вытер совершенно мокрые от пота волосы, лицо, потом открыл глаза и на этот раз ясно увидел лампочки вечернего света, иллюминатор, свои руки, свои ноги и внезапно испугался, что волосы твои стали белыми. Ты с трудом повернул голову, бросил взгляд назад: пятилетняя девочка была на руках у матери, и, кажется, глаза у нее были мокрые, покрасневшие, но теперь малышка сияла своими мокрыми глазами, и тебе тоже захотелось улыбнуться ей, но губы не раздвигались, ты не смог улыбнуться. Потом ты посмотрел на других пассажиров, посмотрел тайком, украдкой, ты не хотел, чтобы они тебя видели, ты боялся, что они тебя увидят.

Кто-то из пассажиров с жаром что-то говорил другому, кто-то радостно смеялся, кто-то, широко раскинув руки, глубоко дышал, а проходившая мимо хорошенькая стюардесса взглянула на тебя, улыбнулась, сказала: «Не бойтесь», — и ты хотел пожать плечами, сказать: «Чего тут бояться?» — но ни плечами не пожал, ни сказать что-либо не смог, потому что мозг затуманил усталость, тело обмякло, ты был совершенно без сил. Хотел закрыть глаза и хоть на мгновение уснуть, забыться, но ничего не вышло, и ты с тем же жутким утомлением в мозгу так и сидел некоторое время, потом посмотрел в иллюминатор, наружу, и вдруг тебе показалось, что огромная самолетная тень, которую ты давеча видел на аэродроме, тоже летит теперь вместе с самолетом, вместе с тобой.

Время 20.18.

Отстегнув ремень, ты встал и направился к туалету. Тебе казалось, что все на тебя смотрят, все глаза устремлены тебе в спину. Твоя промокшая от пота рубашка еще не просохла и как слой льда прилипла к спине; в этой мокрой рубашке был ледяной холод. Ты вошел в туалет, запер дверь и все еще со страхом посмотрел в зеркало, потому что тебе все еще казалось, что волосы твои побелели, но в зеркале ты снова увидел свои черные как вороново крыло волосы, увидел свое обычное, только очень усталое лицо и изумился обыденности, обыкновенности своего отражения в зеркале. Какое-то время ты не отводил глаз от этих черных-пречерных волос, от этого лица, потом, собрав все силы, захотел поспать с собой, захотел спросить: «Ну, как дела?» — но не спросил, вынул расческу, причесался, вымыл лицо, вытерся бумажным полотенцем, вышел из туалета, снова прошел и сел на первое место в первом ряду.

ЭПИЛОГ. СПУСТЯ ПЯТЬ ЛЕТ.

22 сентября 1987 года. Поезд «Баку — Кисловодск». Купе «СВ».

Действительный член Академии наук, руководитель большого Научно-исследовательского Объединения Мардан Дадашлы и случайный пассажир.

— Я сразу же узнал вас, как увидел, Мардан-музллим. Счастлив, что еду с вами.

— Большое спасибо.

— Честное слово!

— Большое спасибо.

— Вы, наверное, едете отдыхать?

— Да.

— Я хотел купить билет на самолет. Потом передумал. Как будто почувствовал, что стану попутчиком такого человека, как вы, что буду ехать в одном купе с таким замечательным ученым.

— Я тоже впервые еду поездом. Жена, дети, невестки настояли. Все как сговорились: впервые за столько лет выбрал время, взял отпуск, так поезжай, отдохни в поезде. Но разве сравнить с самолетом!.. Правда, однажды, пять лет назад — не помню, куда я летел, — у нас в самолете погас свет, а полет был вечный.

— Погас свет? Вы смеетесь, Мардан-музллим, а я представляю себе, какой это ужас. Почему погас? Что случилось, сердце может не выдержать.

— Не считайте сердце таким уж непрочным.

— А что было потом?

— А что может быть? Что-то исправили, и все. Было немного тревожно, но нет ничего лучше самолета...

Перевели с азербайджанского Эльмира ВЕЗИРОВА и Владимир ПОРТНОВ.

Нина ГНАТЮК

Подсолнухи цветут

Окликнет мама — голоса не слышу:
Заколдовали мне и слух, и взор
Подсолнухи, что зацвели так пышно,
Сзыгая пчел на добрый медосбор.

Я здесь живу. В своем родимом доме.
Ко мне без страха ходят муравьи,
Подсолнухам в шершавые ладони
Кладу я руки смуглые свои.

Я — тонкая травинка за оградой
И августы густой медовый звон.
Мне самая высокая награда —
Духмяных наших солнышек поклон.

У криницы

Вернусь,
чтоб снова
речь услышать вашу,
Толкующие о своем деды,
Чтоб поднести ее к губам, как чашу
Живой, студеной ключевой воды,

Настоянной на хлебородных зорях,
На месяца сиянье золотом.
В ней сладкий привкус
батькиного моря —
Святого моря в житии моем.

Я встану на колени у криницы,
В живую воду опущу ладонь...
Всю жизнь мне пить ее
И не напиться
Пропахшей земляникою водой.

С Ниной Гнатюк я познакомился два года назад в Липецке, где она представляла молодую украинскую поэзию на литературном празднике, посвященном Приштину. Ее стихи тепло принимали студенты и сталевары, машиностроители и колхозники. Певучие, наполненные высоким чувством строки стихи открыли слушателям талантливого, своеобразного литератора, воспевающего родную землю, нелегкий крестьянский труд, братство советских народов.

Родилась Нина в селе Безводном Ямпольского района Винницкой области. По образованию филолог. Работала в местных газетах, на радио. Журналистика стала для нее первыми университетами жизни, первой пробой пера. На полях родной Ямпольщины, на колхозных токах, во встречах с земляками, известными своими добрыми делами на всю страну, рождались первые поэтические строки. Потом была первая книжка, получившая одобрительную оценку читателей и критики. В молодой украинской поэзии зазвучал новый голос — чистый, ясный, звонкий. За книгу стихов «Посеяла жито» Нина Гнатюк в 1980 году была удостоена республиканской комсомольской премии имени Николая Островского.

Недавно в Киеве, в издательстве ЦК ЛКСМ Украины «Молодь», вышел новый сборник Н. Гнатюк «Шелковица». В нем автор продолжает доверительный разговор со своими молодыми современниками о долге перед народом, перед родной землей, о верности Отечеству. Из чистых кризисов народной речи черпала поэтесса строки, которые составили проникновенно-лирические и публицистические циклы.

С некоторыми из них я хочу познакомить сегодня читателей «Смены» в своих переводах, кстати, первых на русском языке.

Алексей ПЬЯНОВ

Бабушкины рядна

Бабка в хате ткет неспешно рядна.
Словно листопад, они нарядны.
Краски их певучие нетленны...
Стелет ветер чудо-гобелены.

Ткет она налавники цветастые,
Что согреют сердце
в дни ненастные.
Все хлопочет, старая, хлопочет.
Старенький станок стучит до ночи.

Мягкие клубочки убывают,
Бегает челнок, не уставая.
Не ложится, хоть устала очень...
Рядна ткет уже не бабка —
осень.

Спойте еще!

Манане Манадзе

И до сих пор я помню голос ваш,
И звук гитары,
что в душе не замер,
И виноград янтарный, и лаваш,
И детвору с блестящими глазами.

Вся в черном,
как тростиночка, тонка.
Вы пели так, вы так, Манана, пели!
Так матери поют у колыбели,
И песня их летит через века.

Не знала я мелодии и слов,
Но слезы мои щеки оросили.
В той песне
вдовы горько голосили,
В той песне — и надежда и любовь.

Вся Грузия явилась мне тогда —
Прекрасна, темноока, тонкостанна,
Чтобы оставаться в сердце
навсегда...
Вы спойте, спойте мне еще, Манана!

Имена

Сколько же для радости преград!
Как на житном поле колосков...
Вспомню твое имя — Шарапат¹,
И на сердце посветлеет вновь.

Лютая январская пора
Заметает снегом все вокруг...
Вспомню твое имя — Гульнара²,
И фиалки выбегут на луг.

Солнышко поднимется со дна
Темной ночи.
Засветут поля...
Словно амулеты — имена
Тех, кого люблю и помню я.

Зимняя песня

Замерзают реки и сады,
И замерзла б в ожиданье я,
Но под снегом есть твои следы,
Но на свете есть любовь твоя.

Утреннею птицей прилети,
Стукни веткой ясения в окно.
Для меня стал музыкою ты,
Жизнь для меня ты стал давно.

Слов заветных в сердце не тая,
Позови! Любимой назови!
Не ропщу на снег внезапный я:
Ведь зима бывает и в любви.

¹ Шарапат — надежда на лучшее (киргиз.).
² Гульнара — цветок.

Перевел с украинского
Алексей ПЬЯНОВ

Рисунки Игоря СУСЛОВА

Амир
МАХМУДОВ

Фотографии

Как капли воды,
два схожих лица:
Вот фото мое,
вот фото отца.
А вот пожелавший
и мятый листок,
Короткий завет:
«Мужайся, сынок!»
Как «морзе» в эфир.
Перекличка сердец:
— Мужайся, сынок!
— Я помню, отец!

Детство

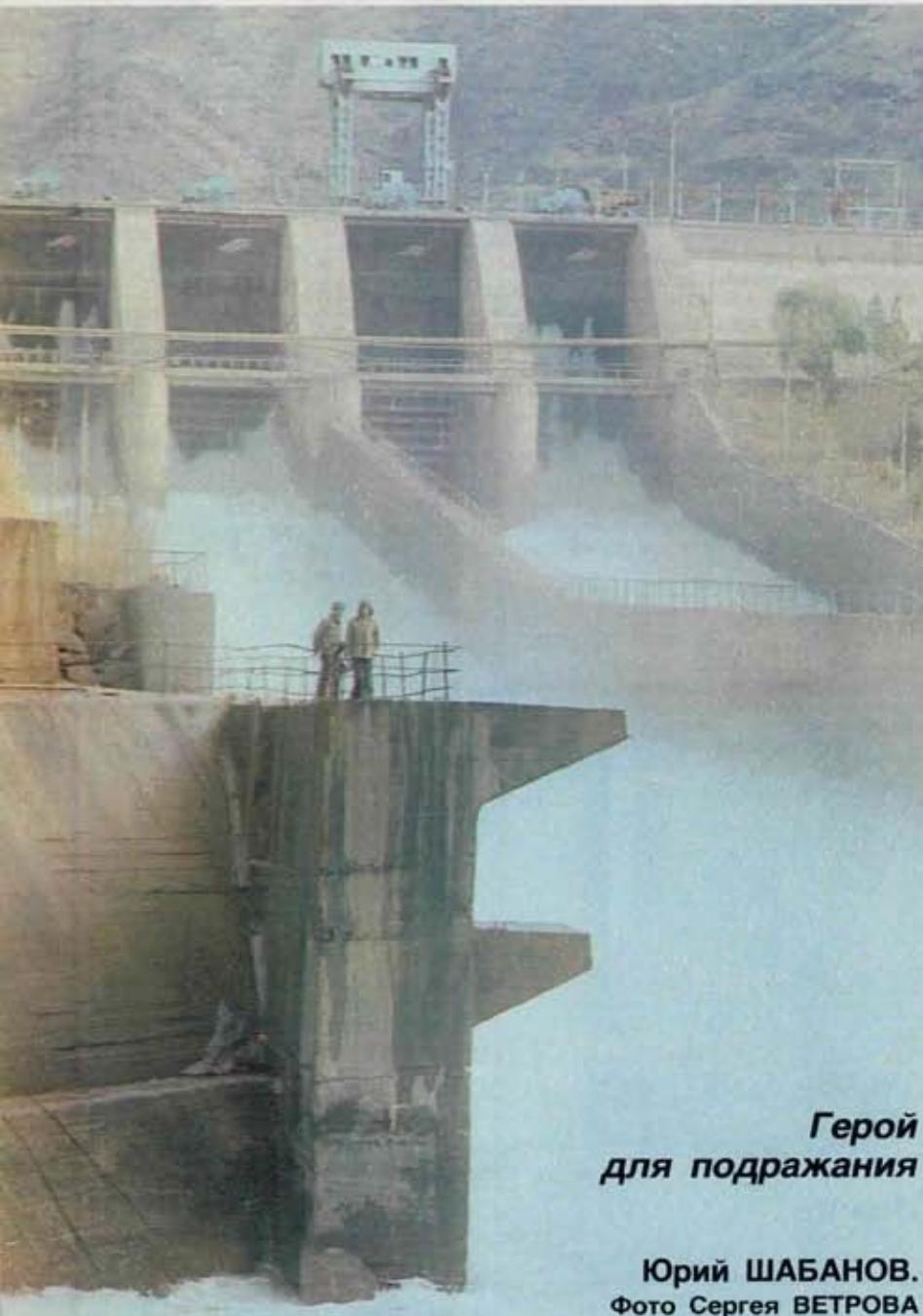
Сквозь ладонь —
ключа теченье,
В озере до дна свеченье,
Солнце четко,
как ромашка,
Вместо невода рубашка.
Горы,
словно аксакалы.
Ветер за бока трепал их.
Сверху дом похож на яхту,
Выпью облако,
как пахту.
Рухнет камень слева,
справа —
Мы вперегонки оравой.
На паях едим краюху,
И не ныть
хватает духу.
А в горах трезвонят росы.
Мы худы
и мокроносы.
Ни обуться,
ни одеться...
Сердце выросло из детства.

Большая свадьба

Свежа после странствий душа,
Ей нового хочется,
И, свадебным платьем шурша,
Ушло одиночество.
Любовь,
как три века назад,
Недешево ценится.
Кого, удалой азатам,
Похитить нацелился?..
Откроем
друг другу сердца,
И свадьбе не будет конца.
Гостям
не покинуть стола,
Где песни кипят,
как баталии.
Большая, знать,
свадьба пошла,—
Как скажут в Татарии.

Перевела с татарского
Марина КУДИМОВА.

Герой для подражания

Юрий ШАБАНОВ.
Фото Сергея ВЕТРОВА

ЖК

ена и дети еще спали, когда Мухаббат осторожно, чтобы не скрипнуть дверью, вышел из дома. Он любит эти утренние часы, когда с гор стекает прохлада, гаснут звезды и прозрачно-молочная, почти воздушная луна и все шире, все ярче разгорается полоска зари за каменистыми вершинами отрогов Памира. До начала смены еще много времени, вокруг ни души, даже Вахш шумит приглушенно, и можно не спеша обдумывать, что и как сделать сегодня, да и вообще...

За размышлениями Мухаббат и не заметил, как город проснулся, весь лукавый, сверкающий от утренней свежести. Недаром таджики дали ему имя Норак (Нурек). От слова «нор», что значит «огонь», «свет».

Но если бы не Станция, рассуждал Мухаббат, кто бы заметил маленький, будто бы в насмешку заброшенный аллахом чуть ли не на «крышу мира» кишлак Нурек? Единственным светильником в этом горном крае служил очаг,

разведенный в кибитке дехканина. Да еще костер, охранявший в темные ночи покой чабана, забредшего с отарой на дальние пастбища.

В старину течение Вахша сравнивали со стрелой, пущенной могучей рукой Рустама, чьи подвиги воспел бессмертный Фирдоуси в своем «Шахнаме». Говорили тогда так: кто изменит направление бега реки, у того будет счастливая судьба. Изменили его, покорили своей воле строители, перегородив реку трехсотметровой плотиной. Такие, как Герой Социалистического Труда, бригадир бетонщиков, делегат XXVI съезда партии Мухаббат Шарифов.

Чем была прежде Яванская долина, Мухаббат прекрасно помнит. От зноя почва здесь так нагревалась, что и сквозь обувь обжигало ноги. Люди часами стояли у колодцев за сочившейся по капле солоноватой водой и делили ее между собой пиалами. А сегодня безводная в прошлом степь превратилась в оазис.

А сам Мухаббат? Разве не достиг таких вершин, о которых он, сын простого дехканина, и мечтать не мог?

БАЙПАЗИНСКАЯ ГЭС – ЕЩЕ ОДИН ИРИГАЦИОННО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС НА ВАХШЕ.

СТРЕЛКА РУС

МУХАББАТ —
ИСТИННЫЙ ЛИДЕР.
ТАК СЧИТАЕТ БРИГАДА.

ВПЕРЕДИ
КРУТОЙ ПОВОРОТ.

И НА РУКОТВОРНОМ МОРЕ
БЫВАЮТ НАСТОЯЩИЕ ВОЛНЫ,
НО С ПАПОЙ
НИЧЕГО НЕ СТРАШНО...

СОВРЕМЕННЫЙ СТРОИТЕЛЬ
ДОЛЖЕН УМЕТЬ
ЧИТАТЬ ЧЕРТЕЖИ «С ЛИСТА».

Может, все с именем началось, которым нарекли его? Оно ведь звучное, поющее, как струна дутара. Мухаббат в переводе на русский означает любовь. По древнему таджикскому поверью имя, данное отцом ребенку, определяет весь его жизненный путь.

Вообще-то отец ласковое имя для дочери приберегал. Сын уже у него был, и он очень ждал девочку. Но родился опять мальчик.

— Эх, была не была,—махнул рукой Шариф,—пусть остается Мухаббатом. Суждено, значит, так. И, наверное, к лучшему. Когда любовь в делах сопутствует, можно горы свернуть. Счастливым будет. Так ведь, Мискол?

Жена согласно закивала головой. Уж она-то наверняка знала, какое это счастье — любовь. Потом, много лет спустя, Мухаббат прочтет у Льва Толстого: «Талант — это любовь. Кто любит, тот и талантлив», — и подивится совпадению мыслей великого писателя и своих родителей.

Отец и мать... Их давно нет. Он сам рано стал отцом: вначале для младших братьев и сестры, которым заменил умерших родителей, потом для собственных детей. Через все годы пронес он верную любовь к тем, кто даровал ему жизнь. Сколько воспоминаний связано с ними!

— ...Бегите скорее, дети, отец вернулся!

Мискол показала сыновьям на дорогу, а сама захлопотала у казана. Муж вернулся из дальней поездки в райцентр, куда возил колхозное зерно. Устал, проплылся насквозь, проголодался, а чем ей накормить своего Шарифа? Кроме замешанной на отрубях жидкой похлебки и нет ничего. Ох, горе-горе! Но, может, скоро пословней вздохнем? Строгий начальник приезжал, говорил, что недолго осталось ждать конца войны. Будь она проклята!..

А Мухаббат со старшим братом Ахмадом наперегонки мчались по серой от пыли дороге, спеша к приближающемуся человеку на осле.

— Отец, отец!

Он заулбался, соскочил с осла и раскинул руки, обнял сыновей. На этот раз отец привез не только леденцы, но и интересные новости.

— Скорее, — сказал он, — начнем строить дорогу на Орджоникидзеабад.

— Какую дорогу? — с любопытством спросил младший сын. — Зачем?

— Помнишь, я рассказывал, как сюда еще до войны геологи приезжали. Говорили, что со временем будут на Вахше строить электростанцию. Значит, пришло это время. А пока дорога нужна, чтобы все необходимое сюда завезти...

Уже поздравив, Мухаббат прочел про те тридцатые годы, когда сюда приезжали геологи. Экспедиция работала на левом берегу Вахша, а с правого за ней злобно следили глаза басмачей. Порой завязывались перестрелки...

Какие же они близкие, эти далекие годы, думает Мухаббат. Он нередко заходит в городской сквер и подолгу смотрит на кусок скалы под стеклом, где начертан профиль Ленина. Это память о тех, кто начинал строительство. И наказ продолжать их дело.

ТАМ

УЗНАТЬ! ПОЧУВСТВОВАТЬ

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Признаюсь, в училище пошел не потому, что мечтал стать рабочим, а просто надоела школа, где тебя одновременно считают и взрослым ("Как тебе не стыдно, ты уже взрослый!") и ребенком ("Этого вам еще нельзя, вы еще школьники"). В ПТУ я рассчитывал на самостоятельность и взросłość.

Сначала все было очень похоже на школу. Те же уроки, и даже занятия в мастерской не стали для меня в новинку. Все это было и в школе. Но потом мы начали проходить практику на заводе. Нас расставили в рабочие бригады...

Однажды меня поставили на ремонт шатунно-поршневой группы. Грязная, однообразная работа не вызывала интереса, и поэтому я спешил как можно быстрее ее закончить и перейти на другую операцию. В конце смены без всяких угрызений совести я поставил к отремонтированным деталям несколько поршневых колец, в которых не был выдержан зазор.

...Дома я с удовольствием смотрел мультфильмы. Вдруг звонок. На пороге Юрий Петрович, мой наставник.

— Не ожидал? Вот решил пригласить тебя на вечернюю прогулку.

Я удивился. Но молча выключил телевизор...

Мы долго бродили по берегу Донца. Юрий Петрович рассказывал о себе. Оказалось, он очень интересный собеседник. И только после этого перешел к главному, ради чего, как я потом понял, он пришел ко мне.

— Ты сегодня выполнил простую, но важную работу. А после спокойно смотрел телевизор. Ты, конечно, помнишь, что не у всех колец был выдержан зазор, но работу оставил. Знаешь, что могло произойти, если бы я после тебя не закончил дело? Представь — дизель собран. Первые испытания, начинают работать коленвалы. И при первом же нагреве дизеля цилиндр, в котором находятся твои кольца, заклинивает. О том, чья бригада допустила брак, на следующий день знает весь завод... На наших деталях не ставят знаки качества, но это не дает нам права работать кое-как. Совесть не позволяет.

Этот разговор научил меня многому. Тому, что нужно быть не просто «работающей», а человеком, уважающим свой и чужой труд, работать так, чтобы не стыдно было смотреть в глаза товарищам по бригаде, уметь выручать товарища в беде и уметь сказать ему правду в глаза, если этого требуют интересы дела, интересы рабочего коллектива.

Юрий ПЛЕВАКО,
ГПТУ-24, Харьков

ДЕНЬ ГУЛЯЮ — ДВА БОЛЬНОЙ?

Как гласит народная мудрость, счастье в воздухе не вется — руками достается.

Иной раз в свободный день не знаешь, куда приложить руки. Ходишь, маешься, будто чего-то не хватает, будто что-то не так. Есть у меня подруга, работа у нее высокой точности, весь день у станка. А придется домой — и минуты без дела не посидит.

Знаю я и других, кто с малолетства к труду не привычен. Диву даешься, глядя на всяких лодырей, прогульщиков, разгильдяев, стремящихся выехать на чужой спине, пожить за чужой счет.

Не понимаю тех, кто повторяет нерадивым и лентяям. Без долгих раздумий щедро раздают отгулы, разрешения на так называемые административные отпуска, даже не подтвержденные документами. То к матери съездить, то еще что-нибудь. При сильном желании можно придумать десятки причин. И тогда получается по присказке: день гуляешь, два — больной, а на пятый — выходной... А нельзя ли делать так: сколько дней прогулял, столько и отработал? Только по нашему училищу наберется более тысячи потерянных часов, вроде как целое управление простояло...

Хочется, чтобы каждый человек спросил себя: всегда ли поступаю по совести?

Анна КРАВЦОВА,
ГПТУ-59, Витебск

«ГЛАВНОЕ — ВИДЕТЬ ЦЕЛЬ»

Я считаю, мне в жизни повезло. Повезло с другом. А друг мой — Виктор Марков, уже пять лет возглавляющий комсомольско-молодежную бригаду токарей.

Когда я пришел на завод, на практику, то держался скованно, работал с прохладцей. Виктор мое настроение быстро разгадал и сказал мне: «Не так жизнь начинаешь». Готов я был разозлиться на эти слова, но в душе-то понимал: прав он.

Потянулся я к бригаде Маркова. Видел — здорово работают ребята. Стал и я стараться. Что и говорить, умение пришло не сразу. Токарный станок — хитрая штука, пока он послушным станет, пока запоет под твоими руками, много пота прольешь. Учил меня делу сам бригадир, ни времени, ни сил не жалел. Иногда полдня со мной провозится, а ведь и самому надо норму выполнять. Смотри, после смены прихватывает час, другой. Мне неудобно раньше него уходить, тоже остаюсь.

Чуткий он, наш бригадир. Всегда отметит при всех

даже маленькую победу, похвалит перед коллективом. А когда я впервые выполнил дневную норму, ребята тепло поздравили меня с удачным днем.

Очень хочу походить на своего друга и наставника. Как много он успел в свои двадцать семь лет! Виктор — лучший токарь завода, член комитета комсомола. К тому же он кандидат в мастера спорта по самбо. И меня приохотил к спорту. Иногда думаю, откуда сила и время берет человек? Ведь и семья у него — два сына растут. Когда спросил его об этом, он ответил, смеясь: «Главное — видеть цель. И хотеть ее достичь. И все получится».

Многое дал мне Виктор. Главное, чувствуя себя нужным коллективу. На таких людях, как Виктор, держится наша земля.

Владимир БУРОВ,
ГПТУ-2, Кишинев

ВОЛЯ К ЖИЗНИ

Домолачивали последний колхозный хлеб. Рокотала молотилка, натужно повышая голос, когда в ее металлическое нутро попадали особенно промерзшие снопы.

Мой дядя, тогда еще молодой Николай Рак, поправлял сноп, и соскользнула рука прямо в барабан молотилки...

Нестерпимая боль и страшная тишина, наступившая вокруг. Не стало кисти правой руки. Правой, рабочей, без которой особенно трудно. А сейчас ее разрывала боль, отзываясь во всем теле. Думалось в больнице Николаю: кому и для чего он нужен такой? Эти мысли мучили не меньше, чем физическая боль.

Может, несчастье и сломило бы Николая, будь у него слабый характер. Нет, в то время он и представить не мог, что когда-либо снова сядет на трактор и даже станет одним из лучших механизаторов района. Тогда, в больнице, он для начала стал учиться писать левой рукой. Поправившись, работал учетчиком в тракторной бригаде и потихоньку учился у своих братьев, тоже механизаторов, управлять трактором. Вскоре ему разрешили работать самостоятельно. Потом пришло и семейное счастье. У сына Володи тоже отцовская любовь к технике, он уже управляет трактором Т-40. Вроде бы все получалось у Николая Яковлевича легко и гладко. Но за этой внешней легкостью не всегда виден другим упорный и тяжелый труд. Надо проверить и подремонтировать трактор, подтянуть гайки и болты, заменить какую-то деталь. Ох, как нелегко бывает ему!.. Но в такие минуты возле него друзья, ученики, ведь Николай Яковлевич — наставник молодежи. И я свою первую практи-

У Дома культуры тоже стоит памятник — глыба красного песчаника с обозначенной на ней датой перекрытия Вахша. Это дань уважения всем тем, кто возвел Станцию, а значит, и ему, Мухаббату. Два простых камня, но напоминают они о человеческом разуме и человеческой силе, которым покорна стихия. Напоминают о нерасторжимой связи поколений.

Впервые Мухаббат ощущил ее, когда в конце войны отец и другие жители кишлака вместе с приезжими русскими вышли на строительство дороги.

Однажды после уроков Мухаббат уговорил приятелей спуститься в Пулисантинское ущелье. Робко остановилась стайка черноглазых загорелых ребят поодаль от походившей на танк машины, которая с пулеметным треском вонзала свои щупальца в камень, окутываясь при этом облаками пыли. Они еще не знали, что это буровая установка, и, словно зачарованные, следили за ее работой. В тот день Мухаббат перезнакомился со многими рабочими и, хотя не совсем еще хорошо понимал русский язык, ощущал дружеское участие к нему, деревенскому мальчишке.

— Вот закончишь учебный год, — сказал на прощание один из новых его знакомых, — и приходи к нам работать.

— Да я ничего не умею, — робяя, ответил Мухаббат.

— А мы на что? Научим. Вместе ГЭС будем строить...

Целое лето Мухаббат пробыл в изыскательской партии. Вместе с рабочими переправлялся в раскачивавшиеся люльке через бурлящий Вахш, бродил по горам с теодолитом, вел рабочие записи экспедиции. А следующим летом устроился разнорабочим в строительную бригаду, встал к бетономешалке.

Первую бригаду из местных таджиков ребят сколотил Василий Дегтярев. Русский парень, он прекрасно овладел таджикским, сразу нашел общий язык с местной молодежью. А Мухаббат попал к Хайту Салихову, где тоже в основном таджики работали. А ведь мулла внутрь, что аллах запрещает таджику идти на стройку, забираться в чрево земли. На головы парней сыпались проклятия, набожные старики плевали им вслед. Но сами же таджики и оказали мулле противодействие.

— Покрутился-покрутился мулла, — с улыбкой рассказывает Мухаббат, — и решил переваливаться. Только не в упраждении, как Остап Бендер, а в бригадира, раиса — так он сам себя называл. Горисполком поставил его заведовать кладбищем.

Шутка шуткой, но тогда, в начале шестидесятых, на строительстве Нурикской ГЭС происходил важный процесс: становление многонационального рабо-

щего коллектива. Мухаббат был одним из первых таджиков, кто пришел на стройку, за ним и его товарищами потянулись другие. Вначале только парни, потом и девушки.

...Умер Хайот Салихов. Ребята как осиротели. Ведь это именно он дал им крылья, сформировал бригаду крепче лучшего раствора. Но надо было работать дальше, продолжать начатое Хайотом. И бригадиром избрали Мухаббата Шарифова. Шел 1963 год.

Теперь, спустя двадцать лет, Мухаббат с улыбкой вспоминает первые месяцы своего бригадирства. А тогда ему было не до смеха.

— Столько ошибок наделал, — признается. — Спасибо, люди помогли.

Сидел он как-то на скамейке у «Казанского вокзала». Так, когда города еще не было, называли чайхану, стоявшую на перекрестке трех дорог. Данное кем-то с легкой руки название так прилепилось, что и письма слали с таким адресом: «Нурек, Казанский вокзал». Сидел он, стало быть, невеселую думу думал, что вот, мол, вроде старается, а дела в бригаде не очень-то идут...

— Какой ты кислый, бригадир, — сказали ему подсевший старик таджик из его бригады, — как незрелый тутовник. Хочешь, совет дам? Вкалываешь ты, как вы, молодые, говорите, за троих.

Остуди свой пыл. Во все места не поспеешь. Ты что, людям не доверяешь? Ой, как плохо! И они тебе доверять не будут. Вместо того, чтобы самому везде дыры затыкать, людей правильно расставить, организуй дело. На то ты и бригадир. Приглядись к каждому повнимательней, найди путь к сердцу. А то вот и меня вчера рассердил. Беги, говоришь, скорее бетон мешать. Но я же не мальчик, чтобы, задрав штаны, бежать. Подошел бы уважительно, о здоровье спрашивался... Я бы тебе на этой мешалке столько бетона накрутил... Вот так, сынок...

— Прости, дедушка, торопился очень... — Мухаббат покраснел и приложил правую руку к сердцу — знак особого почтения.

— А ты не торопись, когда с людьми говоришь. Оно так быстрее получится. Хороший урок получил бригадир. А сколько их еще было, пока сам не почувствовал, что настоящим руководителем стал?!?

Машинный зал Нурикской ГЭС, рассказывал главный инженер управления строительством Валерий Низамович Махмадиев, был почти готов, когда случилась беда. Загорелся кабель. Пожар охватил несколько этажей. Когда потушили, внутри страшно было зайти. Побеленные и покрашенные стены покрылись черной спекшейся массой. Срочно

ПОНЯТЬ!

ку тоже проходил у него. Для меня это была настоящая трудовая школа.

Уважаемый в совхозе «Истра» человек Николай Яковлевич Рак. В своей бригаде возделывает кукурузу и кормовую свеклу. Во время заготовки кормов сгребает сено, скрывает солому. Зимой подвозит к ферме корма, сам же и грузит их. Круглый год хватает у него дел. Он их не разделяет на большие и малые, выгодные или низкооплачиваемые. Раз надо — значит, надо.

За хорошую работу Николай Яковлевич награжден орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета».

Виктор РАК,
СПТУ-12, г. Зилупе Латвийской ССР

КОВАРНАЯ ТАБУРЕТКА

Выбрал я профессию художника-резчика, но сначала нам нужно было овладеть простыми навыками столяра. Началось наше «мастерство» с плечиков. Вроде бы простое изделие, а помучиться пришлось немало. Мастер у нас строгий, ошибся на один миллиметр — вся работа наスマрку, снова начинай. Так и мучился, пока все правильно не сделал.

Потом за табуретку взялся. Простая с виду вещь, не стул и не кресло. Всего-то четыре доски да четыре бруска, а вот поди ж ты: ножки — циркулем, разной высоты получились. Одну чуть подпилиши — другая длиннее становится. Подпилиши другую — табуретка влево клонится. Кто бы мог подумать, четыре ноги, а шатает ее из стороны в сторону.

— Не расстраивайся, — посмеивались ребята, — и конь на четырех ногах, а тоже спотыкается.

Наконец сделал — стоит устойчиво. Только со вздохом облегчения присел на нее передохнуть от трудов праведных, а она взыскила развалилась. Хорошо еще ребят, рядом стоящих, не зашиб, когда падал, а то бы совсем беда.

— Ты уж эту табуретку больше не мучай, — порекомендовал мастер. — Досточки, что остались, мы куданибудь приспособим. Ты начинай другую делать.

Вторая табуретка получилась значительно лучше да и лежала дольше. Может, оттого, что я больше на нее не садился... А на что тогда, подумалось, это мое изделие, если на нем сидеть опасно? Не в музей же его сдавать. Да и какой там музей, если даже мастер табуретку не принял. Размеры, видите ли, не выдержал согласно чертежу. При чем тут размеры? Табуретка она табуретка есть. Какая разница, на какой высоте сидеть, чуть повыше или чуть пониже, лишь бы удобно было.

Завершен очередной традиционный Всесоюзный конкурс сочинений учащихся профессионально-технических училищ, который «Смена» проводит совместно с Госкомитетом ССР по профтехобразованию. Были предложены темы: «Что такое рабочая совесть», «Моя первая практика», «Почему я выбрал ПТУ?», «На чем стоит рабочий коллектива», «О том, кто служит для меня примером». Сейчас, когда проходит реформа общеобразовательной и профессиональной школы, проблемы нравственного и морального воспитания рабочей смены имеют особое значение. В этом номере мы знакомим читателей с работами, отмеченными жюри.

Совсем было дома отцу говорить, чем в мастерской две практики занимался, однако пришлось.

— Табуретку делаешь? Дело серьезное, — сказал отец.

— А чего там серьезного?

— Первая вещь — всегда дело нешуточное. А ты: «Чего там серьезного?» Сделаешь ее хорошо — сам на земле тверже стоять будешь.

... Табуретку я все-таки сделал. И когда понес я ее, многострадальную, сдавать мастеру, до чего же жалко было с ней расставаться!

После тех первых дней практики я научился твердо держать в руках рубанок. И уже не ругает меня так часто мастер за ошибки, потому что делаю я их все меньше и меньше. И хочется верить, что через три года мои руки будут превращать обыкновенное дерево в прекрасные изделия.

Анатолий ГОЛОВАЧ,
ГПТУ-59, Новосибирск

НЕ НА ЧУЖОМ МЕСТЕ

Попытка поступить в институт окончилась для меня неудачей — недобрала одного балла. Падать духом не стала, так как знала, что в городе есть профессионально-техническое училище, которое готовит рабочих для пищевой промышленности.

Теперь я сама убедилась: проходит то время, когда ПТУ считали пристанищем «трудных», уделом неспособных. Приток толковых, грамотных, надежных учащихся в профтехучилища с каждым годом возрастает. Со мной в группе учится много выпускниц как городских, так и сельских школ, которые учились на 4 и 5.

Теперь, когда я увидела свою профессию станочника не на школьных стенах, где часто показан только «фасад» профессии, начинаю постигать весь процесс работы изнутри, приходит убеждение в правильности выбора. Я выбрали дело по душам, приобрела умных наставников, у меня много настоящих друзей. И все-таки добьюсь осуществления своей мечты: поступлю и в институт. Но теперь я уверена, что не буду занимать чужое место. А ведь это очень важно. Чужой в приобретенной специальности — это трагедия для человека, беда для общества. Надеюсь также, что благодаря ПТУ из меня может получиться неплохой инженер. Ведь позади будет не только год учебы, но и богатая практика на рабочем месте. Вот почему я за ПТУ для всех. Для начала жизненного пути это совсем неплохо.

Раиса ХАЙРУЛИНА,
ГПТУ-26,
Петропавловск Казахской ССР

СТРОКИ ИЗ СОЧИНЕНИЙ

Работа на производстве влияет на характер. Я сама чувствую, что стала как бы взрослея своих бывших одноклассников. У них еще проскальзывают детские оценки жизненных явлений, им еще предстоит решать, куда пойти учиться, чем заняться. А у меня к тому времени уже будут разряд специальность, товарищи в цехе, самостоятельность.

Инга АРСЕНТЬЕВА,
ГПТУ-1, Чебоксары

В детстве наиболее интересным для меня предметом был двигающийся в центре города башенный кран, самым удивительным явлением — со сказочной быстротой растущие дома. О да! Тогда я съято верил в бабушкину сказку о чудесном дворце Ионюкаса, который его помощники воздвигают за одну ночь. Как же не верить!

Буду строить и я. И буду строить так, чтобы совершенно незнакомые люди, вселяясь в мои дома, говорили: «Спасибо». И не так уж важно, что это услышат только стены...

Сова РАЙМОНДАС,
ГПТУ-20, г. Шилуте
Литовской ССР

Наш мастер Михаил Клементьевич Щербаков ругает редко и только за дело. Старается разобраться и помочь. За все время я только раз слышал, как он повысил голос. А было это так. На улице весна, отличная погода. Надо идти на практику. А мы все уехали на Волгу... На следующий день — собрание. Мастер говорил о рабочей чести и совести, о дисциплине. Нам было стыдно, мы поняли, что очень его подвели. Он нам верил, а мы обманули... И чтобы как-то загладить вину, в тот день мы сделали двойную норму.

Александр СОЛОВЬЕВ,
ГПТУ-23, г. Энгельс
Саратовской области

стали их обдирать. Несколько бригад поставили. Но скребки и щетки, которыми пользовались строители, оказались малопригодными для этого дела. Тогда заместитель начальника управления строительством Михаил Кириллович Власов предложил перевести сюда бригаду Шарифова.

— Но ведь у него там бетонщики, — возразили ему.

— Э-э, у него там на все руки мастера. А главное, с головой работают.

Вызвали Мухаббата, сказали, что дают бригаде две недели. Он сумрачно оглядел здание, тяжело вздохнул, задумался. Словно бы в калейдоскопе, замелькали в памяти картинки, отнеся его на несколько лет назад. Духовой оркестр, цветы, толпа улыбающихся людей. Он, Мухаббат, отделяется от них и идет к котловану, над которым должен вырасти машинный зал станции. Ему доверено положить в фундамент первый куб бетона. Но прежде они вместе с приехавшим на торжества министром опускают туда капсулу с письмом в XXI век: «Слушайте, товарищи потомки!..» И вот такая беда...

Мухаббат поднял глаза, коротко сказал:

— Сделаем.

Целый день он с несколькими рабочими возился в помещении. Руководители

волноваться стали: чего это бригада к работе не приступает?

К вечеру бригадир вышел из здания. Весь в черной пудре. Улыбка на лице.

— Посмотрите, как чисто берут.

На стенах виднелось несколько ровных серых полос.

— Шлифовальные машины приспособили обдирать стены.

Работу бригада закончила за неделю.

На плотину Нуракской ГЭС Шарифов теперь ходит, как на экскурсию. Школьников туда водят, увлеченно рассказывают о стройке. Сам же вместе с бригадой давно работает на возведении Байкальской гидроэлектростанции. Мощность ее намного меньше. Но потребность в ней большая. Она будет снимать нагрузки с Нуракской ГЭС в часы «пик», даст воду новым пахотным землям.

В те дни, когда я был в Байкальске, бригада Шарифова заканчивала обустройство портала нового тоннеля, по которому вода Вахша через водовод направляется в Яванскую долину. Старый тоннель забили бетонной пробкой, поскольку в том месте будет возведена плотина. Пока вода в долину поступает из Кафирниганы...

Бригада работала споро, но без сути. Двое рабочих приваривали к потолку тоннеля металлическую сетку. Закончив с этим, убрали сварочные аппараты и, не дожидаясь распоряжения, направ-

ились помочь тем, кто готовил деревянную опалубку для экранирования портала тоннеля.

Я вспомнил того старика таджики, который наказывал молодому бригадиру прежде всего организацией труда заняться. Урок, видно, пошел впрок.

— Узкая специализация рабочих мешала делу, — говорил потом Шарифов. — Одни закончили задание, сидят покуривают. А другие, бедолаги, потеют, не послевая за ними. Собрали я своих ребят и предложил освоить смежные профессии. Но не так-то просто было, скажем, сварщиков заинтересовать плотницким делом. Это ведь ювелиры своего рода, а им доски пилить предлагаю. Надо было как-то экономически обосновать взаимозаменяемость. Выход нашел в бригадном подряде...

Ветеран строительства, проработавший вместе с Мухаббатом почти пятнадцать лет, Умар Одинаев, добавил:

— У нас подряд и за пределами стройки продолжается. Таймуров Шариф дом новый строил. Так Мухаббат хашар — воскресник объявил. Вся бригада пришла. У меня жена серьезно заболела, тоже помогали, чем могли. Бригадир специально в Душанбе за редким лекарством ездил. Душевный человек, люди к нему тянулись. Мы ведь и отдыхали вместе нередко. Сядем в катер — и на водонапорнице рыбачить. А недавно

на свадьбе у Сафара Каримова всей бригадой гуляли. Опять же Мухаббат заводил был. Таким и должен быть бригадир — с каждым уметь общий язык находить.

— А с Чебоксаровым нашел? — язвительно спросил его товарищ Абдусалом Гурезов.

С заместителем главного инженера управления строительством «Нурекгэстрой» у Шарифова в свое время случился конфликт. Бригада закончила подготовительные работы для бетонирования оголовья Вахш-Яванского тоннеля. Надо бетон заливать, а проект полностью не готов, да и техники не хватало.

— Простаиваем ведь, — выговаривал бригадир Чебоксарову, — поторопите с проектом, вы же начальник. И кран нам срочно нужен.

— Сам знаешь, как трудно с проектировщиками говорить. Кран просишь. Где я его возьму?..

Мухаббат нажал на начальство повыше — проект выдали. И кран нашел — в другой бригаде без дела стоял.

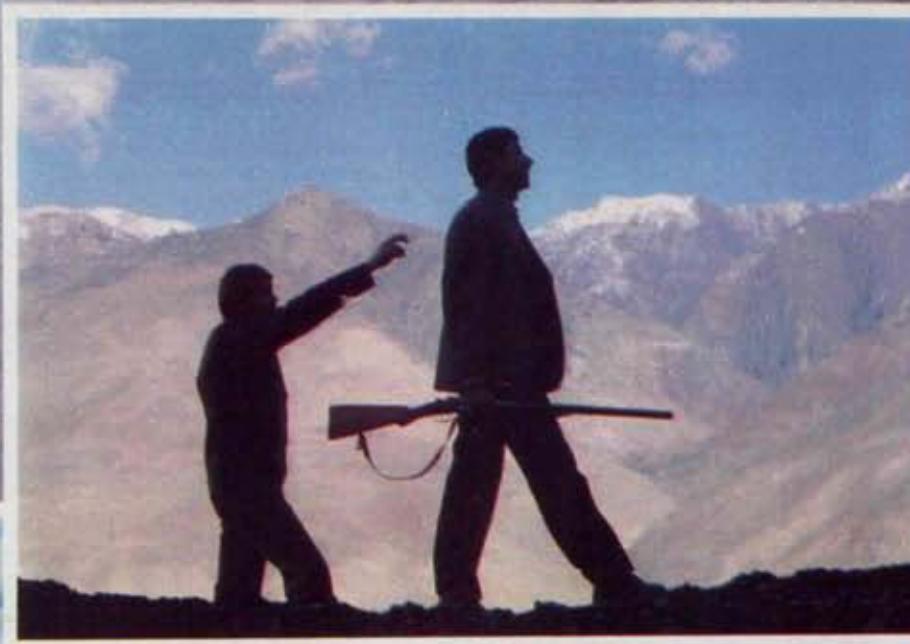
— Конечно же, руководители строительства должны более четко организовывать работу техники и людей, — говорил, объясняя суть конфликта, Шарифов. — Но и бригадиры не должны сидеть сложа руки. Надо готовить резервные работы. Такой я вывод тогда сде-

лал. Обеспечение материалами у нас далеко от идеального. Поэтому кумекай сам. Я по пустякам начальство не беспокою, стараюсь самостоятельно выход найти.

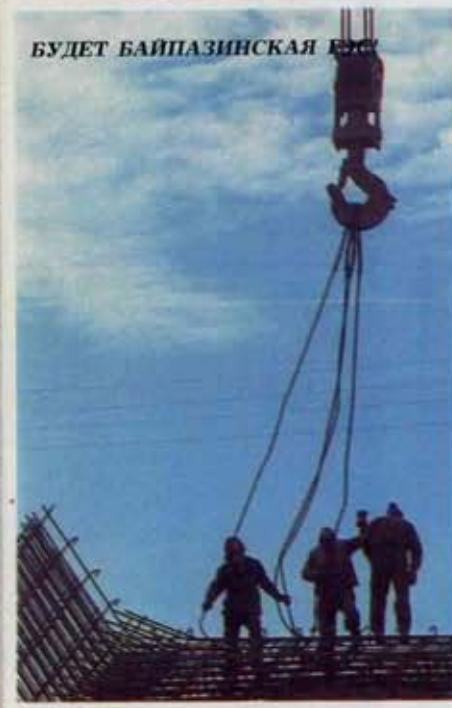
Вот и сейчас Мухаббат не стал звонить начальнику участка, что долго не везут им металлических сеток для армирования портала. Сел на попутный самосвал и поехал на железобетонный завод, к смежникам по «Рабочей эстафете».

Соревнование под этим названием, известное теперь всей стране, зародилось именно здесь, в Нураке, двенадцать лет назад. И Мухаббат Шарифов был одним из его зачинателей. Стойку тогда лихорадило из-за отсутствия железобетонных плит и колонн, которые изготавливали неподалеку от Нурака на

ОХОТА—
ЛЮБИМЫЙ ВИД ОТДЫХА

БУДЕТ БАЙПАЗИНСКАЯ ГЭС

БУДНИ
ДЕПУТАТА ШАРИФОВА:
ЧЕМ ОЗАБОЧЕНЫ, ДОКТОР?

КРЕДО БРИГАДИРА:
ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ
С ПОРЯДКА.

МИРНЫЕ ВЗРЫВЫ
НА БАЙПАЗЕ.

Орджоникидзеабадском домостроительном комбинате.

Мухаббат вместе с бригадирами Алексеем Зуевым, Василием Поздняковым и Владимиром Уткиным отправились в Орджоникидзеабад, встретились с рабочими.

— За строительством гидроэлектростанции,— говорил им Шарифов,— следит вся страна. Мы обещали пустить первый агрегат на год раньше срока. Без вашей помощи нам этого не сделать. Наш позор будет и вашим позором...

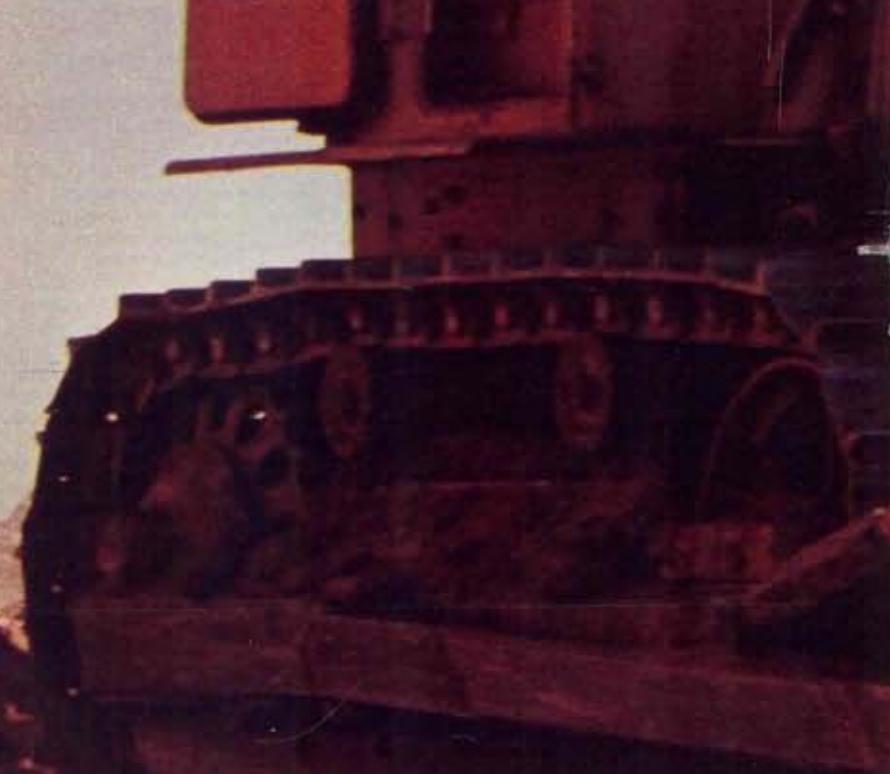
Строители Нуракской ГЭС вызвали заводчан на соревнование. Те поддержали их предложение. Так родилась «Рабочая эстафета».

Когда бригадир свердловских машиностроителей Герой Социалистического Труда Петр Толопков ступил на нуракскую землю, первым его встретил Мухаббат Шарифов. Панорама строительства поразила Петра. Как раз шел монтаж очередного агрегата, изготовленного в Свердловске...

— Потом агрегаты эти стали поступать точно по графику,— сказал Шарифов.— Это хорошо, когда смежники приезжают друг к другу, видят на деле, как связаны их интересы. Порядок и дисциплина должны быть во всем: и в отношениях партнеров по соревнованию и внутри коллектива.

Кстати говоря, мыслями об укреплении дисциплины его попросили поделиться перед профсоюзным активом республики. Приглашение Шарифов принял охотно. На душу наболело. Всей бригадой обсуждали, что скажет. Самый молодой в коллективе, значит, и самый горячий. Мамед Хамидов нажимал на причины простое.

Обязательно скажи, что пересою со строительными материалами

ют. И про автобус не забудь. Одного мало, второй нужен, чтобы вовремя людей на работу привозить...

Опытный Абдусалом Гурезов перебил его:

— Что сильно кричишь, молодой? Не с этого начинать надо. У нас своих грехов хватает. Наказываем, конечно, нарушителей своими силами, коэффициент трудового участия снижаем им, но последнее слово пока за начальством все-таки остается.

Поздно вечером, накануне поездки Мухаббата в Душанбе, встретились с ним в профкоме управления строительством.

— Вот хорошо,— обрадовался он. — Прочитай, что мы тут с ребятами набросали. Как думаешь, нормально?

— Все верно,— говорю,— и о правах бригады и про автобус. Может, только стиль не очень...

— Зачем стиль? Я об идее говорю. Думаешь, по бумажке читать стану? Своими словами скажу. А написал, чтобы не забыть чего. Книжки полистал. Цифры выписал. Представляешь, оказывается, в целом по стране из-за нарушений дисциплины и плохой организации труда за год теряется продукции в таком количестве, что можно пять Нурекских ГЭС построить. Мы прикидывали...

К каждому своему выступлению перед любой аудиторией Мухаббат готовится тщательно, словно на смену заступает.

— Когда Шарифов и другие наши герои стройки приходят к ребятам,— говорит друг детства Мухаббата директор средней школы № 1 города Нурека Обда Камолович Камолов, — в актовом зале места свободного не найдешь. Слова у Мухаббата простые, а берут за сердце. Он стройку с первого колышка начинал, кому, как не ему, ребят на путь истинный наставлять!

Бригадир, наставник, общественник... Различных поручений у Мухаббата на десятерых хватит. Он член ЦК Компартии Таджикистана, член бюро Нурекского горкома партии, депутат Постаканского сельсовета. Спросил у него, как он успевает везде?

— Сам удивляюсь,— смеется, а потом серьезно.— Главное— доводить начатое до конца, ведь на подчистку да переделку как раз больше всего времени и уходит.

Иллюстрацией к этому ответу стал рассказ секретаря горисполкома Клавдии Ивановны Даниловой о том, как депутат Шарифов заведовал внештатным отделом торговли. Нечистые на руку продавцы боялись его, как огня. Одного заведующего магазином на махинациях поймал. Выступил затем на заседании исполнкома. Мошенника сняли с работы. С продажей дефицитных товаров порядок навел. Депутатские посты в магазинах расставил, контроль со стороны предприятий наладил. «Словом, любое дело до победы доводит»— заключила свой рассказ Клавдия Ивановна.

...Мухаббат посмотрел на часы: пора на смену собираться. А то слишком уж рассветом залился, так и опоздать можно. Правда, за время вроде бы бесцельного сидения на крыльце дома успел кое-что продумать, спланировать будущий рабочий день. Так всегда с ним бывает. Чем бы другим ни занимался, куда бы ни уносился в мыслях, какая-то часть его «я» постоянно на одну волну настроена — на работу, ту, которой он отдал четверть века.

Восход сегодня и вправду был удивительно красив. Вот и легенду о стреле Рустама вспомнил: Вахш несет стремительно, как стрела.

А люди на лету схватили ее и направили в нужную им сторону...

ПУШКИНСК

Ольга ЧАЙКОВСКАЯ

Ч

асто говорят: «уроки жизни», «наука жизни». А существует ли она, наука о том, как нам жить? Ведь, честно говоря, живем мы, как живется, день ото дня. Конечно, руководствуемся определенными правилами (нравственными и юридическими), но в учебники и руководства «по жизни» не заглядываем, да и нет их, таких учебников.

Но чем больше живешь, тем яснее становится, что процесс жизни требует все же особого **умения жить**—не путать с обывательским понятием «уметь жить», то есть всячески устраиваться и приобретать, приобретать... Материальные блага—дело, конечно, необходимое, тут сомнений быть не может, и речь идет не об отрицании их (что было бы лицемерием), а о самом понятии жизненной прочности. Иным кажется, что она заключается именно в материальном, в том, что построено из кирпича, бетона, металла, дерева (действительно ведь прочность!), но сколько раз приходилось всем нам видеть, как эта прочность разлетается в куски (а дача, квартира и прочее теряют ценность, раздиравые в дереве) исключительно по невежеству, из-за неумения людей жить друг с другом. Умение жить—это умение построить прочный мир человеческих отношений, а это—дело сложное, тонкое, требующее предвидения, искусства, и без знаний тут не обойтись. Вот почему нас не может не интересовать опыт предыдущих поколений, не только общий, колективный, закрепленный в законах или, предположим, в литературе, но и личный опыт, для каждого человека свой. Он особенно интересен, этот опыт, если речь идет о крупных личностях, о людях, которых называют великими. Мы с интересом, порой даже с жадностью читаем биографические страницы—не из одного праздного любопытства (хотя и оно тут присутствует), но и потому, что нам важно понять, как эти люди решали свои житейские дела, как справлялись с заботами, как строили свои любовные, семейные, дружественные отношения. И тут нам безмерно интересен опыт великого Пушкина. Вот уже почти полтораста лет, как поэта нет на свете, но магнетическое притяжение его личности, собственное его обаяние для нас не ослабевают, а наше горе от потери так живо, будто дузль была только вчера.

Итак, Пушкин.

В молодости он, как известно, был влюблечен, непостоянен, его многочисленные любовные истории приносили женщинам не только радость, но и горе. Такое было время: разгульная удаль, любовные похождения, кутежи, дуэли—все это не только не бросало тени на молодого человека (на мужчину, конечно, не на женщину), но даже способствовало его светской славе. Этот юный Пушкин—повеса никак не должен заслонять от нас другого, зрелого Пушкина, глубоко серьезного, обладавшего высоким чувством ответственности перед жизнью и людьми.

Когда в Москве и Петербурге пошли слухи о предстоящей пушкинской женитьбе, многие пророчили поэту творческий спад (ярче всего это проявилось в письме Е. М. Хитрово, женщины безнадежно и до конца жизни влюбленной в Пушкина: «Я боюсь за вас: меня страшит прозаическая сторона брака! Кроме того, я всегда считала, что гению придает силы полная независимость, и развитию его способствует ряд несчастий—что полное счастье, прочное, продолжительное, и, в конце концов, немного однообразное, убавляет способности, прибавляет жиру и превращает скорее в человека средней руки, чем в великого поэта!»). Но вот Пушкин получил анонимное письмо, где говорилось обратное: охваченный «небесным пламенем любви», поэтический гений поэта воспарил снова.

Пушкин был тронут. «К доброжелательству досель я не привык,—писал он в своем стихотворном ответе,—и странен мне его приветливый язык». «Холодную толпу» не заботит счастье поэта, жалуется он, «любители искусств» даже полагают, будто несчастье—«внезапное волнение, утрага скорбная, изгнанье, заточенье»—все это полезно творческому процессу. «Тем лучше!—говорят они,—наберет он новых дум и чувств и нам их передаст». Трудно сказать, кто был прав в этом споре, если говорить вообще о пушкинской судьбе, но, поскольку речь идет о периоде жениховства, этот период тревог и неустойчивости, осложненный к тому же тяжким холерным пленом, надо думать, сильно способствовал тому невиданному взлету поэта, который называется первой Болдинской осенью. Она изучена по дням, чуть ли не по минутам, эта осень, пушкинисты вслушались в интонацию каждой строки, а нам интересно было бы снова просмотреть

ее, на этот раз с точки зрения предстоящего Пушкину жизненного перелома—женитьбы.

Итак, осень 1830 года. Давно отмечено: на улице ясный сентябрь, а в душе поэта почему-то «мчатся тучи, вьются тучи» и в мутной мгле с веем кружатся бесы.

Пушкин написал «Бесов» 7 сентября, а на следующий день—знаменитую элегию «Безумных лет угласшее веселье...»—уже впрямую о собственной судьбе.

Безумных лет угласшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино—печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.

Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;

И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонию ульюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть—на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

«Я жить хочу»—из тисков тоски, тревоги, дурных предчувствий он вырывается в жизнь, в надежду: мыслить и страдать, это наверняка: улыбка любви—она может быть, да и то с грустью.

«Мой путь уныл», а в будущем только «труд и горе»—так пишет счастливый жених: накануне женитьбы. Счастливый, стало быть, в кавычках? Именно так и скажут потом его биографы, а в те дни друзья подозревали даже, будто он рад бы уклониться от этой женитьбы. Сам Пушкин против подобной трактовки протестовал: «Как же не стыдно было тебе понять хандру мою, как ты ее понял? хорош и Дельвиг, хорош и Жуковский. Вероятно, я выразился дурно; но это вас не оправдывает. Вот в чем было дело: теща моя отлагала свадьбу за приданным, а уж, конечно, не я. Я бесился. Теща начинала меня дурно принимать и заводить со мною глупые ссоры; и это бесило меня. Хандра схватила, и черные мысли мной овладели. Неужто я хотел или думал отказаться? но я видел уж отказ, и утешался чем ни попало». Письмо это писано П. А. Плетневу 29 сентября, но раньше, 9 сентября, через день после «Бесов» и на следующий день после «Элегии» («Безумных лет...»), он пишет тому же Плетневу: «Я писал тебе премеланхолическое письмо, милый мой Петр Александрович... Теперь мрачные мысли мои порассеялись: приехал я в деревню и отдохнул». Этот отъезд обернулся могучим творческим взлетом. Но для нас сейчас самое важное в том, что Болдино 1830 года—это подведение жизненных итогов, великая перестройка судьбы, энергичная подготовка к будущему.

Пушкин очень ждет его—и боится. И готовится к нему с серьезностью человека ответственного.

Сперва—прощание с прошлым. Он перебирает, пересматривает прожитую жизнь и как бы от нее отрекается. Тема раскаяния раньше с необыкновенной силой звучала в пушкинской поэзии, теперь для нее существует непосредственный повод. Его холостяцкие похождения, умноженные к тому же страстной мольбой, теперь аукются ему тревогой: встревожена не только теща, но и сама юная Наталья Николаевна, будущая жена его в сомнениях, в недоверии, и у нее, увы, есть к тому основания.

Прилежно в памяти храни
Измен печальны преданья,
Ты без участья и вниманья
Уныло слушаешь меня...

Кляну коварные старанья
Преступной юности моей...

Итак, в ходе душевной работы болдинского периода первое дело—прощание Пушкина с веселым, бурным, холстым прошлым.

Есть где-то его живая любовь, с ней он прощается просто, без романтических призыва, с глубокой печалью. Мы не знаем, кто была эта женщина (у каждого пушкиниста, кажется, есть свой прототип этой «утаенной любви», прошед-

шей, как полагают, через всю пушкинскую жизнь). Нам важно, что в преддверии женитьбы он простился навек и с этой любовью.

Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего.
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.

Эти трагические строки написаны 5 октября, в удивительный день, когда был начат «Домик в Коломне». Как бы ни развивалась мысль поэта, по каким бы течениям ни шло его настроение, все равно глубинная работа итогов, надежд и планов в душе его не останавливалась. А планы его, несмотря на все тревоги и дурные предчувствия, были четкими и продуманными.

Пушкин, бездомный всегда, включая детские годы, собирался строить свой Дом.

Он женился не только потому, что был влюблен в Гончарову, а потому, что хотел создать настоящую семью, с любимой женой и любимыми детьми, душа его жаждала тепла и прочной жизненной основы.

Но Дом в значительной степени зависел от того, какова Хозяйка.

Женский идеал Пушкина достаточно известен—Татьяна. Достоинство, сдержанность («все тихо, просто было в ней»), светская безукоризненность, презирающая высшее общество, потому что в душе этой «законодательницы зал» живет прежняя Таня, готовая отдать «всю эту ветоши маскарада, весь этот блеск, и шум, и чад за полку книг, за дикий сад...». Но если прежнюю Таню легко представить себе среди усадебного быта (да она в нем и написана), то Татьяну второй части, величественную и аристократическую, в простой повседневности—женой—представить себе нельзя. Между тем в «Онегине» Болдинской осени есть и другой женский идеал, данный в окружении нарочитой прозы (сломанный забор, утиный пруд и даже кабак с балалайкой и плясками), и сам поэт нарочито прозаичен: «Мой идеал теперь—хозяйка, мое желание—покой, да щелкун, да сам большой». Ироническая интонация не должна нас смущать—в этих строках нам представлена истинная мечта Пушкина о тепле и покое.

Можно ли совместить эту деревенскую хозяйку с аристократической Татьяной? Мы увидим, что именно этого соединения аристократизма и домашнего тепла ждет Пушкин от своей жены. А главное, она должна быть «свой брат». «Ты не можешь вообразить,—пишет Пушкин Плетневу,—как весело ударь от невесты, да и засесть стихи писать». В этих строках видели как укор Натальи Николаевне, тем более что чуть ниже Пушкин пишет: «А невеста пуще цензора Щеглова, языки и руки связывает», как бы свидетельство недостатка к ней пушкинской любви—и напрасно, о чем ясно говорят следующие строки: «Жена не то, что невеста. Куда! Жена свой брат. При ней пиши сколько хочь. А невеста...—и далее уже знакомые нам строки про цензора Щеглова.

Вообще представления о том, будто Пушкин был опрометчив в выборе невесты и слишком уж влюбился ее красотой, действительности не соответствуют. Разумеется, он был влюблен, но головы отнюдь не терял, а выбрал осмотрительно. В пору дурного настроения он даже прямо писал об этом Н. И. Кривцову: «...Все, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и против женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе, как обычно живут. Счастья мне не было (...). Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся—я поступаю как люди, и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упования, без ребяческого очарования... Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностью».

Слова «я женюсь без упования, без ребяческого очарования» говорят не о недостатке любви поэта (ей достаточно доказательств), но о трезвости выбора. Наталья Николаевна Пушкину подходила, он разглядел в ней «своего брата». Что бы ни утверждала биография (и, в частности, ревнивые биографы-женщины), эта девушка соответствовала пушкинскому идеалу во многом: была проста, сдержанна, мила (современники единодушно отмечают ее молчаливость, сдержанность, прелест манер).

Писем Натальи Николаевны мужу нет (они в свое время

ши пример

пропали из архива), мы вынуждены восстанавливать ее облик, ловя его отсветы в пушкинских письмах. А они свидетельствуют с несомненностью, что он писал «своему брату», другу, который знает все обстоятельства его жизни и понимает его с полуслова. Если он хотел получить в жене друга, он его получил. Но ведь он хотел еще и хозяйку?

И тут выбор его оказался точен. Пушкинские письма должны были бы противостоять той поверхностной концепции, согласно которой Наталья Николаевна будто бы была куколкой, пустой светской дамой, единственным делом которой было танцевать на балах. Как всякая светская женщина, она на балах танцевала (а если учесть, что она была первой красавицей Петербурга, славившегося красавицами, танцевала с удовольствием и много), но она к тому же рожала детей (за пять лет замужества — четырех), вела хозяйство, дом, что в условиях вечного бедненства было нелегко, вникала в издательские дела мужа, выполняла его поручения — не такая уж и малая нагрузка для светской дамы. Если бы в его письмах и не было сказано: «Твое замечание о просвещении русского народа очень справедливо и делает тебе честь» — сам уровень пушкинских писем, сама серьезность их говорили бы о духовном уровне его жены.

Со свойственной ему проницательностью (чертя, не раз отмечавшаяся всеми) Пушкин угадал Наталью Николаевну. И все же с самого начала, еще в период жениховства, он был в тревоге: разница в возрасте, в жизненном опыте, к тому же она невиданная красавица, а он... «Она меня любит», — писал он Плетневу из Болдина — но посмотри, Алеко Плетнев, как гуляет вольная луна! — это цитата из «Цыган», где речь идет о непостоянном девичьем сердце. В письме к будущей теще Пушкин с удивительной откровенностью говорит об этой своей тревоге: он сознает, что ничем не может понравиться молодой девушке и лишь надеется со временем заслужить ее привязанность: сейчас сердце ее спокойно — но надолго ли? Не станет ли она жалеть? Не почувствует ли она отвращения к мужу? Вот уж действительно, Пушкин не закрывал глаза на реальную жизнь, он взвешивал все за и против, был в сомнениях. Они оказались напрасными.

По ответам Пушкина мы видим, что Наталья Николаевна писала мужу много и часто. От 27 сентября 1832 года: «Вчера только успел отправить письмо на почту, получил от тебя целых три. Спасибо, жена». Наталья Николаевна пишет, даже когда больна и писать не должна бы: «У тебя нарывы, а ты пишешь четыре страницы кругом. Как тебе не совестно!» Они тоскуют друг без друга, ее письма полны призывов: приезжай; его — неустранной тоски по ней. «Что, женка, скучно тебе? мне тоска без тебя» — это лейтмотив всех писем.

Не оправдались его опасения, потому что шел он (как и многие его биографы) по схеме: муж немолод и некрасив, жена молода и красива. И не мог учить другого: собственного обаяния, столь могущественного, что его хватило через полтора столетия и на нас, потомков, и еще хватит на столетия. Могла ли не почувствовать этого обаяния юная интеллигентная девушка?

Молодые были счастливы — об этом говорят окружающие, это свидетельствует сам Пушкин в письме Плетневу: «Я женат — и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Это состояние для меня таково, что, кажется, я переродился».

В пушкинских письмах жена несколько устойчивых тем. Тема тоски по ней и заботы о ней — одна из самых постоянных. «...Не можешь вообразить, какая тоска без тебя. Я же все беспокоюсь, на кого покинул я тебя! На Петра, сонного пьяницу, который спит, не проспится, ибо он и пьяница и дурак; на Ирину Кузминичну, которая тебя грабит (...). Ах, женка, душа! что с тобою, будет?» Или: «Живо воображаю себе первое число, тебя теребят за долги Параша, повар, извозчик...»

Другая устойчивая тема — ревность. Удивительным образом Наталья Николаевна оказалась ревнивее самого Пушкина, письма ее полны упреков и подозрений, а его — оправданий и объяснений. «Ваше благородие всегда понапрасну лаяться изволите», — пишет он ей, цитируя «Недоросля», и тут же клянется, что у него нет никакой склонности к некой фрейлинне Соллогуб. Ревность, впрочем, свойство довольно тягостное, Пушкин с ним борется всегда одним и тем же методом — насмешками. Ну, могла ли Наталья Николаевна не смеяться, прочтя такое письмо из Оренбурга: «Как я хорошо веду себя! как ты была бы мнай довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, с колымчками не

кокетничую... Знаешь ли ты, что есть пословица: На чужой сторонке и старушка божий дар. То-то, женка. Бери с меня пример!»

Самое интересное и поучительное для нас — резкие письма Пушкина, с укором, с выговором, а были и такие. Наталья Николаевна писала ему о своих светских победах — а надо заметить, что светские успехи жены были Пушкину приятны, ему нравилось наблюдать, как все поражены, когда она появляется на балу; ее красота, ее умение себя держать, ее очарование — все это составляло его гордость. Но вместе с тем он строго следит за тем, чтобы на опасных светских полях его юная жена не сделала ложного шага. «Вчера получил я, мой друг, два от тебя письма. Спасибо; но я хочу немножко тебя пожурить... Смотри: не даром кокетство не в моде и почтится признаком дурного тона. В нем толку мало... Гуляй, женка: только не загуливайся, и меня не забывай». Выговор, надо думать, был необходим — невероятный успех в свете мог вскружить голову Наталье Николаевне, и все же Пушкин через неделю, подумав, решил, что был слишком резок: «Друг мой, женка, на прошедшей почте я не очень помнил, что я тебе писал. Помнился, я был немножко сердит — и «какается» письмо немножко жестко. Повторю тебе помягче, что кокетство ни к чему добруму не ведет; и хотя оно имеет свои приятности, но ничего так скоро не лишает молодой женщины того, без чего нет ни семейственного благополучия, ни спокойствия в отношениях к свету: уважения».

Проходит в пушкинских письмах и тема домашних забот, тема хозяйки — Пушкин поддерживает молодую жену в ее хозяйственных начинаниях и усилиях. «Ты, мне кажется, вожешь без меня дома, сменяешь людей, ломаешь кареты, сверяешь счеты... Ай да хват баба! что хорошо то хорошо!». Или, получив от жены письмо с дороги: «Благодарю тебя, мой ангел, за письмо из-под Торжка. Ты умна, ты здорова, ты детей кашаешь...»

Он следит за чтением юной жены: «В деревне не читай скверных книг дединой библиотеки, не марай себе воображения», в котором нынче нуждались бы многие.

Никому Пушкин так подробно не рассказывал о себе, своем душевном состоянии, своем настроении, как жене. Говорят — мало о творчестве? Но Пушкин вообще мало пишет о нем даже своим ближайшим литературным друзьям. А вот в письмах к жене о творчестве как раз довольно много. В сентябре 1832 года: «Мне пришел в голову роман, и я, вероятно, за него примусь; но покажется голова моя кругом идет при мысли о газете. Как-то слажу с нею?». Так пишут человеку, который в курсе твоих творческих забот. В болдинскую осень 1834 года ему не писалось: «...стихи в голову нейдут; и роман не переписываю. Читаю Вальтера Скотта и Библию, а все об вас думаю. Здоров ли Сашка? прогнала ли ты корилицу? отдалась ли от проклятой немки? Какова доехала? Много вещей, о которых беспокоюсь (...). Погожу еще немножко, не распишусь ли; коли нет — так с богом и в путь. В Москве останусь дня три, у Натальи Ивановны сутки — и приду к тебе. Да и в самом деле: неужто близ тебя не распишусь? Пустое». Если бы из пушкинских писем жене осталось одно это «неужто близ тебя не распишусь», уже одно оно достаточно ясно свидетельствовало бы о том, какие отношения связывали Пушкина с женой.

Этот семейный корабль, как и всякий, стерегли разного рода опасности, в частности, он мог бы вполне сесть на мель авиду отношений Пушкина с родственниками жены. Теща Пушкина, Наталья Ивановна Гончарова, на редкость близка анекдотической: ей присущи были и мелкие меркантильные дразни, и подозрения, и склоки (сильно нужно было любить Наташу Гончарову, чтобы через все это пройти). Очень странно решались тут и денежные дела. Хотя из семейных доходов (от Полотняного завода) Таше выделяли в три-четыре раза меньше, чем каждой из ее сестер, Пушкин ни разу не унизился до денежных споров. Мы знаем, как отчаянно нужны были ему деньги, он, в частности, писал об этом Дмитрию Николаевичу (братья Натальи Николаевны, ведущему семейные дела), но как осторожно просит он поговорить на эту тему с тещей и прибавляет: «Если вы полагаете, что в этом письме нет ничего такого, что могло бы огорчить Наталью Ивановну, покажите его ей, в противном случае поговорите с ней об этом, но оставьте разговор, как только увидите, что он ей неприятен». Вот как решали Пушкины свои денежные конфликты — на уровне высшей деликатности.

Несмотря на то, что теща Наталья Ивановна деликатностью явно не отличалась, письма Пушкина к ней полны

уважения; и жена он внушает быть с матерью почтительной, не расстраивать ее, по возможности выполнять ее желания. И вот когда Наталья Николаевна поехала с детьми в деревню к матери, Пушкин получил оттуда письмо, для нас неожиданное, да и для него, надо думать, тоже.

«Прежде чем ответить на ваше письмо, мой дорогой Александр Сергеевич, я начну с того, что поблагодарю вас от всего сердца за ту радость, которую вы мне доставили, отпустив ко мне вашу жену с детьми... Я тронута доверием, которое вы мне высказываете в вашем письме, и, принимая во внимание любовь, которую я питала к Натали и которую вы к ней питаете, вы оказываете мне это доверие не напрасно, я надеюсь оправдывать его до конца моих дней...

Хотя Натали, по-видимому, чувствует себя хорошо у меня, однако легко заметить тупость, которую ваше отсутствие в ней вызывает. До свидания, от глубины души желаю вам нерушимого счастья. Верьте, я навсегда ваш друг».

Победа! Да над кем? Над тещей. Да и как! Одним лишь методом деликатности. Но Гончарову покорила, конечно, не только пушкинская деликатность — перелом в ее настроении, переход от ненависти к пламенной любви во многом, конечно, определен тем, что рассказала матери о своем муже Наталья Николаевна. Дело не только в мудрой пушкинской тактике, дело в его способе жить.

Немалым испытанием для семьи Пушкиных был вопрос о старших сестрах Натальи Николаевны — те жили одни в Полотняном заводе. Наталья Николаевна хотела бы их взять к себе, но Пушкин был против: «Если ты в самом деле вздумала сестер своих сюда привезти, то у Оливе (домохозяин — О. Ч.) оставаться нам невозможно: места нет. Но обеих ли ты сестер к себе берешь? эй, женка! смотри... Мое мнение: семья должна быть одна, под одной кровлей: муж, жена, дети покамест малы; родители, когда уже престарелы. А то хлопот не оберешься, и семейственного спокойствия не будет...» Но когда Пушкин понял, как тоскуют молодые девушки одни в глуши, как мучительно переживают одинчество, как погибают от сознания, что молодость проходит и надежды на замужество тоже, он свое согласие дал. И вот в его доме поселились две девушки, не больно счастливые, только куда более занятые собой, чем Таша. Хотя присутствие свояченицы и не очень радовало Пушкина, он, увидев в том неизбежность, принял их как родных. Легко было дышать в пушкинском доме. Попав из-под темной власти матери в сферу нравственного влияния Пушкина, сестры не могли не почувствовать разницы и резкости нравственного перепада — и самая тонкая из них, Наталья Николаевна (а что она самая тонкая, очевидно из писем всех трех), в этой атмосфере должна была развиваться и расцветать.

Пушкин построил светлый, прочный, веселый Дом и вел его твердо рукой (повторим: очень сильно было в Пушкине крепкое, доброе мужское начало), этот корабль вполне выдерживал семейные бури. Разбился он совсем в других штормах, среди мутивших ум ядовитых туманов, под огнем врага, одновременно потайным и шквальным.

Пушкинские письма к жене — замечательный памятник нашей культуры. Собранные вместе, они являются собой поразительный оркестр, где сплетаются разные темы. В общий тон легкой беспечности вдруг врезается тема страха смерти (это у Пушкина-то, известного своим бесстрашием!), мысль о том, что он умрет, оставив жену и детей без помощи и средств, становится наяву. В общий тон нежности и тончайшего внимания, казалось бы, нестерпимым диссонансом вторгаются грубость («Ты дура, мой ангел»), упреки и полное доверие; объяснения в любви и хозяйственное распоряжение — и все это разноголосье сливается в единую поэзию, домашнего очага.

Вот умение жить в самом полном и высоком понимании этого слова! Невыносимо труда была пушкинская жизнь, долги душили его, царская цензура теснила именно его особо; травили его в журналах, в высшем свете составили против него смертельно опасный заговор.

Когда-то, только собираясь строить свою семью, Пушкин написал стихотворение «Новооселье», где обращается к кому-то из друзей: «Ты счастлив: ты свой домик малый, обычай мудрости храни, от злых забот и лени вялой застрахован, как от огня». Пушкинский «домик малый» спалили, объединившись, все эти злые силы, спалили вместе с его собственной жизнью — но это уже другая, трагическая тема.

Нам же важно было увидеть, как сам поэт работал над созданием своего Дома, как благородная его натура, высокий мир его духовности воздействовали на тех, кто жил в этом Доме и возле него.

Слизмы сжимали горло. Снег застипал глаза. Хрупкий лед крошился под отточенными лезвиями «вингингов». Перед ним лежала последняя прямая на пути к манящему, как мираж, финишу.

Стонали трибуны. Сорвавшимся голосом кричал что-то диктор. Паникова, суетилась тренерская «биржа» у кромки льда. А Густаффсон, стоя на заласной дорожке, закрыл руками глаза. Когда он открыл их и посмотрел на табло, по его щекам потекли слезы.

Эта маленькая драма приключилась на олимпийском катке «Зетра» 18 февраля примерно в 10.00 по сараевскому времени. В тот день и час 19-летний дебютант Олимпиады, Игорь Малков из Свердловска опередил в марафоне знаменитого шведа Густаффсона на пять сотых секунды, или на 530 миллиметров.

Впрочем, это не единственная сенсация на «Зетре». 21-летний москвич Сергей Фокичев обыграл всех асов спринта на самой престижной и романтической дистанции 500 метров, а другой москвич—22-летний Олег Божьев—завоевал бронзовую награду на 1500

ДЕСЯТКИ ТЫСЯЧ ЗРИТЕЛЕЙ СЛЕДИЛИ ЗА СОРЕВНОВАНИЯМИ ЛЫЖНИКОВ У ГОРЫ ИГМАН И НА МНОГОКИЛОМЕТРОВЫХ ТРАССАХ.

прогадали: Николай Зимятов стал олимпийским чемпионом! Тогда никто и предположить не мог, что это будет первое и последнее наше «золото» в лыжных гонках.

Ставка в команде была на гонщиков испытанных, с солидной международной репутацией—Николая Зимятова, Александра Заильярова, Раису Сметанину. И лидеров упрекнуть в общем-то не в чем: они выступали на пределе сил и в личных дисциплинах собирали всю коллекцию медалей для команды—зо-

ЧЕРЕДНОЙ ОЛИМПИЙСКИЙ СТАРТ РАИСЫ СМЕТАНИНОЙ.

ОЛИМПИЙСКИЕ МГНОВЕНИЯ

Владимир КУЧМИЙ.

Фото Григория ТЕРЗИБАШЬЯНЦА

И СНОВА В ФОКУСЕ ВСЕОБЩЕГО ВНИМАНИЯ
ЛУЧШАЯ ХОККЕЙНАЯ КОМАНДА МИРА —
СБОРНАЯ СССР.

метров. Тот самый Божьев, который через неделю после Игр вернет нашей стране спустя 22 года звание абсолютного чемпиона мира в классическом многоборье.

Специалисты были в шоке: до Олимпиады никто толком не знал, как правильно произносится фамилия Малкова (уточняем — с ударением на первом слоге). Фокичева многие принимали за фигуриста — такой он воздушный, изящный, а фамилия Божьева даже в олимпийском справочнике «Кто есть кто» не значилась. Все трое попали в олимпийский экспресс, уходящий в начале февраля в Сараево, в последнее мгновение — будто вскочили на подножку. Теперь даже боязно подумать: а ведь могли и не попасть, а ведь могли их и проглядеть...

Олимпиады обладают огромной притягательной силой. Чем слышнее олимпийский набат, тем честолюбивее, дерзновеннее за-

мысли не только испытанных бойцов, но и безвестных новичков. Так было во все времена. Так было и на этот раз. Безвестные новички выходили из олимпийских сражений скороходами с мировым именем.

Ищите таланты! К этому призывают события на льду «Зетры». Ищите смелее и настойчивее. Ведь у нас нет недостатка в способной молодежи. Задача детских тренеров — выставить новичка, выучить его конькобежной азбуке, задача тренеров сборной — преподать ему урок высшего мастерства и, не боясь риска, вывести на большой лед. Это процесс долгий, кропотливый, но благодатный.

10 февраля журналистский корпус в Сараеве ломал голову. Куда перехать? Слишком обширна олимпийская программа, слишком много соблазнов. Мнения разделились. И все же большинство поехало на гору Игман, где лыжные гонщики шли 30 километров. И не

потянули и три серебряные. Но, всецело положившись на опыт испытанных мастеров, тренеры будто бы позабыли о молодежи, сразу же, еще до Сараева, отвели ей второстепенные роли.

Было бы наивно полагать, что в лыжах у нас меньше талантов, чем, скажем, в коньках. Каждый год на домашних стартах мы открывали имена способных, самостоятельных гонщиков, особенно среди женщин, расточали им комплименты, говорили: это наши олимпийские надежды. Но вот пришла Олимпиада, а «надежд» там мы, по сути дела, и не увидели.

Впрочем, несколько молодых гонщиков в Сараеве все же было. Но на трассу из них вышла одна лишь Юлия Степанова — землячка прославленной Галины Кулаковой, с которой они в Ижевске живут по соседству. Степанова в отличие от своей соседки лавров на Олимпиаде не снискала, но олимпийский урок

для нее, безусловно, даром не пройдет. А что вынесет из своей туристской поездки в Сараево дебютант команды Владимир Мазалов? На Игмане он на старт так и не вышел, хотя имел для этого основания: как-никак прошлогодний чемпион СССР. Почему бы его не поставить, например, в гонке на 15 километров вместо того же Зимятова, который не лучшим образом бежит эту дистанцию? Но опять понадеялись на лидеров. Авось, вывезут. На этот раз не вывезли...

Вы когда-нибудь сидели в бобе? Мне довелось. Правда, именно посидеть, ибо на трассу, как ни просился, не взяли — не рискнули. А ощущения на трассе, говорят, космические. Боб-ракета с обтекаемым носом мчится со скоростью под 120 километров в час, и надо обладать большим мужеством и мастерством, чтобы укротить и норовистую машину и соб-

НА КРУТЫХ СКЛОНАХ ГОРЫ БЕЛАШНИЦА ТОЛЬКО ВЫСОКОЕ МАСТЕРСТВО ПОЗВОЛЯЛО ДОИТИ ДО ФИНИША.

ственные нервы. Но двойное мужество, верно, требовалось от тех, кто первым начинал гонки на бобах,—от первопроходцев.

Это сейчас о советских бобслеистах пишут с нескрываемым восхищением. Например, как это сделала еще накануне Олимпиады одна французская газета: «Быстроходные русские «сигары» потрясли бобслейный мир». Это теперь Я. Кипурс и А. Шнепстс носят звание чемпионов Европы, а З. Эксманис и В. Александров завоевали на горе Требевич бронзовые олимпийские медали.

Всего четыре года назад все приходилось начинать, что называется, с нуля. В стране не было ни базы, ни тренеров, ни бобов, ни трасс. Было только одно — желание, огромный энтузиазм. Роланд Улатниекс, известный в прошлом саночник, был назначен тренером сборной СССР, когда сама сборная существовала только на бумаге.

Молодого тренера и его юных учеников (а те и бобов-то еще в глаза не видели!) поддержал спортивный клуб Рижского производственного объединения ВЭФ. Прежде всего нужно было **НИ ЕДИНОГО ПРОМАХА НЕ ДОПУСТИЛ НА ОГНЕВЫХ РУБЕЖАХ ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВ. ОН ШЕЛ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ «ЗОЛОТОЙ ЭСТАФЕТЫ» БИАТЛОННИСТОВ СОВЕТСКОЙ СБОРНОЙ.**

УСПЕШНО ПРОШЕЛ ОЛИМПИЙСКИЙ ДЕБЮТ НАШИХ БОБСЛЕЙСТВ. К СТАРТУ ГОТОВЫ ЯНИС КИПУРС И АЙВАР ШНЕПСТС.

всех крыльев, стремясь как можно дальше оттянуть встречу с землей. Прыжки на лыжах являются живым воплощением извечной мечты человека говорить на «ты» с воздушной стихией.

Поэтому неудивительно, что такой большой интерес у болельщиков, съехавшихся в Сараево, вызвали состязания олимпийцев-прыгунов. Борьба за награды Белой Олимпиады получилась на славу. Но, увы, в который

В ПЕРВЫЕ СТАЛИ ПРИЗЕРАМИ В ТАНЦАХ НА ЛЬДУ МАРИНА КЛИМОВА И СЕРГЕЙ ПОНОМАРЕНКО.

уж раз советские спортсмены не смогли найти веских аргументов в дискуссии с зарубежными соперниками. Лучшим из них оказался Геннадий Прокопенко, который довольствовался местом в третьем десятке.

Спорт есть спорт. От неудач не застрахован никто. Но поражения поражениям рознь. Самое печальное в ситуации, сложившейся сейчас в этом виде зимнего спорта в нашей стране, это то, что даже его лидеры и близко не могут подойти к мировой прыжковой элите. Добро бы надежды, которые на них возлагаются, не имели под собой никакой почвы. Но ведь знали мы и лучшие времена, ведь и наши спортсмены вкусили радость больших побед. Вспомним хотя бы Владимира Белоусова.

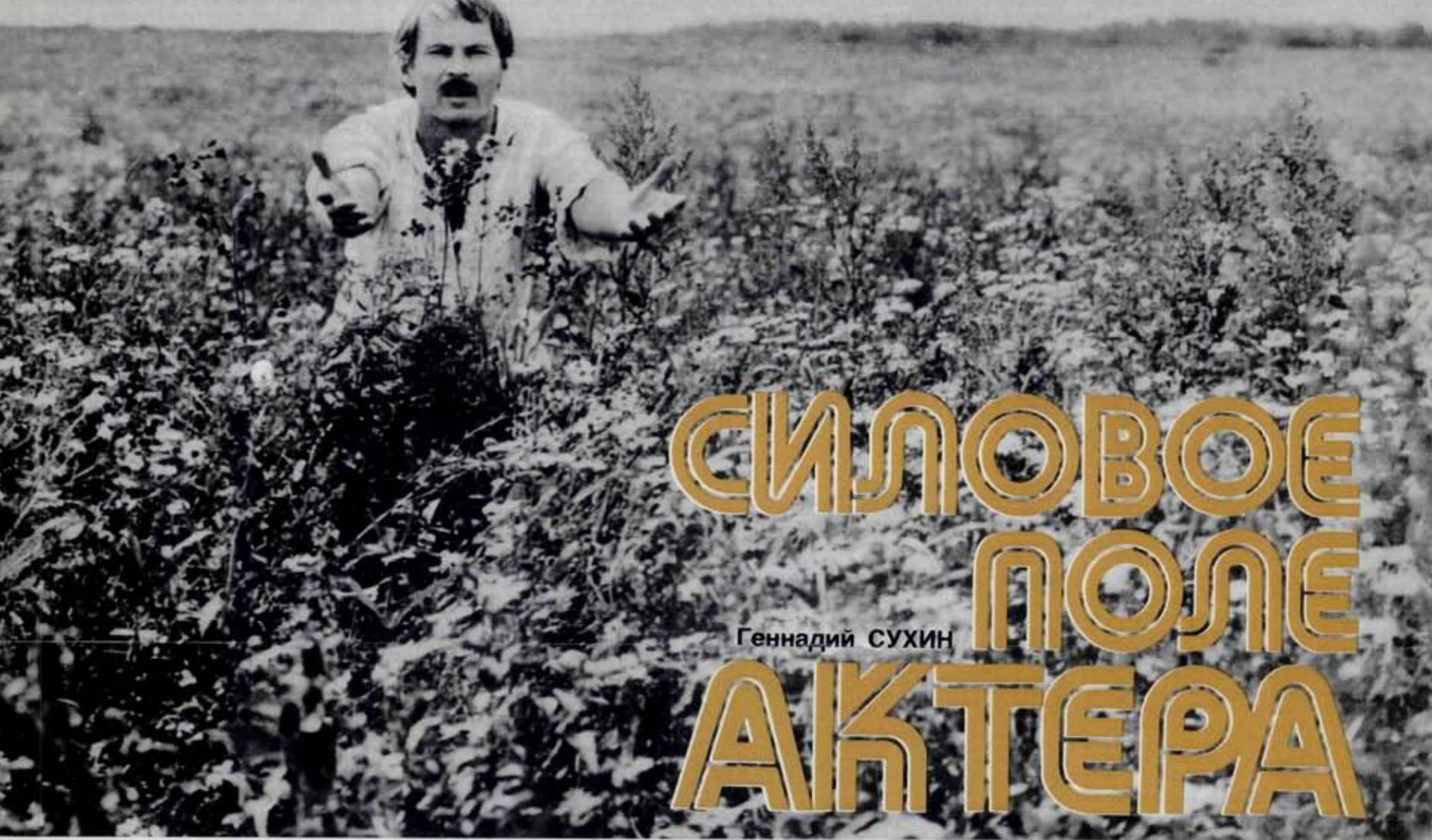
СЕРГЕЙ ФОКИЧЕВ (В ЦЕНТРЕ) — САМЫЙ БЫСТРЫЙ КОНЬКОБЕЖЕЦ ОЛИМПИАДЫ.

запомнившего «золото» на Олимпиаде-68, или Гария Напалкова, ставшего чемпионом мира в 1970 году. Почему же их преемники не в силах продолжить эту победную эстафету?

Причин много: проблемы материального оснащения этого вида спорта, издержки системы подготовки боеспособных резервов сборной команды, низкое качество работы большинства специалистов, призванных решать эти задачи. В благих намерениях по поводу того, как нам выйти из прыжкового тупика, недостатка нет. Давно пора от слов перейти к делу.

Сараево — Москва.

СИЛОВОЕ ПОЛЕ АКТЕРА

Геннадий СУХИН

— Да нет же, нет,— запротестовал Владимир Гостюхин, прочтя в одном из вариантов этой статьи красивый авторский пассаж относительно его решимости в некий период жизни поставить крест на собственной актерской судьбе.— Я никогда не подумывал об этом; слишком долго я шел к праву называться актером, и слишком дорого оно мне доставалось. Разочаровывался — и в своих притязаниях и в складывавшихся обстоятельствах — увы... Но чтобы поставить на всем «крест»?! Нет, нет и нет. Это мое! То, что называют привлечением...

Сегодня он, как говорится, на виду: заслуженный артист и лауреат Государственной премии Белоруссии, премии Ленинского комсомола, награжден серебряной медалью имени А. Довженко, которой отмечают в кино произведения на героико-патриотическую тему, — за исполнение заглавной роли в фильме «Старшина». На Международном кинофестивале в итальянском городе Сан-Ремо его работа в «Охоте на лис» признана лучшей... Его активно снимают: роль в дипломной короткометражке соседствует с рекламируемой прокатчиками по принципам анонса: «Смотрите! В главной роли!» Его узнают на улицах... Сбывается, по-видимому, высказанное года три назад на смотре молодых кинематографистов в Киеве пророчество, что исполнитель главных ролей в конкурсных фильмах «Случайные пассажиры» и «Старшина» непременно выдвинется в ряд первых актеров нашего кино и станет кинозвездой...

Впрочем, понятие «кинозвезда» настолько не вяжется ни с тем, что он делает на экране, ни с его внешностью, что вызывает по меньшей мере улыбку. Вот такой курьез в одной из статей о нем: «...яркая внешняя его фактура привлекла пристальное внимание руководителя самодеятельного коллектива...».

Да в том-то и дело, что нет в Гостюхине этих фактурных «актерских» примет — ну там, стати, походки, «магнитического» взгляда... Ростом он невысок и не то что бы субтилен или неказист, а таков, как и любой из встречных. Экран странным образом его укрупняет. Не сказать, что придает солидности или массивности, а выявляет значительность, что ли.

В жизни он решительно не соответствует экранному образу своего эмоционально замкнутого, неулыбчивого героя: молодого мужчины, занятого только собой, — дурачясь, может разыграть партнеров перед съемкой, легок в общении, контактен...

Режиссеры, в фильмах которых он сыграл основных своих героев, — его сверстники, и можно предположить, что проблемы поколения, которые они пытаются осмысливать в собственных картинах, тревожат не только персонажей в исполнении актера Гостюхина, но и Владимира Гостюхина — человека. И все же из тридцати почти его экраных героев лишь некоторые позволяют судить о диапазоне Гостюхина-актера. И это говорится вовсе не в упрек исполнителю. Просто в остальных он старателен и убедительно изображает то, что предлагает ему очередной сценарий и чего добивается от него очередной режиссер. К сожалению, чаще в рамках апробированного другими стереотипа. Однако «вехи» уже расставлены актером в собственной биографии. Конечно же, это Рыбак из фильма Ларисы Шепитько «Восхождение», повторения которого — и по значительности фильма в целом и по психологизму обнажения души героя — Гостюхину вряд ли скоро доведется достичь. Наверное, это Кацуба («Старшина»), с человечностью его и праведностью — характер несколько даже неожиданный для привычного уже «гостюхинского»; «шлемоносца» Касьян Тимофеев из «Родника» и Иван Жаплов из «Случайных пассажиров», как бы очертившие этот самый «гостюхинский» тип. И, конечно, отец из короткометражного «Живого среза», с опаленной его душой и бессильными рывками над собственной оправданной неправотой...

Человеческая ценность, подлинная и мимая, интеллигентность, настоящая и придуманная, внутреннее достоинство и угодничество, доброта, отзывчивость и понимание собственно го предназначения на земле — работа Гостюхина каждую из вышеназванных картин выводит за рамки единичной истории и частный случай их сюжета, поднимает до уровня художественного обобщения.

...Вряд ли даже самые ревностные поклонники Центрального академического театра Советской Армии, в котором Гостюхин проработал почти шесть лет,

припомнят теперь его санитара в «Странствиях Били-пилигрима» или Бориса в «Каждом осеннем вечере». С некоторым удивлением обнаружил, роясь в старых программах театра, что мне довелось видеть Гостюхина на сцене в роли старшины Бокарева в «Неизвестном солдате»... Но дело-то в том, что Гостюхин — актер по обозначенной в его дипломе профессии — эти шесть лет в театре проработал... мебельщиком. Или, проще говоря, устанавливал декорации.

— Отслужил после института в армии, а в театр никак не мог пробиться. На должность мебельщика ЦАТСА взяли по договоренности, уверяли, что, как только будет вакансия, переведут в труппу. Конечно, какая-то доля невезения в показах была, хотя потом, уже работая в театре, не раз убеждался, что система показов по сути своей формальна. В театре вдруг появлялись новые лица, а мне шесть лет говорили, что мест в труппе нет. Обстоятельства складывались явно не в мою пользу. И я ничем не мог себе помочь, кроме как терпеливо вкалывать в мебельном цехе. Потому и к участию в первых моих картинах, подобных «Великим голодранцам» или «Моей судьбе», отношусь... никак. В те дни рад был любой актерской работе. Бокарева сыграл практически с двух репети-

ций. И смог это сделать только благодаря самостоятельной работе. Приходил домой и один на один с собой «проигрывал» весь спектакль. Подобная «самостоятельная» работа с такими же горемыками-артистами, как я, дала мне, может, даже больше, чем обучение в ГИТИСе...

В кино он дебютировал неудачно. Первые появления не выявили в новом обитателе экрана ни той самой «яркой внешней фактуры», ни личностной значительности, от которых потом, как круги по воде, пошли бы варианты «исконной темы исполнителя». Впрочем, в последнее время понятие «дебют» словно бы сместилось в собственно этиологическом смысле и стало означать уже не вообще «начало, первое выступление» на каком-либо поприще, а первое заметное, резонансом отозвавшееся появление в искусстве. И если расценивать экранный дебют Гостюхина теми давешними категориями, то доставшая ему в телевизионном фильме М. Хуциева «Был месяц май» небольшая роль то ли ординарца, то ли вестового при начальнике дивизионной разведки, прошла незамеченной для зрителя. Да и для самого актера фильм остался памятен, пожалуй, лишь возможностью поработать с Хуциевым. Хотя у его героя в отличие от других столь же юных и хмельных от

сам черт был бы не страшен. И Владимир Гостюхин предъявил нам ожесточенную убедительность деградации своего Рыбака.

— Работа с Ларисой Шепитько была, если можно так выразиться, настоящим творческим вдохновением. И по сей день она остается для меня самым близким режиссером-авторитетом. Я в нее поверил как-то сразу, отдался работе без оглядки... Наверное, потому, что это была моя первая такая крупная работа, я не допускал мысли, что она не состоится. Верил, что так же думает и Лариса... Она очень переживала, получится ли все у нас с Борисом. И как же бывала счастлива, когда мы достигали успеха! Труднее и счастливее работы у меня потом, конечно же, не было...

А дальше потекла нормальная биография актера, которого приглашают на роль уже не по типажному соответствию необходимому фильму «положительно-го» или «отрицательного персонажа», а как конкретного актера Владимира Гостюхина, возможности которого известны, но не исчерпаны. И потому у любого режиссера может возникнуть вопрос: «А почему бы и не Гостюхин в этой роли?» Как возник он, наверное, у режиссера Михаила Ордовского, снимавшего свой первый полнометражный фильм — «Случайные пас-

работоспособности, самоотверженном отношении к профессии. Голоса их теплели и даже ласковели: «Это счастье, когда встречаешь актера, способного воплотить то, о чем ты только пытаешься «мыслить»... Я считаю, что судьба преподнесла мне большой подарок... Володя — мое второе «я». Он актер уникальный и, на мой взгляд, далеко еще не раскрыты. Мы, например, совсем еще не знаем Гостюхина, который прекрасно молчит на экране. А это бесценное и редкое качество артиста... На мой взгляд, он нарушил бы стереотип подбора на чеховских или тургеневских героях... Гостюхин — актер максимальной правды жизни в образе! Он работает над характеристиками своих героев самозабвенно, не надеясь, что «вызвезут» режиссер, оператор, монтажер... Он даже из экспедиции старается не отлучаться, чтобы не «расплескать» нажитого душевного состояния героя... Если бы меня спросили, что самое ценное в личности Гостюхина, я бы ответил так: талант, умноженный на труд, талант, умноженный на человеческую порядочность, талант, умноженный на скромность!»

...После премьеры «Восхождения» его перевели в актерский штат ЦАТСА. Через год он ушел из театра и стал (есть такая категория) «актером на договорах». Появилась возможность более творческой, хотя не более «безопасной» жизни:

— Существование «свободного художника» в чем-то обладает преимуществом, а в чем-то большой сложностью: сегодня ты позорез нужен и телефон раскаляется от звонков, а завтра... Приглашал в эти годы БДТ в Ленинград, но, измотанный съемками, не готов был к серьезному вхождению в сложную и маститую группу. Жалею, что «любовь» не состоялась, — исключительно по моей вине... Вообще хотелось бы попробовать себя во вновь организовавшемся коллективе, войти в новый, живой организм... Желание это могло реализоваться в минском театре киноактера...

Главные роли примерно в трех фильмах в год — на театр у него почти не остается времени. И все-таки он сыграл на сцене в Минске Василия Губанова в инсценировке «Коммуниста» Евгения Габриловича. Правда, главный режиссер театра лелеет надежду, что наступит день, когда Гостюхин сможет принадлежать не только съемочной площадке, но и театральным подиумам: «Вот тогда-то мы и приступим к репетициям «Макбета»!

Сегодня он имеет право выбирать. И даже может позволить себе попытаться сломить сложившееся о его возможностях и диапазоне представление: «Если бы узнал, что есть в запуске моя картина, на материале современном, злободневном, обязательно бы предложил себя. Хотя, впрочем, убедить кого-либо дать мне роль, в которой меня «не видят», пока не удавалось».

Его «пробуют» не только в разных характерах, но и в разных жанрах. Так, если режиссеру фильма «Родник» (по «Усвятским шлемоносцам» Евгения Носова) «увиделся» в нем курский крестьянин: мягкий, спокойный, в чем-то даже простодушный, в первозданной чистоте которого ощущима не только наивность, но и земная надежность, то диспетчер Бойчук в «Магистрали» — поистине олицетворение вззвинченной издерганности, затяжного, если можно так сказать, душевного стресса... В научно-фантастической «Лунной радуге» он вдруг оказался американским астронавтом примерно ХХ века, а в спортивной драме «Такая жесткая игра хоккей» его капитан команды — ветеран, взбунтовавшийся против нового тренера...

Конечно, он актер не безграничного дарования. Но даже в рамках амплуа, самой природой ему обозначенного: фактуры, темперамента и, как следствие, интереса к уже заявленному им герою, Гостюхин может долго и плодотворно работать. Только бы не покидал его требовательность к себе. Ведь название его главного фильма «Восхождение» обязывает!

Я не ставил перед собой цели «фундаментально» исследовать творчество актера Гостюхина, а лишь попытался рассказать о человеке, вступившем на коварную и переменчивую актерскую стезю. О сомнениях, радостях его и горечнях... И витиеватом порой пути человека к себе:

— На отделении гидростатических приборов Свердловского радиотехникума учился без особого желания — поступил, чтоб приобрести хоть какую-то специальность. Ходил в «ударниках» в техникумском оркестре. В округе слыл «трудным»... Однажды случайно забрел на занятия драмкружка. Первые репетиции были для меня жутким наказанием, меня почти насильно заставляли. Мало того, в учебной части пригрозили снять со стипендии... После «премьеры» коллектива благополучно распался. А я неожиданно почувствовал, что без «сцены» мне чего-то не хватает. И начал искать другой коллектив. Нашел его в Доме культуры имени Свердлова с прекрасным человеком во главе, Ольгой Петровной Солдатовой, бывшей актрисой воронежского театра. Там и проводил все время. Запустил занятия в техникуме. Бросил его. Пошел в вечернюю школу. Работал электриком на стадионе. А спустя два года поступил в ГИТИС. Отсюда все и пошло...

ПАВЕЛ БОБОРЫКИН
(«ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ»).

КАСЬЯН ТИМОФЕЕВ («РОДНИК»).

КАЦУБА («СТАРШИНА»).

ИВАН ЖАПЛОВ («СЛУЧАЙНЫЕ ПАССАЖИРЫ»).

счастья лейтенантов — война окончена, и они живы, и вся жизнь впереди! — есть фамилия Нырков и даже несколько слов.

Последовавшие за этой роли вторая и третья, увы, были заурядно типажными и сами собой стирались из памяти, не вселив ни в зрителей, ни в исполнителя радужных надежд.

Вот тут и подошло время «дебюта» истинного. «Восхождение» стало точкой отсчета актерской судьбы Владимира Гостюхина. Трудность — и невероятная! — состояла в том, что Рыбака актеру нельзя было изначально предъявлять как «отрицательный персонаж», нельзя было однозначно показывать его подонком, изначально готовым предать... Нужно было прожить правду медленного, но неуклонного и закономерного движения Николая Рыбака к той виселице, у которой он, все еще на что-то надеясь, поддержит под Сотниковым чурбан. Нужно было показать истину отчаяния его и раскаяния, когда он лихорадочно, захлебываясь от презрения к самому себе, перекинет ремень от собственных штанов через перекладину, да так и не сумеет повеситься... Так и останется жить, чтобы казниться за физическую свою мощь и полное духовное ничтожество... Нужно было сыграть роль, после которой, как говорится, актеру и

сажиры». И тогда актеру довелось сыграть как бы судьбу-перевертыша того самого Рыбака, что стал для него ролью-знаком, — матерый шоферюга, угрюмый и рисковый, вдруг оказывается почти беззащитным перед горестями детей-сирот, тех самых пассажиров, за жизни которых он волею случая и становится ответственным.

В «Случайных пассажирах» Гостюхин принял маленькими «партерами» безоговорочно, как «свой», равный — в его Иване есть доброта, которую невозможно «изобразить», с ребятишками он искренен без фальши. И досконально актерски убедителен в шоферских повадках, в том, как натурально «ожига» им машина...

Собирая материал для очерка, я обратился к авторам фильмов, с которыми Гостюхину довелось работать. Кто-то уезжал в киноэкспедицию, кому-то завтра предстояло сдавать ответственной комиссии очередной свой фильм. Но слова «Володя Гостюхин» поистине магически освобождали их от сиюминутной занятости. Кто-то даже особо оговорил, что если бы речь шла не о Володе, он отказался бы от встречи. Александр Миндадзе и Вадим Абдрашитов, Николай Кошелев и Валерий Лонской, Аркадий Сиренков и Михаил Пташук... говорили о необыкновенной его

КАК НАЧИНАЛИСЬ ВАЛЬС И ТАНГО

КЛУБ
‘МУЗЫКА
С ТОБОЙ’

Среди писем музыкального клуба «Смены» много таких, где повторяется просьба: «Расскажите историю популярных танцев разных эпох». Вот, например, одно из писем. Мы его получили от группы школьников из Барнаула. «Дорогая «Смена»! Когда мы встречаемся на наших вечерах и танцуем, то нередко слышим от старших: «До чего же нелепы ваши танцы! Вот в наше время...» И начинается разговор — чаще всего о вальсе. Мы считаем, что у каждого времени свои танцы. Но вот вальс... Мы ведь его тоже охотно танцуем. Объясните, в чем секрет этого удивительного танца, который нравится нашим бабушкам и нравится нам».

Выполняем вашу просьбу, ребята. Сегодня вы прочтете о двух из числа самых известных и популярных танцев — о вальсе и танго.

Н

е легко стать популярным в Венгрии. В стране, где, как ссыпкой утверждают социологи, каждый второй — музыкант, а каждый третий — певец. На концерты симфонического оркестра Государственной оперы под управлением Яноша Ференчика так же сложно достать билеты, как и на выступления популярных певиц Жужи Коши и Юдит Соч, ансамблей «Омега», «Локомотив ГТ», «Неон» или «Хунгарин». Не является исключением и «долгожительница» венгерской эстрады Кати Ковач. Почти два десятилетия звучат со сцены ее голос. Не снижается, наоборот, увеличивается количество приглашенной посетить с концертами ту или иную страну. Тринадцать долголетий пластинки и синглы восемидесяти маленьких, не считая песен в альбомах, — такому «собранью сочинений» можно позавидовать. При этом как не вспомнить о работе Кати в театре и кино.

В чем же секрет успеха? Сама она на этот вопрос отвечает словами парижского шансонье Жильбера Беко: «Успех в мире музыки не всегда зависит от следования капризам моды».

Который уже год подряд для поездки в нашу страну Кати выбирает один и тот же месяц — март. «Сложилась такая традиция, что ли, первыми зарубежными зрителями концертной программы нового сезона становятся советские люди. Их реакция словно сверхчувствительный барометр, сияя «показания» которого в успехе песни можно не сомневаться», — говорит певица. — Нынешний год в этом плане особенный, — продолжает она. — В мире неспокойно, и оставаться в стороне мы, артисты, просто не имеем права. Ведь песня всегда остается оружием в борьбе за мир, справедливость, счастье людей».

В 1965 году Кати Ковач получила приз лучшей киноактрисы года. Перед этим простая, искренняя, открытая в жизни и на сцене девушка попала в «名列 звезд» режиссера Ференца Кардоша Победительница престижного конкурса венгерского телевидения «Кто что умеет» получила роль в фильме «Праздничные дни». Дальше последовали работы в кино с Миклошем Яношом, Мартой Месарош. Шесть главных ролей в активе певицы. А может, правильнее сказать — киноактрисы? «Увы, — говорит Кати, — с кинематографом я рассталась, так как надлежало сделать выбор в пользу чего-то одного. Меня никогда не прельщала перспектива стать одной из ярких актрис, которые так популярны сейчас. Не правда ли, человек только тогда достигает вершин в своем творчестве, когда сосредоточивается на одном, не распыляется. Лично мне ближе эстрада».

Большой соблазн для певиц испытать себя в разных жанрах. Удаётся это далеко не каждому.

С вальсе говорят, что он не поддается временем и не подвержен капризам моды. Действительно, с тех пор, как в начале XIX столетия вальс распространился по всей Европе, ему сопутствует неизменная популярность. В первые десятилетия XX столетия с вальсом стал мериться славой другой из широко известных ныне бальных танцев — танго, завезенное в Европу из Южной Америки. Живучесть, стойкость этих двух танцев поразительны: не раз менялась мода, не раз возникали конкуренты, но если «долгожителям» и приходилось порой уступать модным соперникам «авансцену», то в итоге они все же оставались непобежденными.

Вальс и танго — танцы очень разные, к тому же между периодами наибольшего начального их распространения пролегло почти целое столетие, но в судьбе этих танцев, в том, как трудно складывались их первые шаги в Европе, есть и нечто схожее.

«В Берлине мода на вальс и только на вальс», — писал один из современников в 1791 году. Модный танец сравнительно быстро пересек границы ряда европейских стран. Однако на балы Европы вальс был допущен не без противоречия.

Настроение отношение к новому танцу наблюдалось еще на первых его стартах. Сошлось на роман Гете «Страдания юного Вертера», впервые изданный в Германии в 1774 году. Есть в этом романе эпизод, связанный с «балльным павильоном». Молодежь танцует там и вальс, но для него особое условие. «Тут у нас принято, чтобы дама танцевала вальс со своим постоянным кавалером», — говорит Лотта юному герою. Что скрывается за этим условием? И почему так смущен Вертер после тура вальса? Рассказывая об этом другу, он не скрывает восхищения («...держать в своих объятиях пре-

лестнейшую девушку, точно вихрь носиться с ней, ничего не видя вокруг...»), но вместе с тем клянется, что никогда не позволит своей любимой, своей невесте, вальсировать с другим мужчиной.

Пройдет совсем немного времени, вальс появится в Париже, и один из французских писателей будет зло иронизировать: «Я понимаю, почему матери любят вальс, но как они разрешают танцевать его своим дочерям?!»

Чем объяснить такое отношение к вальсу?

Не забывайте, читатель, что речь идет о второй половине XVIII столетия! Вальс был тогда еще новинкой, и новинка эта разрушила привычные представления об эстетике салонного танца. Демократический по своему характеру, вальс своей непринужденностью, естественностью движений и стремительностью резко контрастировал медлительным «этикетным» танцам старого времени с их бесконечными поклонами и реверансами — чопорными и жеманными.

Неудивительно, что вокруг вальса разгорелись споры. Одни встречали его с восторгом, другие — с негодованием. Неприязнь к модному танцу сохранилась на первых порах во многих странах, но повсюду среди приверженцев вальса было много молодежи.

В «благородных» собраниях мнимые недостатки вальса относили на счет его «низкого» происхождения. Что известно о родословной вальса? Исследователи утверждают, что предшественником его был народный крестьянский танец «лендер», бытовавший в некоторых приграничных областях Южной Германии и Австрии. Среди хореографов существует иное мнение, они находят прямую связь вальса со старинным провансальским танцем «вольта». Однако противников вальса и такое родство не могло бы порадовать, ибо в свое время по настоянию кардинала Ришелье «вольта» была запрещена Людовиком XIII: в веселом провансальском танце усмотрели угрозу «подрыва общественных и религиозных устоев».

Нечто подобное произошло в России в годы царствования Павла I (1796—1801), когда вальс «высочайшим» повелением был запрещен в танцевальных собраниях. Как свидетельствовал дореволюционный жур-

Рисунок Игоря СУСЛОВА

Кати КОВАЧ:

«САМЫЙ
СЧАСТЛИВЫЙ
МЕСЯЦ»

нал «Театр и искусство», «усердно» стали у нас вальсировать лишь при Александре I, допустившем этот невинный танец даже на придворных балах».

«Усердное» вальсирование подтверждают и литературные примеры. Вспомним «Войну и мир», первый бал Наташи Ростовой, где князь Андрей танцует с нею вальс. Л. Н. Толстой точно датирует этот бал в доме знатного вельможи: 31 декабря, накануне нового, 1810 года. Вспомним «Евгения Онегина», откроем пятую главу романа, отыщем в ней «веселый праздник именин» в доме Лариних, тот момент, когда уж «бал блестит во всей красе»:

Однообразны и безумны,
Как вихорь жизни молодой.
Кружится вальса вихорь шумный;
Чета мелькает за четой...

В примечаниях к «Евгению Онегину» А. С. Пушкин указал: «...в нашем романе время расчислено по календарю». Это позволило исследователям установить время действия каждой главы и даты основных событий романа. «Праздник именин» в доме Лариних состоялся в Татьянин день — 12 января 1821 года. Стало быть, к этому времени вальс стал уже вполне привычным.

Постепенно новый танец сделался предметом повального увлечения, хотя рецидивы неприязни к нему еще давали о себе знать. Так, изданные в Харькове в 1825 году «Правила для благородных общественных танцев» требовали от молодежи «надлежащей осторожности» с вальсом. Какой именно? «Чтобы танцевали не слишком близко друг к другу, что оскорбляло бы приличие». Более того, автор этих правил, «учитель танцевания» Л. Петровский писал: «Предоставляю суждению читателя, соответствует он [вальс] благородному собранию или какому другому».

Но то были напрасные опасения и запоздальные сомнения. Вопреки всему вальс уверенно пробивал себе дорогу и завоевывал все большую популярность.

Наибольший расцвет вальса начался в 30-е годы XIX столетия. Он был связан с Веной, с творчеством Йозефа Ланнера (1801—1843) и Иоганна Штрауса-отца (1804—1849), которые создали новый тип вальса — так называемый венский вальс. Блестящую странницу в историю вальса вписал Иоганн Штраус-сын (1825—1899), прозванный «королем вальса». Именно ему принадлежат известные всему миру вальсы «Сказки Венского леса» и «На прекрасном голубом Дунае».

Танго, по выражению одного из аргентинских поэтов, — это «грустная

мысль, которая танцуется». В рабочих предместьях Буэнос-Айреса, где в конце прошлого века родился этот танец, было немало поводов для грустных мыслей. Наряду с танцем возникла тогда и самостоятельная форма танго-песни, в которой находили свое выражение чувства обитателей городских окраин: любовь, страдания, мечты. Были среди песен в ритме танго и такие, что в наши дни определяются как песни протеста и гнева.

Существуют две версии появления аргентинского танца в Европе. По одной — танго появилось в Париже в 1909 году в числе конкурсных танцев на традиционном соревновании, проводившемся газетой «Эксельси». По другой — музыка и хореография танго были привезены в Париж одним из аргентинских композиторов в 1910 году. Обе версии сходятся, однако, в том, что до «запуска» на европейскую орбиту танец был усовершенствован в Париже. Конечно, при этом музыка и хореография претерпели некоторые изменения; в частности, движения танца стали более поступательными, тогда как для аргентинского танго было характерно очень ограниченное продвижение. Авторами «реконструкции» называли группу артистов, художников и музыкантов, которую возглавлял французский хореограф Камиль де Риналь.

Так или иначе, но европейский период «биографии» танго начался на рубеже второго десятилетия нынешнего века. Танец получил в Париже известность и в дальнейшем передко именовался «парижским танго», приобрел очень много поклонников. Однако распространение его как во Франции, так и в других европейских странах натолкнулось на серьезное противодействие.

Против танго выступил глава римско-католической церкви папа Пий X. Французские епископы обратились к своей пастве с посланиями, громящими «дьявольский» танец и призывающими верующих «не поддаваться соблазну». Кайзер Вильгельм II назвал танго «оскорблением морали и нравственности» и запретил немецким офицерам танцевать его. Русский министр народного просвещения Л. А. Кассо разослав попечителям учебных округов циркуляр, в котором указал на « явно непристойный характер танго» и потребовал принять строгие меры к тому, чтобы означен-

см. стр. 26

Когда началось повальное увлечение стилем, определяемым как «новая волна», многие, оставшиеся дотоле в темноте старожилы эстрады бросали слова голову влагонку за молодежью. Когда у нас с Кати зашел об этом разговор, она только улыбнулась в ответ на вопрос по поводу «новой волны». «Я, честно сказать, не встречала ни одного человека, который с достаточной ясностью мог сказать: «Мое понятие — новая волна». В Венгрии этому стилю следуют многие, но никто не представляет четко, в чем главный смысл их увлечения. В «волнах» такого рода постепенно растворяется национальная традиция, рождается здравое музыкальное жеребанье, где слова уступают место ритму».

В новой программе Кати Ковач, которая вскоре станет новой пластинкой — положенные на музыку стихи современных венгерских поэтов. В них самая широкая, многообразная гамма чувств. Кроме одной — сентиментальности. И уже пишут специально для нее.

«Исполнило, как вы могли заметить, интонационно усложненные произведения — они для подготовленных слушателей, которые всегда присутствуют в зале. Что же касается части так называемых «неподготовленных», то стараемся воспитывать их тут же. Есть такое понятие «эффект коллективного восприятия». Свойство хорошего вкуса таково, что если оно имеется, пусть даже у небольшого числа людей, то на протяжении вечера обязательно постепенно передается другим», — считает певица.

Выступая недавно в Бельгии, Кати Ковач дала несколько незапланированных концертов. Больше всего запомнилась ей встреча в Брюсселе с молодыми активистами антивоенного движения — студентами и рабочими, объединившимися для ведения кампании протеста против размещения в странах Европы американского ракетного оружия первого удара. Парни и девушки благодарили за песни, рассказывали о жизни своих сверстников в Венгрии, ведь не часто приходится встречаться с артистом из социалистической страны.

И все же самыми памятными выступлениями для Кати Ковач остаются два. В Советском Союзе несколько лет назад она пела в сопровождении «настоящего» симфонического оркестра. «До этого, — признается певица, — приходилось работать с оркестром Гасло Толчака, известными далеко за пределами Венгрии ансамблем «Фонограф». — В «Моторике», «Универсал». Однако пение под настоящий смычковый вызывает истинное удовольствие! А два года назад осуществилась ее мечта. Катя пела на сцене будапештского концертного зала «Вигадо», той самой сцене, где когда-то играл на фортепиано Ференц Лист.

Владимир МИШИН

ДИСКУССИЯ КЛУБА: «ВЕРНУТСЯ ЛИ В ПЕСНЮ МЕЛОДИЯ И СМЫСЛ?»

Нелегок этот «легкий» жанр — песня. Смысловая наполненность текстов, шлягеры-однодневки и песни-долгожители, бесконечное количество мелькающих стилей и неисчерпаемая сокровищница фольклора — вот отнюдь не полный круг вопросов, которые возникают в дискуссиях о песне в последнее время.

Песню создают композитор, поэт-песенник, певец — причем, даже малейший промах каждого из ее создателей невосполним: ведь песня, как и художественное слово, уходит к людям, строго оценивается по очень точной и при этом стихийно сложившейся шкале: «поется — не поется», а значит, «живет — не живет».

В четвертом номере нашего журнала за этот год, в музикальном клубе был опубликован диалог поэта Владимира Лазарева и критика Евгения Осетрова «Вернется ли в песню мелодия и смысл?». Диалог, касающийся насущных проблем песенной поэзии, качества современной песни, вызвал живые отклики наших читателей. Некоторые из них мы печатаем в этом выпуске Клуба. Продолжаем дискуссию. Ждем ваших писем!

Александр ВОРОШИЛО,
солист ГАБТа, народный артист РСФСР,
лауреат Государственной премии СССР и премии
Ленинского комсомола

Не всяческое слово поётся...

Вернуть песне мелодию и смысл — об этой проблеме я тоже думаю и потому с большой готовностью согласился принять участие в дискуссии. Для меня и моих коллег, актеров Большого театра, это болевая, злободневная тема.

Мне показалось, что застрельщики дискуссии Е. Осетров и В. Лазарев справедливо возмущены явлением так называемого «маскульта» и опасаются проникновения на эстраду пошлости, бездуховности. Кроме того, нужно помнить, какой заряд безыдейности, антигражданственности несет в себе это грозное явление, отравляя сознание нашей молодежи.

Да, низкокультурная музыка чаще всего рождается из-за коммерческих интересов... самих музыкантов! Нельзя пение лишь на публику: она поет то, что ей предлагают.

Посчитайте, сколько открыто ресторанов и кафе в больших и малых городах. Именно рестораны — рассадники пошлой музыки. Даже талантливый композитор считает сейчас для себя престижным и выгодным, если его песня попадет в программу ресторанных репертуара. Песенка, написанная подоходчивее, на широкую публику, становится подоходнее для авторов — такой вот жестокий каламбур.

Из ресторанов шлягер выплескивается в концертный репертуар, на пластинки, кассеты, на многотысячные стадионы. Мы вынуждены слушать одну и ту же дурную песню в Москве и на Сахалине, в Мурманске и Алмате, в самолетах, поездах, гостиницах.

Стандартизация музыки, архитектуры, моды несет опасность стандартизации вкуса, мышления в массовом масштабе. Я знаю певцов ВИА, которые тщательно продумывают свой концертный «костюм», чтобы быть сугубо модными: кроссовки, разрисованные зарубежной символикой майки и куртки — лишь бы быть «в струе» требований широкой публики. Что это — от собственного скупого воображения или от неуверенности в своем таланте?

Был я на концерте прибалтийского ансамбля «Радар». Полчаса публика ждала, пока установят гигантскую, трехэтажную аппаратуру. Сидел и думал: какой же многорукий Шива будет играть на этих инструментах, какой выдающийся музыкант? Но всего-то на полпроцента была использована в концерте мучая установка. Значит, все это для зрелищности, для вида, для разговоров обычай. Мол, у «Бони М» шестнадцатитонная аппаратура, а у Элтона Джона — в сорок тонн, вот это да!

После концерта публика уносит не мелодию, не праздник души, не о профессиональной трактовке музыки идет речь, к сожалению. Я люблю хорошую эстрадную музыку, у меня много отечественных и зарубежных записей; на концерт ВИА иду, чтобы услышать или понять новое. А у многих ансамблей только и различия — цвет костюмов у исполнителей да освещение. Отталкивает исполнительская манера певцов, однообразная и противостоящая: высокие, визгливые ноты, надрывные эмоции. Почему потерянно мужское начало, нужна ли такая феминизация? В музыке исчезла гармония, оркестр гремит, оглушает — хоть зубы выдирай. Это буквально так: в США в звуковых кабинетах пациенту надевают наушники с музыкой высокой мощности, человек впадает в прострацию и не чувствует зубной боли; вместо анестезии его бьют звуком по психике.

О вкусах не спорят, но верно и то, что вкус диктует манеру поведения, образ мыслей, даже образ жизни. В редакции «Смены» мне дали читательское письмо. Видимо, его написал подросток: письмо, к сожалению, анонимное, да это и понятно: автор при всей своей гротескной активности — личность подавленная, зависимая и трусливая. Процитирую кусочек «исповеди»:

«Я, как и мои друзья, болен музыкой. У нас страсть — тяжелый рок, и нас зовут «тяжелыми ребятами». Другая группа увлекается поп- и дискомузикой, и мы их называем «гундосы».

Если кто критикует нашу музыку, меня охватывает дикая ярость, я лезу в спор, иногда даже в драку. Мы живем от воскресенья до воскресенья, когда на толкучке меняем диски. Нас боятся девушки, они говорят, что мы какие-то маньяки, сумасшедшие. От меня ушла моя девушка, но я заглушил память о ней гард-музыкой. Извините, что пишу неразборчивыми буквами, плодом почек: я уже отвык писать нашими буквами. У меня множество каталогов, там все написано английскими буквами.

Разве это письмо не SOS для нас, не поле битвы за молодежь? Сфера воздействия западной идеологии на вкусы и умы молодежи, охота за душами советских парней и девчачат подчила за последние годы довольно широкий размах, а мы, старшее поколение, порой теряем собственную зоркость и бдительность. Забываем, как разнообразны, приспособляемы формы враждебной идеологии.

Музыка — могучее средство воздействия на ум и сердце человека, особенно человека молодого, с повышенной впечатлительностью, восприимчивостью. Музыка несет в себе огромный эмоциональный и социальный заряд. Всякая музыка идеяна, особенно безыдейная — именно она растлевает сознание и душу подростка. Конечно, не все идет впрямую в воздействии искусства на человека, но все взаимосвязано в этом контакте. Например, песня

«Священная война» по влиянию может быть приравнена к плакату «Родина-мать зовет», однако лирическая песня «Синий платочек» для солдата обладала не меньшей силой.

Мы не можем жить старым баражом: прогресс науки и техники, эпоха НТР диктуют новые темпы жизни, новые ритмы в музыке. Массовая культура для нас — та, что идет в широкие народные массы, именно поэтому она должна быть высоконедеяна, духовна, гармонична и чиста. Шлягер — популярная, распространенная песня; с тем большей требовательностью следует относиться к ней. Насытить песню гармоничным ладом, снабдить выразительным добрым словом — вот задача композитора и поэта. А задача средств массовой пропаганды и информации — обеспечить широкую рекламу лишь той продукции, которая отвечает требованиям высокой идеиности и безупречного вкуса. Закономерен успех наших композиторов-песенников: Пахмутовой, Тухманова, Колмановского, Шаинского, чья слава — прямое продолжение славы предыдущего поколения музыкантов: Дунаевского, Фрадкина, Соловьева-Седого, Блантера. Мне нравятся песни Ю. Антонова, есть прекрасные, очень своеобразные песни у А. Пугачевой; не нуждаются в комплиментах артисты песенного жанра Иоала, Лещенко, Леонтьев; наши ансамбли «Песняры», «Горизонт» отвечают уровню мировых ансамблей. Справедливо оценивают

современную песню читатели «Смены», присыпающие письма в адрес клуба «Музыка с тобой».

Вот письмо от читательницы «Смены» Инны Малафеевой из села Батажное Астраханской области: «В исполнении Софии Ротару я услышала песню, слова которой запомнились мне:

«Вставайте, вставайте, вставайте,
Молчать нам сегодня нельзя!
Вставайте, вставайте, вставайте,
В опасности наша Земля!»

Тревожно-набатные слова как нельзя более соответствуют сегодняшнему положению в мире. Да, нельзя нам сегодня молчать! Надо защитить нашу Землю от ядерной войны!

Если в душе человека рождаются такие достойные желания, если чувства выражаются словами искренними и значительными, значит, искусство «сработало» точно в цель. Музыка песни отозвалась музыкой сердца, слово песни породило ответное слово слушателя. Мы недаром говорим, что песня — наше оружие.

Оно защищает человека от черствости, равнодушия, эгоизма; борется за человека счастливого, умеющего любить Родину, друзей, жизнь.

Для меня, для моих слушателей, я знаю, концерт — всегда праздник, очищение: восприятие идет от сопереживания с создателем и исполнителем музыки. Сотворчество с Чайковским, например, это ли не воспитание души, не радость откровения?

Мне часто предлагают администрации концертных залов, где я должен выступать: «Пожалуйста, предложите программу подходчивую».

Но, выступая на заводах, в воинских частях, колхозах с концертами камерной музыки из произведений Чайковского, Глинки, Римского-Корсакова, Верди, Дебюсси, Массне, я чувствую полное взаимопонимание с аудиторией и никогда не даю облегченной, заниженной программы, никогда не иду на поводу тех, кто требует музыки «по-проще».

Эстрадная музыка — наша общая забота. Хорошая эстрада — ступень к музыке серьезной, классической. И вот наши заботы о классике. Жаль, что пропаганда музыки классической далеко отстает от эстрадного, не побоюсь сказать, «бума». Даже скучное время «на задворках» программ, отведенное на классику, используется подчас бездарно: репертуар «заезженный», исполнители средние. Об этом говорят на встречах с нами ребята с заводов и новостроек. Уверяю вас, что любителей классики ненамного меньше, чем любителей эстрады.

Естественно, классическая музыка требует от слушателя культуры, она избирательна, духовна. Тем большего внимания требует ее популяризация.

У нас, певцов, исполнителей, могут оружие — советское искусство. Нужно, чтобы это оружие всегда было отточенным, острым и сражалось за человека идейного, гуманного.

Владимир КОСКИН,

сотрудник Уманского городского Дома культуры,
секретарь комсомольской организации г. Умань Черкасской обл.

Почему процветает безвкусница

ребовательность к музыке! Продукция современной музыкальной «индустрии» не может быть усвоена без нашей глубоко личной, но обязательно компетентной оценки. Но откуда ей быть, если мы сами во многом воспитанники продукции современной музыкальной «индустрии»?..

Давайте попробуем порассуждать...

Что за песенный поток нам предлагают композиторы и исполнители? Сладкие стечения по поводу несоставившихся или состоявшихся любви. И зачастую полное отсутствие сколь-нибудь значимого общественного содержания! Если добавить к этому, что мелодический рисунок, как правило, маловыразителен, то получается, что все содержание сводится к одному лишь ритмическому «забою». И этот грохот отнюдь не безобидное явление! Имеются совершенно достоверные научные данные о том, что повышенная громкость исполнения песен ведет к утрате слушателями значительной части тонкой информации, которую до того хранил их мозг.

Разрушение содержательности песен, превращение текста лишь в гарнir к танцевальной музыке — главная беда эстрадной песни.

Я давно занимаюсь коллекционированием пластинок. Во время прослушивания некоторых песен просто оторопь берет. И этих «некоторых» песен слишком много. Вот, например, очередной гигант ансамбля «Лейся, песня». О чём поют? Судя по

названиям песен, здесь мы имеем дело со сплошной сказочной мифологией: «Гадалка», «Кентавры», «Ведьма-речка», «Сивка-бурука»... А вот и песня, давшая общее заглавие пластинке:

Был древний мир на наш похож не очень.
И даже круглой не была Земля,
А просто три кита тогда сквозь дни и ночи
Куда-то Землю плоскую везли.

Припев вообще «гениальный»:

Нравится такая мне планета, нравится
И песни петь об этом нравится,
Танцуя весело с тобой.

Уму непостижимо, как такое можно сочинять и петь. По-моему, здесь имеют место авторская не-принципиальность и невзыскательность.

Хорошо, что у нас есть Д. Тухманов, М. Таривердиев, часто тяготеющие к высокой поэзии. Нельзя не вспомнить «Ариэль» и последнюю их антивоенную рок-сюиту «Утро планеты» — музыка А. Морозова. Весьма интересно и плодотворно работает Алексей Рыбников: талантливая музыка плюс истиная поэзия (Пабло Неруда — «Звезда и Смерть Хоакина Мурьеты»; Андрей Вознесенский — «Юнона» и «Авось») — вещи настоящего, не сиюминутного успеха. Явлением на эстраде был и остается Булат Окуджава.

Ностальгия по настоящему поэтическому сло-

ву — вот что мучает современного слушателя музыки.

Полагать, что в легкой музыке могут быть скрипки на бездумность, нельзя. Требования должны быть высокие, как к песне развлекательной, так и к песне гражданской. У любого человека, когда он слышит песню, даже если танцует под нее, текст отпечатывается в сознании. Поззия нужна. Настоящая!

«Что поют?» — проблема огромной общественной значимости. Ситуация, при которой значительная часть моих сверстников и ребят помоложе способны под музыку лишь «балдеть» и вместе с тем не помнить, не знать слов ни одной достойной песни, — это весьма тревожная ситуация, о которой надо говорить в полный голос. Пустую по содержанию песню запретом не изгонишь. Важно противопоставить ей песню, опирающуюся на лучшие традиции народной культуры. Но не слепо копируя старые образцы, а творчески трансформируя их, как это делают, например, «Песняры», как делают это лучшие из наших современных композиторов и самодеятельных авторов.

Мне больно видеть на проводимых мною дискотеках ребят и девчонок, у которых начисто атрофировался музикальный вкус (речь, конечно, не о всех), они почти агрессивно воспринимают, например, романсы на стихи А. С. Пушкина о любви. А вдруг эти парни и девочки уже не могут любить — закрадывается сомнение...

вые духи — все рекламировалось под названием «Танго»...

«С каждым новым танцем в жизнь входит новый стиль, новая лирика, — заметила одна из петербургских газет. — Так было с вальсом... То же самое происходит с танго».

Это было написано семьдесят лет назад. Но танго не потеряло популярности и поныне. Не так давно западно-германское информационное агентство ДПА передало из Буэнос-Айреса сообщение о вековом юбилее танго. Отметив, что и сегодня танго любят во многих европейских странах, агентство утверждало: «С ним может соперничать только один танец, тоже «долгожитель» — «вальс».

Самуил САМОЙЛОВ,
заслуженный работник
культуры РСФСР.

Как начинались вальс и танго

со стр. 25

ный танец не преподавался в учебных заведениях, а равно, чтобы ученики как мужских, так и женских учебных заведений не посещали танцклассов, в коих он преподается».

Думается, что определенный повод для осуждения танго дали артисты варьете и мюзик-холлов, которые первыми освоили новый танец. Ведь именно по их исполнению и судили поначалу о танго в европейских столицах. Между тем исполнение это не отличалось строгостью стиля, и фриволности, которые позволяли себе

танцоры на эстраде, бросали тень на репутацию танца. Кроме того, определенную роль сыграла и родословная танго: танец, родившийся в предместьях Буэнос-Айреса, был для его сановных противников танцем «низкого» происхождения.

Но остановить победное шествие танго по европейским столицам не удалось никому. Петербургская газета «Театр и жизнь» писала по этому поводу: «Танго обрело могучую поддержку в протестах Ватикана и некоторых монархов. Что может быть слаже запретного плода?» Московская газета «Новости сезона», ссылаясь на лекции о танго, с которыми выступали во Франции почетные академики, утверждала: «Протесты католических епископов остаются без надлежащего воздействия даже там, где к их голосу привыкли прислушиваться...»

Наибольшего распространения на европейском континенте танго достигло в годы, предшествовавшие началу первой мировой войны. Не случайно фельетонист «Русского слова» Влас Дорошевич писал в январе 1914 года об «эпидемии», которая свирепствует в Европе и которая носит название «танго».

«Танговое» поветрие не обошло стороной и Россию. В двух главных городах страны возникло много новых танцклассов, обучавших модному танцу. В обиходе получили распространение новые слова: тангомания, тангисты, тангируют. На петербургской сцене шла оперетта «Принцесса танго». В московском Политехническом музее состоялся диспут о танго. На витринах магазинов появились ткани цвета танго (оранжевый). Новая модель обуви, новый фасон шляпы, но-

ОХОТНИКИ ЗА ПРОШАДЫМ

юбопытно, любопытно, очень любопытно,—машинально проговорил полковник.—Ну, а как же тогда вещи? Кто их вытащил, разбросал? Не сама же жена? Впрочем, давайте на время оставим Бируту Маркевич в покое. Вернемся к бородачу. Он назвал Павлу три адреса. Придумать адреса двух женщин для отвода глаз нетрудно. В каждом городе полно молодых продавщиц, а скульпторша — о ней он, возможно, на пляже слышал, она наверняка многим тут знакома... А нужен ему третий адрес. Его бородач не знал, наводить справки лично не решался. Женщину, которая жила по этому адресу, можно было навестить только один раз.

Но зачем он туда пришел? Или за чем?

— Значит, вы все же исходите из предположения, что бородач у вдовы Маркевич был?

— Уж очень удивительное совпадение! Вероятнее всего так: бородач пришел к Маркевич, она открыла ему дверь сама, в силу каких-то причин наступает сердечный приступ, и она умирает прямо при бородаче. И тут он начинает что-то искать, естественно, переворачивая весь дом... Но что он искал? И нашел ли? Ответить на эти вопросы нам должны связи покойной. Срочно проверьте: кому она носила овощи? Что за люди? С кем она вела переписку? С каких пор стала нелюдимой и скрытной? У нее есть сын, он наверняка придет на похороны матери. Поговорите с сыном. И не спускать глаз с бородача! Он должен себя проявить. Вы предъявили директору заповедника фотографии автомобилистов?

— Это намечено на завтра.

— Сделайте. Владельца вишневых «Жигулей» нашли?

— Мы узнали, где он в Вильнюсе работает.

— Оставьте мне данные. Я попрошу вильнюсских товарищей помочь нам с этим.

— Виталий Иннокентьевич, а как с операцией «Культработник»?

— Вы имеете в виду Павла? — Полковник на минуту задумался. — Пусть все остается как было. Вдруг бородач вздумает вернуться? Мы же о нем пока знаем очень мало.

19

Директор заповедника «Межаварты» в пачке предъявленных ему Савиным фотографий сразу узнал бородача. Хотя спрашивал о Розенберге парень с автомобильными ключами, по фотографии Константин Жбанов.

В этом ничего удивительного не было: бородач, не желая обращать на себя внимания, раздразнил дружка насильно придуманной байкой о том, что у лесника можно хорошо перезвиться, и тот спросил о Розенберге. Но все же почему бородач не назвал эту фамилию сам? Скорее всего Розенберг был «законсервированным» агентом, к которому разрешалось обратиться лишь в крайнем случае и то со всяческими предосторожностями.

А разве тогда был крайний случай?

Да, если учесть, что Руйкова на месте не оказалось, а новых завязок бородач боялся и, может, обратился к Павлу Ивановичу только потому, что не мог «выйти» на лесника.

Зачем же все-таки бородачу Розенберг? Ему необходим адрес вдовы.

И, видимо, Розенберг знал этот адрес.

Если так, нужно быстрее найти лесника. Значит, все, что касалось Бируты Маркевич, становилось очень важным.

Бывший партизан упомянул в своих показаниях Ионаса Гедравичуса, мальчика, который слышал, как гитлеровский офицер разговаривал с Розенбергом.

Продолжение. Начало в №№ 5—7.

Ионас наверняка сможет что-то рассказать о Розенберге. Тогда мальчик остался жив. Сейчас ему должно быть где-то за сорок... Люди в Прибалтике очень привязаны к родным местам и покидают их только по крайней необходимости. И Алеша Лактионов начал поиски прямо с Янтарного. Перерыл весь городок, разыскивал «друга Ионаса, с которым не виделся много лет».

И нашел-таки!

Ионас Гедравичус заведовал в Янтарном Домом быта. Это был полный седоватый человек с неожиданно тонким голосом.

Он не удивился, когда в кабинете тот, кто только что представился секретарше «другом детства Ионаса», предъявил свое служебное удостоверение.

— Вы помните, Ионас Валентинович, что сказал немецкий офицер Розенбергу, когда мальчиков погрузили в машину, чтобы везти в лес на расстрел?

Лейтенант Лактионов нарочно составил фразу по-длиннее. Пусть Гедравичус за это время соберется с мыслями и вспомнит. Так и вышло.

— Офицер сказал, — чуть помедлив, ответил Гедравичус, — «садись, Юрген, и показывай дорогу, где нет партизан».

— Он назвал Розенберга Юргеном?

— Да. По-немецки. А по-латышски это будет Юрис.

— Позвольте, почему именно по-латышски?

— А у Розенберга отец-то был ведь латыш! Мать немка, а отец латыш.

— Фамилию его отца вы не можете вспомнить?

— Я просто ее никогда не знал. Знал только, что отец тоже был лесник. А так — Розенберг и Розенберг... Мне тогда было всего девять лет.

Итак, Розенберг, которого звали Юрисом и настоящая фамилия которого латышская. Это уже кое-что!

Новые данные через майора Савина сообщили полковнику Сторожеву, и среди окрестных лесников начали искать Юрисов с латышской фамилией. Таких оказалось четверо. У одного из них — латышская фамилия Рожкалнс.

А Рожкалнс по-немецки и есть Розенберг.

Участок у этого лесника удаленный, лес частый, глухой. Даже удивительно, как в наше время, когда в прибалтийских лесах везде прорублены просеки, мог сохраниться такой медвежий угол.

Дом лесника оказался старым, замшелым, с подслеповатыми окнами.

Дверь была забита снаружи двумя досками крест-накрест.

Розенберг — Рожкалнс исчез.

В Вильнюсе по просьбе полковника Сторожева был допрошен Константин Иванович Жбанов, тридцати пяти лет, кандидат в члены КПСС, холост, токарь-лекальщик, заработок до четырехсот рублей в месяц. «Жигули» приобрел законным путем, на личные сбережения, до этого имел машину «Запорожец», которую продал через комиссионный магазин.

Секретарем парткома завода К. И. Жбанов характеризуется положительно. Хороший товарищ, активный общественник, токарное дело знает отлично. Допрошенный в качестве свидетеля, Жбанов показал:

— В Янтарном я провел конец отпуска, а точнее, последние десять дней. Из Вильнюса в Янтарное мы поехали вдвоем с другом. Тоже наш парень, в одном цехе работаем. Остановились мы в кемпинге, поскольку у нас машина. Первые дни погода была так себе, мы не купались, ходили по городу. Потеплело, мы стали ходить на пляж. Там познакомились с девчатаами. Оказались наши, вильнюсские. Там же, на пляже, прибрался к нашей компании Виктор. Вместе купались, вместе в столовую ходили. У Виктора этого были деньги, он геолог, приехал с Тянь-Шаня в отпуск. Как-то разговорились о машине, ценах на бензин, и он предложил мне полсотни, мол, и он ездит и на него я бензин трачу. Я, конечно, отказался, зачем мне это. Виктор два раза попросил меня с ним съездить к

какому-то леснику, у которого можно хорошо провести время, в лесу, в тишине и полной свободе... Но лесника мы не нашли. Еще как-то Виктор захотел покататься по Янтарному. А городок-то! На все улицы двадцать минут хватило. Даже с остановкой — возле какого-то дома на окраине, Виктор попросил. Из машины не выходили, а он домик расхваливал: какая чистота, какой розарий, какие грядки ухоженные. И потом мы уехали. Девчата, которые дружили с нами, были очень порядочные, серьезные. Получилось так, что Виктор уезжал из Янтарного в тот же день, что и мы. Попросил подбросить его до станции, на поезд «Калининград — Рига». Я подбросил. Больше ничего показать не могу.

20

— Вы обратили внимание, Виталий Иннокентьевич, что бородач остановил машину у дома вдовы? — сказал майор Савин.

— Ну и что это означает, по-вашему, Александр Степанович?

— Это означает, что он собирался побывать в доме вдовы. Что он там был!

— Остановил машину, полюбовался домиком — это еще не значит, что он собирался туда забираться ночью. Ну, а если даже забрался, допустим, не ночью, а в вечерний час, что из того? Замок он не ломал, дверь ему открыла хозяйка. Она испустила дух в его присутствии? Очень печально, но врачи утверждают, что Бируту Маркевич давно страдала болезнью сердца... Он рылся в ее вещах? Рылся? В вещах? Позвольте! Как только он увидел, что она упала без чувств, то тут же убежал в страхе... А зачем он к ней приходил? За клубничкой. Он очень любит клубнику с грядок. И специально покупает вечером, чтобы к завтраку ягоды были свеженькими.

Вы чувствуете, Александр Степанович, бородач шутя расправится с вопросами. Поэтому пока трогать его не будем. Нужно продолжать и продолжать разработку. Бородач сказал, что он геолог с Тянь-Шаня, приехал на Балтику в отпуск? Пошли в Киргизию нашим товарищам телеграмму, попросим проверить.

И во Фрунзе полетела телеграмма: «Срочно сообщите, работает ли в какой-либо из геологических партий на Тянь-Шане Виктор Леонидович Серфик, 28 лет. Если работает, то где он сейчас?»

Через сутки пришел телеграфный ответ: «Серфик Виктор Леонидович работает в 12-й геологоразведочной экспедиции. В настоящее время находится в отпуске».

21

Гроб с телом вдовы Маркевич установили в каплице — небольшой полутемной часовенке на кладбище. В каплицу входили люди, их было немного, клали на гроб цветы, о чем-то перешептывались, стояли, поглядывая в открытую дверь каплицы, где ярко светило солнце и зеленели деревья.

Был поздний утренний час. Несколько отдыхающих из местного дома отдыха, возглавляемые энергичным молодым человеком спортивного склада, решили осмотреть это довольно старое кладбище. Энергичный молодой человек — это был лейтенант Лактионов — еще вчера во время вечерней прогулки предложил совершить сию экскурсию, которая и в самом деле оказалась интересной.

Кладбищенские надгробия представляют собой своеобразную летопись, рассказывают об ушедших людях. На этом кладбище перед экскурсантами, переходившими от могилы к могиле, воскресали эпохи, судьбы. Надпись на одной изъеденной временем серой гранитной плите сообщала, что под ней почивают прах генерал-аншефа «из свиты его величес-

ства императора Александра I». Не думал генерал-аншеф, что рядом с ним через полвека займет место купец первой гильдии «русский человек Иван Пузырев». Прошли католическую часть кладбища и вышли к особняком находящемуся участку скромных небольших белых надгробий. Это были могилы советских воинов, освобождавших Прибалтику.

Шаг за шагом экскурсанты подошли к каплице. Вышедший навстречу немолодой мужчина довольно неопрятного вида, хотя на нем был черный костюм с белой рубашкой и галстуком, попросил оказать содействие сраженному горем сыну: помочь доставить гроб до могилы: «А то нас тут только два мужика, остальные все бабы». Мужчины-отдыхающие вошли в положение, согласились. Скоро над останками вдовы Маркевич вырос земляной холмик. Сын покойной стал настоятельно приглашать на поминки.

Тот, кто привел экскурсантов (то есть лейтенант Лактионов), сказал: «А почему бы и нет?» — чем сразу необычайно расположил к себе сына, который уже был слегка навеселе.

За столом собралось человек десять. Хозяин махнул рукой приглажнувшемуся гостю.

— Садись рядом! Меня зовут Витаутас. А тебя как? — Алексеем.

Печали за столом хватило ненадолго. Разве два гости выпили по рюмке, удерживая на лицах подобающее моменту выражение, но, захмелев, оживились, заговорили громко, перебивая друг друга. Какая-то смешливая тетя взвигнула, кто-то опрокинул рюмку, кто-то попытался рассказать анекдот. Начался обычный застольный шум.

Витаутас на правах сраженного горем сына поначалу пытался было управлять поведением гостей, но, увидев, что это — безнадежное дело, махнул рукой и принялся потчевать своего нового приятеля. Витаутас захмелел, и Алексей попросил его рассказать, что все-таки случилось с его мамашей.

— А то неудобно — сижу на поминках и ничего не знаю, — сказал Алексей.

— Да что рассказывать, — горько и пьяно усмехнулся Витаутас. — Убили старушку, убили маму. И я даже знаю кто.

— Как убили? — удивился Алексей. — Я на кладбище слышал, что мама твоя умерла.

— Ну, не убили, так доконали, — продолжал наставлять Витаутас. — Сердце слабое, прикини на нее погромче, она и готова! Я знаю, кто это сделал. Ее бывший дружок. Старый гад, которого она в руках держала... Лесник Розенберг! При немцах на этом месте его дом стоял. Но спорел. И, когда мы с матерью вернулись из эвакуации, из этого самого, из Урен... Из Уренбурга, вот откуда!

— Оренбурга, — поправил Алексей.

— Не перебивай! — вдруг закричал Витаутас. — Я сам перебью... Слушай! Когда мы сюда приехали, на родину отца... Отца я не знал, ни разу не видел... Командир орудия... Гвардейская дивизия. Убили под Кенигсбергом, теперь это... теперь это Калининград. Ну... о чём я говорил?

— О том, как вы приехали.

— Приехали, нам дали этот участок, одни развалины, как вдове строиться? А мне было пять лет тогда... Ну, он и помог.

— Кто?

— Да он же, Розенберг. Тебе говорят, что он тут жил, потом в лес на свой новый участок переехал... Помог построиться, машину достал, рабочих привез. Часть казна заплатила, пособие нам дали, а часть — мать за свои кровные, за пенсию... А кушать что? Картушку посадила, козу купила. Начали жить, сперва плохо, потом, когда курортники появились, хорошо стали жить. Розенберг с матерью одиннадцать лет был, он к ней подъезжал, а она ему от ворот поворот...

— Знаешь что, — предложил Алексей, — давай возьмем бутылку да выйдем на свежий воздух.

— В теплицу пойдем, — обрадованно заорал Витаутас, — под свежий огурчик выпьем. Он схватил со стола начатую бутылку водки и, круто повернувшись, так, что едва не упал, пошел к двери.

В теплице Витаутаса окончательно развезло. Из его сбивчивой, пьяной речи Алексей понял, что, когда сыну было уже тринадцать лет, мать надумала расширить свой земельный участок. Она опять обратилась к Розенбергу. Тот приехал, помог. Даже сетку для ограды привез.

— А потом я начал копать землю и нашел железнющий ящик... нет, не ящик, а коробку... нет, не коробку, а... ну, в общем, вот такой длины и такой толщины. — Он показал ширину сантиметров в семьдесят и высоту сантиметров тридцать.

— Такой плоский! — удивился Алексей. — Разве такие бывают?

— Бывают, не перебивай!

Выяснилось, что ящик по всей длине был запаян металлической лентой. Мать, увидев, испугалась, крикнула: «Брось, может, это мина!» Но мальчишка плоскогубцами отодрал ленту, — ящик, похожий на патронный, раскрылся. В нем оказались бумаги. Пролежав в земле несколько лет, они не только не отсырели, но даже чернила не выцвели.

— Чернила? — снова как бы удивился Алексей.

— Ну да. Пот-тому, что п-подпись была там. Через день мамаша показала один лист Розенбергу. Он понимал по-немецки и сказал, что бумаги секретные. Понтересовался, н-нет ли еще каких бумаг, но мать сказала: «Нет! Она у меня была хитроща!»

— Ну, а потом?

— Потом суп с котом. — Пьяно усмехнувшись, Витаутас опустил голову на грудь.

Он спал.

22

Майор Савин, задумавшись, сидел в кабинете за столом. Происходящие события не поддавались логическому анализу. Если у бородача есть хозяин и этот хозяин — второй аквалангист, то на кой леший аквалангист нужен вообще? Чтобы принять от бородача какие-то документы? Но, судя по докладу лейтенанта Лактионова, полученному после разговора с Витаутасом, сынам вдовы, эти документы скорей всего взял Розенберг, который давно знал об их существовании и давно ими интересовался. Если же Розенберг должен передать документы бородачу, а уже тот — хозяину, то почему Розенберг и бородач до сих пор не встретились? А это было известно точно. И еще. Сам бородач живет у мамы, причем не у липовой, а у самой настоящей, у себя дома. Это тоже было проверено. Да, сложность следствия достигла того уровня, когда собственного чутья и собственного опыта Савину оказалось недостаточно, теперь необходимы были не только эрудиция и отличное знание своей специальности, но и другая масштабность мышления. Умение в горе фактов пробить тоннель именно в том месте, которое выведет точно на цель. И этим умением, масштабностью мышления обладал всегда спокойный, чуткий ироничный полковник Сторожев.

К части майора Савина, он точно оценивал собственные возможности и знал, что свою часть работы он делает основательно. Все передвижения бородача взяты под контроль. Розыск Розенберга продолжается. Но розыск усложнен тем, что лесник все послевоенные годы жил на своем участке как бирюк. Его мало кто видел, словесный портрет оказался расплывчатым и противоречивым. Фотографии, даже в молодом возрасте, не удалось найти ни одной. Что ж, в практике майора Савина бывали случаи и потруднее: бывшие каратели из «зондеркоманд», проходившие по делам, которые он вел, применяли сложнейшие уловки, чтобы бесследно раствориться среди многомиллионного населения страны. Но, несмотря ни на что, ему каждый раз удавалось доказать, что возвращение неизбежно.

Савин смущало другое: налет какого-то авантюризма на всем этом деле. Начиная с Бергманиса, запрограммированного на провал, и кончая бородачом, который после активных действий в Янтарном вдруг поселился у мамы.

Именно с рассказа о своих ощущениях Александр Степанович начал очередной доклад полковнику Сторожеву, когда в назначенный час появился у него в кабинете.

К необычному началу доклада полковник отнесся с большой серьезностью.

— Согласен с вами, Александр Степанович, полностью согласен. Я бы сказал, что здесь не только авантюризм, но и какая-то наглая самоуверенность.

— В таких случаях Козьма Прутков советовал: зри в корень! — Майор хотел сказать это весело, но весело не получилось.

— Франсуа Рабле сказал еще лучше: «Чтобы добраться до мозга, нужно сначала разгрязь кость», — поддержал его полковник. — Так воспользовался же обоими советами: заглянем в корень и оценим, насколько крепка кость, которую предстоит разгрязь.

Но сделаем это не здесь, в душном кабинете, а где-нибудь за городом, в лесу, у реки.

Через двадцать минут они вышли из машины у небольшой речушки, каких немало в Прибалтике. В прозрачной воде окунь гонял малька. Под ударами прибрежных струй вздрогивали и кланялись камыши. Солнце припекало по-южному. Сторожев и Савин неторопливо пошли по зеленому бережку.

— Сначала отметим, Александр Степанович, какие существенные моменты дела нам стали известны. Самое главное — мы знаем, зачем была задумана вся операция. Добыть документы времен гитлеровской оккупации — вот задача второго аквалангиста! Это совершенно очевидно, хотя что за документы и у кого они, мы пока не знаем. Радует, что мы с вами не ошиблись вначале, когда решили, что операция планировалась как кратковременная. Второй существенный момент — обозначился круг лиц, хотя вполне может появиться и новое...

— А если так, — размышил, вставил майор, — надо продолжать работать в двух направлениях. Во-первых, искать новые связи вдоль.

— Да, — подтвердил полковник. — Тут я помогу вам людьми.

— А во-вторых, отделить тех, кто не повезет документы, — закончил майор свою мысль.

— Согласен. Именно отделить. Изолировать исполнителя последнего этапа. Чтобы лучше выветрить его.

— Для начала сразу исключим Розенберга.

— Согласен. Не в его годы и не с его подготовкой пробовать перейти границу нелегально.

— Вторым, наверное, придется исключить бородача, хотя это очень подозрительный тип.

— А я бы, Александр Степанович, бородача все же оставил. Он и в геологии записался не ради романтики, а, возможно, чтобы прощупать вероятность нелегального перехода границы на Тянь-Шане.

— И я бы тоже оставил его. Виталий Иннокентьевич, но дело в том, что новое лицо появилось, и оно вызывает очень серьезные подозрения.

— Что за новое лицо?

— Медсестра из санатория Академии наук. Надежда Ивановна Бронникова. Причем Бронникову связывала непонятная — особенно из-за разницы в возрасте — дружба с Бирутой Маркевич. И самое главное: через десять дней Бронникова на теплоходе «Мария Ульянова» отправляется из Риги в круизное плавание по странам Балтийского и Северного морей.

— И вы так спокойно говорите об этом! — Полковник даже остановился. — Маркевич, владеющая документами, умерла, документы, возможно, похищены, а ее близкая подруга вдруг едет за границу!

— Виталий Иннокентьевич, имеется одно обстоятельство... Дело в том, что Бронникова едет не вдруг. Заявление на круиз она подала еще в конце прошлого года, то есть задолго до того, как произошло нарушение границы, которым мы занимаемся.

Полковник Сторожев задумался. Сорвал травинку, пожевал ее. Травинка оказалась горькой. Полковник сердито сплюнул и сказал:

— И все же это не отменяет нашего интереса к Бронниковой как к ближайшей подруге Маркевич. Пусть отправляется в круиз... Надеюсь, вы понимаете, что требуется от вас?

23

Поезда отправляются в путь деловито, самолеты — гордо, пароходы — торжественно. Именно такое ощущение — торжественности момента — возникало у каждого, кто в этот поспелоденный июльский ясный час находился на Рижском морском вокзале, провожая кого-либо или просто любопытствуя.

Построенное почти у самой воды, вытянутое в длину, глядящее огромными квадратами стекол в тонких металлических переплетах, здание вокзала закрывало часть судна, стоявшего у причальной стенки. А если отойти по берегу левее, где сооружено нечто вроде крытого перрона, можно увидеть в перспективе весь — от носа до кормы — белоснежный теплоход с алон широкой полосой на дымовой трубе и такая же алон надпись на борту: «Мария Ульянова».

Майор Савин приехал на Морской вокзал вместе с пограничниками. Отведенную ему комнату знал каждый из сотрудников, прианных Александру Степановичу в помощь.

С Бронниковой пока все обстояло благополучно. Приехав одним из автобусов Интуриста, она ненадолго вошла в зал ожидания — выпила газированной воды из автомата, купила в киоске журнал и села на скамейку крытого перрона. Поставив к ногам чемодан, пристомила на него большую синюю сумку с плетеным ремнем.

Обо всем этом было доложено майору Савину.

У него мелькнула мысль: а не выйти ли взглянуть на ту, которая вот-вот может стать важным звеном в деле? Майор был в штатском, вид его не должен вызвать никаких подозрений. А кроме того, Бронникова не только не знала майора в лицо, но даже не подозревала о его существовании. Но тут раздался телефонный звонок. Майор снял трубку, и почти сразу на него до этого спокойного лица появилось выражение, сходное с тем, какое бывает у рыболова в момент, когда окунь, схватив червяка, делает уверенную длинную потяжку.

— Виктор Серфик вызвал такси на дом, доехал до Комсомольской набережной, там отпустил машину и теперь направляется к Морскому вокзалу. В руках у Серфика — плоский чехоманчик «атташе».

Александр Степанович вышел наружу и встал шагах в пяти от входной стеклянной двери, где собралось несколько туристов покурить.

...Вот ты какой! — подумал про себя майор, увидев приближающегося к вокзалу не особенно рослого, но довольно крепкого загорелого парня. Серфик был в той же одежде, что и на пляже, когда знакомился с Павлом Ивановичем. Голубая легкая каскетка с рекламными буквами по всему окольшю, желтая рубашка с напечатанной на груди женской головкой, сильно потертые джинсы.

Заметно было, что борода Виктора Серфика совсем недавно приведена в порядок — укорочена и подбрита. Серфик скрылся в зале ожидания. Майор не пошел туда — там есть свои люди. А если бородач ищет Бронникову, то выскочит сразу же, как только убедится, что ее там нет.

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

И действительно, Серфик с тем же скучающе-высокомерным видом довольно скоро вышел. Лениво огляделся, прикинул, где людей погуще, и направился туда.

Вскоре майору Савину доложили:

— Серфик потолкался среди людей, пошел к скамейкам. Там увидел Бронникову и еле заметно среагировал на это. Попросил какого-то гражданина подвинуться, но сесть удалось не рядом с Бронниковой, а через одного человека. Серфик поставил себе на колени чемоданчик и начал постукивать по нему пальцами, мурлыча какой-то мотив. Бронникова, явно интересуясь бородачом, повернулась в его сторону. Тот либо не заметил ее движений, либо не захотел заметить. Возможно, он ждал более подходящего момента. Но тут к Серфику подошел какой-то парень примерно одного с ним возраста и что-то коротко сказал. В ответ Серфик сделал непонимающее лицо и поклонился. Парень отошел. А через несколько минут и сам бородач, так и не вступив в контакт с Бронниковой, покинул скамейку. Пошел в кафе — оно на втором этаже, — взял кофе и коньяк. Сейчас сидит за столиком и вовсю треплет с двумя миловидными случайными соседками.

— А Бронникову, — быстро спросил майор. — Пошла за ним?

— Нет, продолжает сидеть на скамейке.

— И он ничего не передал ей?

— Ничего.

Началась посадка на теплоход. До того, как подняться на борт, пассажиры должны были пройти таможенный досмотр. В большом зале на определенном расстоянии одна от другой стояли кабинки таможенников. Работник таможниставил на стойку чемодан, открывал его и проверял содержимое. После проверки чемодан ставился на тележку. По мере наполнения тележки грузчики отвозили вещи на теплоход.

А сам турист выходил на причал, поднимался по трапу и наверху, при входе на судно, предъявлял пограничнику паспорт. Взглянув на фотографию в паспорте и на владельца, пограничник отдавал честь и возвращал документ. Это означало, что данному гражданину Советского Союза граница открыта.

Чтобы не было ненужной толкотни, туристов разбили на группы. Руководитель каждой группы объявил, что женщинам предоставляется первоочередное право на таможенный досмотр. Надежда Ивановна Бронникова этим правом не воспользовалась, а предпочла ждать, пока подойдет ее очередь.

По залу между кабинами ходили пограничники-контролеры. Когда подошла очередь Бронниковой, стоявший неподалеку от нее пограничник, желая помочь красивой молодой женщине, легко поднял ее чемодан и поставил на борт кабинки. Таможенник переставил чемодан к себе на смотровую стойку, раскрыл и просмотрел все вещи по одной, скользнув подушечками пальцев по дну изнутри, проверил, крепко ли приклеена подкладка. Закрыл чемодан, внимательно осмотрел линию наружных швов.

— Совсем новый, — наконец сказал таможенник. — Недавно покупали?

— Неделю назад, в Каунасе, — встревоженно ответила Бронникова. — Специально для поездки. А что?

— Ничего, все в порядке, — ответил таможенник.

Прежде чем отойти от таможенника, Бронникова достала из сумки носовой платочек, промокнула лоб и, указав на сумку, спросила:

— А это тоже нужно?

— Нет, это не нужно, — ответил таможенник.

День уже перевалил на вторую половину. Солнце опускалось за теплоход. Бронникова не спеша поднялась по рифленым металлическим ступеням трапа. У входа в загадочную глубь судовых помещений стояли два пограничника — солдат и сержант. Надежда Ивановна протянула сержанту свой заграничный паспорт, туристскую путевку и международное свидетельство о прививках. Сержант взял только паспорт. Долго листал его, присматривался к фотоснимку, прочитал серию и номер, вновь полистал и сказал:

— Пройдите, пожалуйста, вот с ним, — сержант указал на солдата.

Пожав плечами, Бронникова подчинилась. Пройдя вперед несколько шагов, они свернули вправо и двинулись по широкому, ярко освещенному коридору. У второй двери солдат остановился.

— Прошу сюда, — сказал он.

В каюте, куда вошла Бронникова, находилось три человека: два молодых моряка, один — невысокий крепыш в вязаной шапочке и рабочей куртке с треугольником тельняшки на груди, другой — повыше ростом и в кителе. Третий, постарше, в светлом спортивном костюме, сидел за столиком около иллюминатора. Это был майор Савин.

24

Когда майору доложили о «встрече» Бронниковой и Серфика, Александр Степанович понял, что узелок завязался.

Почему Серфик «не узнал» Бронникову? Ведь он наверняка пришел на Морской вокзал, чтобы увидеться с ней. Более того, он сел к ней на скамейку. Собирался передать документы, которые лежали в чемоданчике «атташе»? Но почему он этого не сделал?

Одно из объяснений: Серфика кто-то спугнул.

Это мог быть парень, обратившийся с вопросом. Случайный парень или сообщник, разнюхавший что-либо? Неизвестно.

Но если бородача спугнули, почему он не поспешил убраться прочь, а преспокойно отправился пить коньяк? Неизвестно.

Второе объяснение: документы уже у Бронниковой. Ей их могли передать раньше.

Это объяснение более правдоподобно. В него вписывается поведение Серфика. Бородача прислали проверить, на месте ли Бронников. И для полного спокойствия побить на берегу до отхода судна.

И, наконец, самое непонятное, где и когда Бронникова познакомилась с бородачом.

Майору Савину ясно было одно: действовать следует очень осмотрительно. За Бронниковой наблюдают. Вместе с другими туристами она должна спокойно подняться на теплоход, на виду у всех многочисленных провожающих. А затем... Это главное, для чего он здесь находится.

В каюте, о временном использовании которой в служебных целях майор Савин договорился с капитаном судна, были приглашены два понятых: бочман, член народной дружины, и моторист, председатель судкома.

Войдя, Бронникова обвела глазами присутствующих. К кому следует обратиться?

Она посмотрела на моряка в форменном кителе.

— У меня что-то с паспортом. Это к вам?

— Нет, это ко мне, — сказал майор Савин. — Присаживайтесь.

Надежда Ивановна осторожно присела в кожаное кресло.

— Ваш паспорт в порядке. Дело в другом, — суховато, но достаточно любезно сказал майор Савин. — Я из Комитета государственной безопасности, вот мое удостоверение. — Он достал из кармана служебный документ, но Бронникова не шевельнулась. Как только услышала это, окаменела.

— По нашим данным,—уже тверже продолжал майор,—вы собираетесь нелегально, контрабандным путем вывезти за границу документы, имеющие государственное значение. Если это так, прошу выдать их добровольно. В противном случае я в присутствии двух приглашенных понятых буду вынужден обыскать вашу сумку. Хочу предупредить: если выдадите документы до обыска, это будет соответственным образом учтено.

Тут Бронникова наконец-то разжала побелевшие губы.

— Да, да... я сейчас...—Торопясь, мелкими рывками она сняла с плеча сумку. Дернула «молнию», порылась, вынула зеленый маникюрный несессер, из него маленькие ножницы. Полностью раскрыла сумку, такими же мелкими рывками вспорола подкладку. И, торопясь, сунула руку в дыру. С усилием выволокла из-под разрезанной подкладки толстую пачку бумаг. Там, в сумке, листы были расстелены по стенкам, и теперь пачка, вытащенная в спешке, лохматилась отдельными страницами, на которых было что-то напечатано и что-то написано от руки.

Оба моряка с интересом наблюдали за всем этим. Майор Савин молча ждал.

Бронникова положила разложченную стопу бумаг на стол перед майором.

Страницы были пронумерованы. Их оказалось двести тридцать шесть. Первое, что бросалось в глаза,—черный орел со свастикой слева и штемпель «СЕКРЕТНО» в правом верхнем углу страницы.

— Это все?—спросил майор.

— Все!—с каким-то облегчением выдохнула Бронникова и протянула сумку.—Можете проверить.

Майор обратился к понятым.

— Сейчас я составлю протокол, и вы его подпишете, товарищи.

Майор перевел взгляд на Бронникову.

— Вам известно, что это за документы?

— Да.

— Как они к вам попали?

Как они к ней попали? Все началось со знакомства с Бирутой Маркевич. Это было лет семь назад. Как раз в то время у Нади случилось большое тайное горе, которым она не решалась поделиться даже с матерью. Врач из санатория «Дайна», Август Иванович, после трехлетней связи однажды буднично и уично объявил, что больше не может обманывать жену. Романы у Нади бывали и раньше, но из всех встреч, мимолетных и немимолетных, только встреча с Августом была настоящей и, пожалуй, единственной любовью.

У Нади разрывалось сердце. Она не знала, что делать. Хитрая и пронырливая Бирута, которая как раз тогда начала носить к ним овощи и зелень, в момент смекнула, в чем дело. Она не стала ни успокаивать, ни приставать с расспросами, а ласково сказала: «Заходите ко мне, Надечка, поговорим о жизни. Она ведь непроста, жизнь-то! Ей надо глядеть глаза в глаза—не кланяться, но и не задирать перед нею нос!»

И молодая современная Надя Бронникова начала наведываться к малограмматной, нелюдимой бабыке.

Сын Бируты, Витаутас, к тому времени уже совсем отдалился от матери. Работал шофером. Жил в разных городах, подолгу не задерживался нигде. Он был неудачник. Слабак. Пынница. Так характеризовала сына собственная мать. И любовь, которая природой предназначалась сыну, Бирута обратила на молодую женщину. Она рассказывала Наде о своей молодости, о муже, убитом на войне, о том, как строилась после войны, как жила... Однажды Бирута похвасталась, что к ней давно уже подбивается некий местный лесник. Да только она не дура: одной жить спокойнее!

А чтобы лесник не пропадал надолго, у нее есть средство держать его на коротком поводке. Именно в тот раз Бирута и поведала историю, как ее Витаутас нашел в огороде железный ящичек и что в этом ящичке оказалось. Она показала бумаги Надежде. Надя, учившая в школе немецкий, поняла, что это секретные списки нужных фашистам людей. Они были с адресами, некоторые даже с фотографиями. Фамилии в списках стояли не только литовские, но и латышские, эстонские. Были и русские. Бирута призналась, что ухажер-лесник знает про эти бумаги и боится их. Видно, думает, что и его фамилия тут есть,—он ведь на немцах работал. Просил, дай перелистать, но она не позволила. А в прошлом году летом, когда она ушла с овощами на рынок, кто-то залез в дом. Ничего не взято, а все перерыто было—наверное, искали списки. А кто залез—Бирута знает: впопыхах свою фуражку-шестиклинку лесник оставил. Но в милиции она заявила, что забрался к ней человек неизвестный. После этого случая лесник совсем куда-то скрылся.

Как-то Надя на глаза попалась в газете заметка. В ней говорилось о землячествах, созданных на Западе беглецами из Прибалтики. Тем, кто состарился, землячество платило пенсию. Но не всем подряд, а у кого есть нужные документы о прошлом, о верной службе Гитлеру. Пенсия назначалась с разбором: служил рядовым карателем—сумма поменьше; был в «зон-

деркоманде»unter-офицером или охранником в концлагере—такому побольше. Надя пересказала содержание заметки Бируте, не думая ни о чем. Но смекалистая вдова, выслушав, вдруг протянула мечтательно: «Вот бы этим проходимцам мои списки продать! Сколько персональщиков у них сразу прибавилось бы!»

А со временем от шуток перешла Бирута к делу. Местком вывесил объявление: для служащих санатория имеются путевки в туристическую поездку морем, по странам Балтики. Стокгольм—два дня. Осло—один, Лондон—целых три, Роттердам и Антверпен—по два и так далее. Вдова, узнав об этом, решительно приказала Бронниковой: записывайся! Работник ты честный, тебе путевку непременно выделят. Если денег не хватит, я сажу, сколько надо будет. Зашлем мы наши списки с такой хитростью, что ни один таможенник не найдет! А там, за границей, не растеряйся—спросишь, благо, в переводчике не нуждаешься, где наши бумаги можно запродасть. Те, кому нужно, хар-роши денежки дадут!

Бронникова сначала посмеялась, потом подумала день-два и дала согласие. Подала заявление и через несколько месяцев получила путевку.

Вечером незадолго до отъезда Бирута аккуратненько рассорвала бумаги по всей сумке—между подкладкой и стенками. Ловко прострочила на машинке.

И все было бы хорошо, если бы не этот ранний звонок. Дверь открыла мать.

Незнамый бородатый молодой человек спросил Надежду Ивановну. Старуха спросонья показала на дверь Надиной комнаты. Он постучал. Надежда Ивановна едва успела накинуть халатик,—вошел.

И с порога, прикрыв за собой дверь, отчетливо сказал Бронникову, которая смотрела на него испуганно:

— Мне все известно. Вы едете за границу. Я покупаю ваши списки за пять тысяч рублей. Вот деньги!—Вынул из синего твидового пиджака банковскую пачку. Надорвав оберточную ленту, открыл деньги наполовину, эффективно бросил на круглый туалетный столик. Пачку зелененьких пятидесятирублевок.

— Все точно, можете убедиться.—Он придинул деньги поближе к Надежде.

Та растерялась. Но испуга уже не было. Было пять тысяч и серьезное, даже строгое лицо того, кто предлагал их ей.

— Но... но я не могу... как-то так, сразу,—замямлила Бронникова. И ловко, по ее мнению, вывернулась.—К тому же все равно у меня этих бумаг здесь нет.

— А я их брать у вас не собираюсь.—Эти слова почему-то сразу ее успокоили.—Только скажите, что вы согласны, и я все объясню.—Он улыбнулся всем женщинам.

— Н-не знаю... допустим, согласна... хотя еще ничего не понимаю.

— Согласны? Вот и отлично... Сейчас все поймете. Знаете, где находится Роттердам?

— В Голландии.

— Замечательно. В Роттердаме, прямо в порту, к вам подойдет человек и скажет: «Привет от Макса!»—в Голландии есть такая фирма. Как он только это скажет, вы быстро обменяетесь с ним сумками,—у него будет такая же. И все! Делов-то.

— Я согласна.

Молодой человек снова победно усмехнулся.

— Когда вернетесь, я уплачу еще столько же... Но не вздумайте меня обмануть. Списки, которые вы собираетесь везти, в глазах чекистов—материалы, связанные с безопасностью государства. Если обманете, я потеряю пять тысяч, но испорчу вам всю биографию.

— Я не обману,—прошептала Бронникова.

— Отлично. Теперь последнее. В день отплытия я буду на берегу в толпе провожающих. Если у вас будет все окей, вы помашете мне с корабля белым платочком. Договорились?

— Да,—ответила Надежда Ивановна, не зная, радиоваться ей или звать на помощь.

Майор Савин слушал.

— А через три дня я узнала, что Бирута Маркевич умерла.—Губы у Бронниковой дрожали.

Наступила долгая пауза. Не выдержав ее, Бронникова сказала:

— На похоронах Бируты я услышала, что в этой смерти виноват лесник Розенберг.

— Вы верите, что это был Розенберг?

Новая долгая пауза. И Бронникова не выдержала.

— Нет.

В каюте постучали. Вошел офицер-пограничник.

— Товарищ майор, у нас все готово. Теплоход отдает швартовы через тридцать минут.

— Вот и хорошо,—сказал майор Савин.—А теперь мы выйдем на палубу, и Надежда Ивановна помашет платочком тому, кто ее провожает. Прошу вас, приведите себя в порядок и будьте повеселее,—обратился он к Бронниковой.

Продолжение следует.

«СМЕНЫ»

На вопросы
отвечает
юрист
Госкомтруда СССР
Михаил
КУРИЛИН.

Слышала, что женщины, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком, могут работать на дому. Расскажите, пожалуйста, кто считается надомниками, каков порядок оформления и условия их труда.

Ю. ВЕТРОВА,
Астрахань

Действительно, люди, находясь по тем или иным причинам дома, могут заниматься общественно полезным трудом.

Надомниками считаются лица, заключившие трудовой договор о выполнении работы на дому из материалов и с использованием оборудования (приспособлений), выделяемых предприятиями, организациями, колхозами или совхозами либо приобретаемых за счет средств этих организаций. Надомники могут изготавливать изделия и из собственных материалов с использованием личных механизмов и инструментов.

Лица, желающие поступить на работу в качестве надомников, обязаны предъявить администрации паспорт, а ранее работавшие—и трудовую книжку. Подростки в возрасте от 15 до 16 лет предъявляют копию свидетельства о рождении.

Трудовой договор заключается, как правило, в письменной форме. В трудовом договоре с надомниками должны быть наиболее полно изложены как основные, так и дополнительные условия, определяющие взаимные обязательства сторон.

На тех, кто ранее не работал в общественном производстве, заводятся трудовые книжки после первого выполненного задания.

Преимущественное право на заключение трудового договора о работе на дому предоставляется женщинам, имеющим детей в возрасте до 15 лет, сезонным рабочим, а также другим лицам, упомянутым в Положении об условиях труда надомников.

Что касается случая, о котором пишете вы, товарищ Ветрова, то это действительно так: женщинам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком, разрешается работать дома.

Работа на дому независимо от деятельности и занятости на других предприятиях предоставляет тем, кто владеет мастерством изготовления изделий народных промыслов и сувениров.

Оплата труда надомников производится по сделанным расценкам за фактически выполненные работы или произведенную продукцию. В целях поощрения за продолжительную непрерывную работу им может выплачиваться вознаграждение по итогам работы предприятия за год в порядке и на условиях, установленных на предприятии. Помимо этого, администрация по согласованию с комитетом профсоюза может вводить премирование надомников в соответствии с действующим на предприятии положением.

Собираюсь взять ребенка прямо из роддома. Слышала, что в этом случае мне, как матери, полагаются льготы. Хотелось бы знать, какие.

Н. МИРОНОВА,
Ярославль

Вы правы, женщинам, усыновившим новорожденных детей непосредственно из родильного дома, предусмотрена выдача больничного листка с выплатой в установленном порядке пособия по родам—со дня усыновления и до истечения 56 дней со дня рождения ребенка. Работающим женщинам предоставляется частично оплачиваемый отпуск до достижения ребенком возраста одного года, а также отпуск без сохранения заработной платы до достижения ребенком возраста полутора лет. Эти отпуска засчитываются как в общий, так и в непрерывный стаж работы, а также в стаж работы по специальности.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

НАЕМНИКОВ ГОТОВЯТ В ГОНДУРАСЕ

Военный лагерь в Пуэрто Кастилья — один из центров, в которых американские инструкторы готовят отряды наемников для вторжения в Никарагуа. В роли «воспитателей» выступают головорезы из пресловутых частей особого назначения, скандально известные «зеленые береты». Оружие американское, деньги американские, планы агрессии американские...

«ЮМАНИТЕ», ФРАНЦИЯ

«ЛИШНИЕ» УЧИТЕЛИ

Министр по делам культуры земли Северный Рейн — Вестфалия (ФРГ) заявил газете «Вестдойче альгемайнэ», что в стране вполне возможно возрождение «классических кариковых школ», то есть школ, где ученики всех возрастов занимаются в одной классной комнате.

В Западной Германии из-за нехватки помещений 20 тысяч классов находятся под угрозой закрытия. В начале учебного года 2700 молодых учителей пытались найти работу по специальности — нашли ее только 1300 из них. По прогнозам министерства Северного Рейна — Вестфалии, к 1985 году безработными будут 12—15 тысяч учителей.

«ФРАЙЕ ВЕЛЬТ», ГДР

Расисты находят выход...

Молодой американский негр Джошуа Дэвис попытался устроиться учителем в одну из школ в Атланте, где появилось соответствующее вакантное место. Свою учебу в колледже он закончил с отличием, о чем свидетельствовал его диплом, но, несмотря на это, место учителя он не получил. И вот почему...

В Алабаме, Джорджии, Миссисипи, Флориде и других южных штатах США расисты придумали новый трюк против негритянской интеллигенции. Когда какой-либо негр (учитель, служащий, врач или юрист) пытается устроиться на вакантное место, его диплома оказывается недостаточно, он еще должен выдержать специальное «испытание», подготовленное, разумеется, белыми: оценивают результаты испытания, конечно, тоже белые. Результат: от половины до двух третей молодых педагогов — негров или индейцев остается за порогом школ. Протесты негритянских организаций, которые назвали новейший трюк расистов «академическим электрическим стулом», не возымел никакого действия.

«МАДЬЯР ИФЮШАГ», ВЕНГРИЯ

«САНИТАРНЫЙ КОРДОН» ВОКРУГ ВЕНЕЦИИ

По мнению специалистов, один из способов обеспечить экологическое равновесие в Венеции — создание лесозащитного пояса вокруг этой жемчужины лагун. Обширный парк будет выполнять роль «санитарного кордона». Идея его насаждения получила единодушное одобрение жителей Венеции, и муниципальный Департамент по защите окружающей среды организовал в Палаццо Грасси большую выставку на тему: «Лагуна: изменение экологической системы». Материалы экспозиции послужили основанием для разработки плана будущего национального парка площадью 60 тысяч га, который, как предполагается, спасет город от экологической катастрофы.

«УНИТА», ИТАЛИЯ

Тигры из Готвальдова

Этот симпатичный тигренок родился не в уссурийской тайге, а в зоопарке чехословацкого города Готвальдова. Зоопарк здесь — один из четырнадцати, существующих в ЧССР, специализирующихся на разведении тигров. Их охотно приобретают зоопарки многих стран.

«СВЕТ В ОБРАЗЕХ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Беда Ковентри

Город Ковентри, ставший символом военной трагедии и послевоенного возрождения, стал сегодня городом безработных. Сейчас здесь каждый пятый не имеет работы и ежемесячно теряют ее еще 500 горожан.

«ТАЙМС», ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Сокровища с морского дна

Усовершенствование техники подводных исследований приводит к новым и новым сенсационным открытиям. Крупнейшее из тех, которые были сделаны в европейских водах, связано с затонувшим в 1725 году возле норвежского острова Рунде судном Ост-Индской компании «Акерендан». С двадцатиметровой глубины было поднято 6624 золотых и 4909 серебряных монет XVII—XVIII веков. Лишь недавно на аукционах в Западной Европе проданы последние монеты из числа извлеченных с морского дна.

Однако было бы неверно усматривать в подобного рода находках лишь удачу предпримчивых кладоискателей: найденные сокровища, как и поднятые части кораблей и находившиеся на борту предметы, являются важным источником для научных оценок и выводов, касающихся прежних эпох.

«ТАЙМ», США

Как «прозрели» моаи

Моаи — загадочные каменные великаны с острова Пасхи — снова привлекли внимание мировой прессы: они «прозрели». «Зрение» им вернул молодой археолог Серджио Рапу, местный житель, который заведует небольшим музеем в Хангарао — единственном населенном пункте на пустынном острове. При раскопках около древней «мастерской», где лежало несколько вытесанных статуй, он нашел куски кораллов, которые были старательно отполированы рукой человека. Осмотрев находку, Рапу пришел к выводу, что перед ним — «глаза» молчаливых великанов. Соединив разрозненные части, археолог поставил их в пустующие глазницы, и моаи сразу же ожили, утратив свою сурьовость и недоступность.

«ОРБИТА», БОЛГАРИЯ

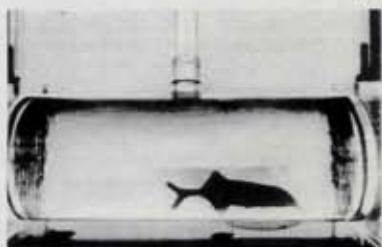

ЧУДО-ОГУРЕЦ

То, рядом с чем сфотографировалась маленькая Катрин, не ствол дерева, а гигантский огурец. Он вырос в саду ее отца Пауля Ланге в Ротгенштейне, близ Иены. Вот данные чудо-огурца: он итальянского сорта «Геркулес», имеет 158 сантиметров в длину и вес в 7,5 килограмма. Обществу садоводов ГДР неизвестно, что кому-нибудь удавалось выращивать огурец еще больших размеров.

«НОИЕ БЕРЛИНЕР ИЛЛЮСТРИРТЕ», ГДР

СПАСЕТ ЛИ ЩУКА РЕЙН?

Рейн в переводе с немецкого означает «чистый». Что касается реки Рейн, одной из самых загрязненных в Европе, то ее название воспринимается как горькая насмешка. Последний рейнский рыбак давно уже выбросил в чулан свою сеть: в Рейне нет съедобной рыбы. Сброс промышленных предприятий и электростанций Швейцарии, ФРГ, Франции превращает реку в «европейскую клопаку». А ведь из нее берут питьевую воду для миллионов людей...

Чтобы следить за уровнем загрязнения и степенью опасности, в Рейне намечается поселить нильскую щуку — рыбку, реакцию которой на загрязнение удается особенно точно фиксировать. Спасет ли щука Рейн? Возникает и другой вопрос: сможет ли она хотя бы выжить в реке, название которой переводится словом, утратившим здесь всякий смысл?

«ШТЕРН», ФРГ

КОНКУРС ЭРУДИТОВ

Второй тур

В третьем номере «Смена» начала новый Конкурс эрудитов. На этот раз — разносторонний. Мы стараемся отобрать для него наиболее интересные вопросы из ваших писем, дорогие читатели.

Домашнее задание первого тура выполнили или, во всяком случае, постарались выполнить очень многие из вас. И пока жюри изучает ваши письма, чтобы подвести итоги первого тура и назвать его победителей, мы предлагаем второе задание.

Условия состязания остаются без изменений. Участвовать в конкурсе может любой наш читатель, независимо от возраста и профессии. В том числе, разумеется, и те из вас, кто по каким-либо причинам не смог участвовать в первом туре. Можно присыпать письма с ответами на любое число вопросов, даже на один.

Тридцати победителям второго тура редакция журнала вручит призы — книги, альбомы, почетные дипломы.

Жюри конкурса еще раз обращается к вам с просьбой писать четко и разборчиво, на одной стороне листа. На вопросы отвечайте в том порядке, как они заданы. Каждый развернутый ответ предварите кратким, но точным ответом, причем лучше выделить его другим цветом чернил или подчеркнуть. Будет хорошо, если вы укажете источники, в которых нашли ответы.

Приятного и занимательного вам досуга, дорогие читатели!

Для второго тура мы отобрали из ваших писем такие вопросы:

1. В кремлевском кабинете В. И. Ленина есть чугунная скульптура: на круглом основании возвышается полуобнаженная мускулистая фигура рабочего. В правой руке у него молот, в левой — клемши. Под ударами молота кусок металла приобретает форму орала. У ног кузнеца — снаряд, пушечный ствол и сломанный меч. Этот подарок рабочих Владимир Ильич очень любил. Назовите скульптуру, а также формовщика и чеканщика, участвовавших в ее изготовлении. Где ее отлили?

В. ЕЛИСЕЕВ, село Ольховка Липецкой области

2. В мае 1942 года «Правда» напечатала корреспонденцию «Город Партизанск». Начиналась она так: «Мы ходим по улицам города, который расположен далеко за линией фронта, в тылу врага. В городе живут несколько тысяч советских людей и нет ни одного немца. Они хозяйничали тут четыре месяца. Потом пришли партизаны и с треском вышибли их из города. В городе была восстановлена Советская власть. По понятным причинам, мы не можем назвать имени города...» О каком городе шла речь?

А. ТУНКЕЛЬ, Уфа

3. Какая картина первой побывала в космосе?

Л. ДАХАДАЕВ, г. Моздок Северо-Осетинской АССР

4. Героев какого морского сражения, которое закончилось победой российского флота, награждали медалью с лаконичной надписью: «Был»? Что означает эта надпись?

5. Примадонна Мариинского театра в Петербурге, она была бабушкой известного детского писателя, произведения которого мы все хорошо знаем. Специально для ее голоса замечательный русский композитор написал партию героини в одной из опер. Назовите певицу, писателя, композитора и его оперу. Партию героини в том виде, как она написана, после названной певицы никто не исполнял. Почему?

Г. КРАСНИКОВА, г. Красногвардейск Самаркандской области

6. Когда и где был организован первый в СССР студенческий кружок по охране природы? Что изображено на эмбеле кружка?

Е. ИВАНОВ, пос. Гусятин Тернопольской области

7. Все знают, что «Конек-Горбунок» написал П. Ершов. А кто и когда написал сказку «Конек-Скаакунок»?

**В. ДАРЖИЕВ,
пос. Агинское
Читинской области**

8. Назовите самую маленькую книжку в мире. Кто ее сделал? Из какого материала ее обложка?

О. ШАЛАГИНА, Целиноград

9. Алюминий был открыт в самом начале нашей эры. Об этом сохранилось письменное свидетельство древнеримского писателя и ученого в единственном дошедшем до нас его труде. Назовите писателя, его труд и причину, по которой открытие алюминия было предано забвению на восемнадцать столетий.

**М. КИРИЛЕНКО,
г. Березовка
Одесской области**

10. Мы по привычке считаем самым высоким и опасным на море девятый вал. А какой вал считали самым большим и опасным древние греки, древние римляне и как они считают американцы?

Ю. ЯКОВЛЕВ, Минск

11. Назовите один из островов мира, слывущий самым красивым и коренным населением которого говорит на языке с решительным преобладанием гласных звуков над согласными, как ни в каком другом языке мира. Ни одно торжество, ни один праздник на островах не обходится без леи — венков. Какой цветок на островах самый популярный?

Т. ТАТАРИНЦЕВА, Сыктывкар

12. Кто из русских писателей подписывал свои ранние рассказы, опубликованные в газетах, именем Алеко, героя пушкинской поэмы? Чем он объяснял выбор такого псевдонима?

**О. ПОТАПОВА,
село Большие Уки Омской области**

13. Кто первым в мире и когда организовал детский сад? Какое популярное высказывание о детях принадлежит создателю?

К. ПЕТРОВСКАЯ, Симферополь

14. Всегда ли одинакова высота Эйфелевой башни в Париже?

Д. ЧЕРЕМНЫХ, Южно-Сахалинск

15. Птицы выкладывают гнезда пухом, травинками и другими материалами. А какая из наших птиц устилает гнездо рыбьими косточками? Где она устраивает гнездо?

Г. СИНИЦЫН, Рязань

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ С ОТВЕТАМИ НА ЭТИ ВОПРОСЫ.

ПОСЛЕДНИЙ СРОК ИХ ОТПРАВКИ — 15 ИЮНЯ.

НА КОНВЕРТЕ ПОМЕТЬТЕ:

«КОНКУРС ЭРУДИТОВ. ВТОРОЙ ТУР».

Составил Н. Копытов,
г. Куява
Пермской области

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 7

По горизонтали:

1. Мясное блюдо. 5. Почетное название композитора или дирижера оркестра. 9. Мясной цыпленок. 10. Полет пули после отскока от поверхности. 11. Арабский философ, последователь Аристотеля. 14. Один из холмов, на которых стоят Рим. 15. Случай, происшествие. 16. Головной убор. 17. Древнерусская денежная единица. 20. Северная морская птица. 22. Желтый биллиардный шар. 23. Ученый-востоковед. 26. Бумага, заменяющая при перевязках вату. 28. Современная французская писательница. 31. Периодическое понижение уровня моря. 33. Белорусский писатель, автор книг о молодежи. 34. Ученая степень. 35. Автор многих памятников архитектуры в древнеармянском городе Ани. 36. Воззвание для лектора, оратора. 37. Работник пищевой промышленности. 38. Безупречный образ мыслей и действий. 39. Представительница народа, живущего в Хабаровском крае.

По вертикали:

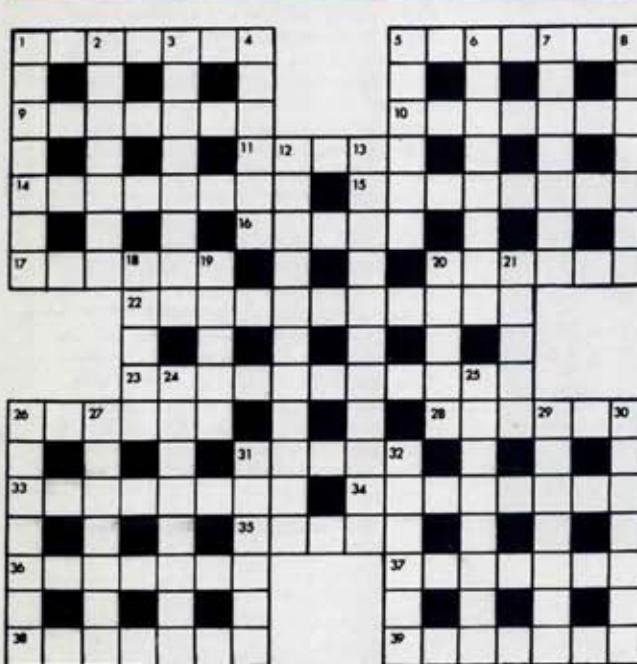
1. Известный русский книго-вед и библиофила. 2. Вечерний мужской пиджак. 3. Старинное метательное оружие. 4. Венгерский космонавт. 5. Картина, изображающая море. 6. Один из холмов, на которых стоит Рим. 7. Столица союзной республики. 8. Одно из чисел в арифметическом делении. 12. Окно на судне. 13. Историческая дисциплина, изучающая юридические документы. 18. Отросток нервной клетки. 19. Русская мера длины. 20. Болотная птица. 21. Французский философ и драматург, участник Сопротивления. 24. Способ исполнения музыкальной пьесы. 25. Город и порт в Малайзии. 26. Типографская наборная машина. 27. Расстояние от поверхности до дна водоема. 29. Воинское звание. 30. Представительница населения автономной республики. 31. Музыкальный интервал. 32. Собеседник и помощник Шерлока Холмса в произведениях Конан-Дойля.

По горизонтали:

4. Химик. 10. Отранто. 11. Рентген. 12. Лерка. 13. «Туннель». 14. Жонглер. 15. Дрофа. 18. Оселок. 20. Падант. 21. Континер. 22. Рекуператор. 26. Архипелаг. 29. Реверс. 30. Клемма. 31. Этика. 34. Турнепс. 35. Секунда. 36. Кювет. 37. Иравади. 38. Розетка. 39. Зурна.

По вертикали:

1. Шортвилл. 2. Траншея. 3. Анкерок. 4. Хольд. 5. Марго. 6. «Кража». 7. Пойнтер. 8. Стеллаж. 9. Открытика. 16. Ротапринт. 17. Фейерверк. 19. Конкурс. 20. Пестрак. 23. Воротник. 24. Глашатай. 25. Дворяк. 26. «Арсенал». 27. Глюкоза. 28. «Юманите». 31. Эскиз. 32. Инвар. 33. Астра.

Музыка Евгения МАРТЫНОВА
Стихи Игоря ШАФЕРАНА

ЗЕМЛЯ ЦВЕТОВ

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ

2 шашечная олимпиада

Под редакцией мастера
Виктора КРАМАРЕНКО

Призы гроссмейстера

В шашечной олимпиаде «Смены» принимают участие не только начинающие любители шашек, но и мастера спорта. Проводят интерес к ней известные тренеры, композиторы, авторы шашечных книг, гроссмейстры. Победителям первой олимпиады известны имена чемпионов мира Анатолия Гантварга и Владимира Агафонова: автографы гроссмейстеров на книгах — призах «Смены».

Для будущих победителей второй олимпиады В. Агафонов приспал в редакцию 10 экземпляров своей книги «Комбинация. Международные шашки», выпущенной издательством «Физкультура и спорт».

Книга представляет собой сборник комбинационных партий по международным шашкам, сыгранных с 1953 по 1982 год на внутрирайонных, международных и зарубежных турнирах. Чтобы показать связь между стратегией и тактикой, а также выявить красоту про-

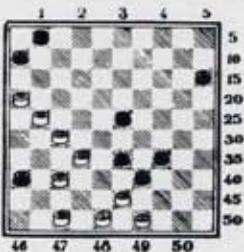
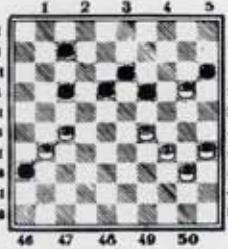
веденных комбинаций, автор дает партии от начала до комбинационного «взрыва». Комбинации классифицированы по темам. Материал для этой книги тщательно подбирался автором на протяжении 30 лет. За все эти годы удалось отобрать около 400 примеров, выделяющихся свежестью, оригинальностью, сложностью и красотой. В партиях советских и зарубежных мастеров встречались тысячи комбинационных ударов, но те, что приведены в книге, единственные в своем роде.

Восьмой тур

1—2. В. Свицинский (Минск)
Публикуются впервые.

В обеих позициях белые начинают и выигрывают (по 4 балла).

Последний срок отправки ответов на задания восьмого тура — 15 июня (по почтовому штемпелю). Не забудьте сделать пометку «2-я шашечная олимпиада. 8-й тур».

26 шахматная олимпиада

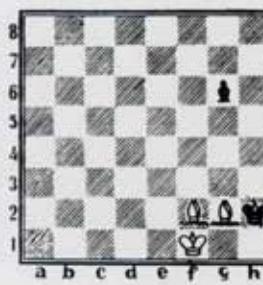
Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Возвращение

В задачах, чаще всего многоходовых, с четкой маневренной игрой авторский замысел приобретает особую привлекательность и тематическую стройность, если главная действующая фигура белых, вызывая своими ходами решающие ослабления в позиции черных, неожиданно возвращается на первоначальное место. Так называемая тема возврата. Этой теме

отвечают, например, все задачи, решение которых основано на потере темпа. Но не только они.

В приводимой ниже задаче белым нужно всего лишь подождать, пока черная пешка заблокирует поле g3. В этот момент белые фигуры должны занимать свои первоначальные позиции.

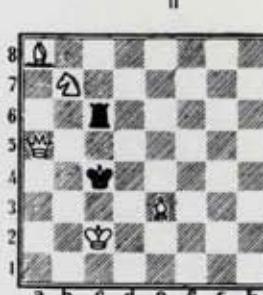
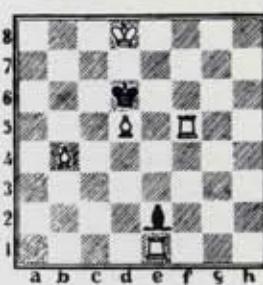
Мат в 4 хода

К цели ведет однозначный маршрут слона f2: 1. Ch4! g5 2. Ce1! g4 3. Cf1! — это возвращение слона на исходную позицию красиво завершает его маневр! — 3...g3 4. Cg1x.

А теперь два тематических задания.

Восьмой тур

Белые: Kpd8, Le1, Lf5, pp. b4, d5 (5)
Черные: Kpd6, Ce2 (2)
Белые начинают и дают мат в 4 хода (2 балла)

Белые: Kpc2, Fa5, Ca8, Kb7, p. e3 (5)
Черные: Krc4, Lc6 (2)
Белые начинают и дают мат в 4 хода (2 балла)

Ответы на задания присыпайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «26-я шахматная олимпиада. 8-й тур». Последний срок присыпки ответов (по почтовому штемпелю) — 15 июня.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 05.03.84. Подписано к печати 19.03.84. А 09947. Формат 70×108^{1/4}. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5.60 Уч.-изд. л. 11.55. Усл. кр.-отт. 17.50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 917. Заказ № 2377. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Спортивный автограф

Хоккей — прекрасный вид спорта.
Но спорт — это не просто человеческий
искусство, не забывайте об этом.
— В. ТРЕТЬЯК —

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ! НАПОМИНАЕМ, ЧТО МАТЕРИАЛЫ ЭТОЙ РУБРИКИ МЫ ГОТОВИМ ПО ВАШИМ ПРОСЬБАМ. О ВЛАДИСЛАВЕ ТРЕТЬЯКЕ ПРОСИЛИ РАССКАЗАТЬ В. ИВЧЕНКО (НОВГОРОД), С. ЕРМОХИН (ЗАГОРСК), А. И О. МАСЛОВЫ (ПОС. КРАСНЫЙ ЯР ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛ.), Н. ПЕТРЕНКО (НОВГОРОД), О. ЧИБИСОВА (ПОС. ВЕЙДЕЛЕВКА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛ.), СЕМЬЯ ИВАНИХ (НЕФТЕЮГАНСК ТЮМЕНСКОЙ ОБЛ.) И ДРУГИЕ.

ВЛАДИСЛАВ ТРЕТЬЯК

Вечером под Новый год на даче в подмосковной Загорянке украшали елку. Бабушки и дедушки распаковывали коробки с елочными украшениями. Дочь развешивала игрушки на нижних ветках — дотянуться выше не хватало роста. Сын с матерью окутывали гирляндами середину дерева. Ну, а украшением макушки елки мог заниматься только отец, Владислав Александрович — остальным это занятие было не по силам. Вернее, не по росту.

Обычная предновогодняя суета? Может быть, и обычная, да не совсем. Не совсем, потому...

...что впервые более чем за десять лет Владислав Третьяк в этот день находился не где-нибудь за океаном, в хоккейном турне, а в кругу большой и дружной семьи;

...что еще утром в этот последний день уходящего года, когда большинство людей уже предвкушает новогоднее застолье, глава семьи, отец двух детей бежал на лыжах по дистанции кросса в Новогорске;

ФОТО
Анатолия
БОЧИНИНА

...что на все — и новогодние и семейные — радости ему, заслуженному мастеру спорта, вратарю хоккейной сборной СССР, было отпущено всего два дня.

Иначе и невозможно было — шла подготовка к Белой Олимпиаде в Сараево, к четвертой для Владислава Олимпиаде.

Четвертая Олимпиада — даже просто участие в четырех соревнованиях такого масштаба и ранга — уже достижение. А Владислав Третьяк не «просто участвовал»: в Саппоро и Инсбруке стал олимпийским чемпионом, в Лейк-Плэсиде — серебряным призером. В промежутках же между олимпийскими турнирами разыгрывались чемпионаты мира и Европы, проходили встречи с канадскими профессионалами, в которых Владислав неизменно...

Впрочем, о достижениях Третьяка на вратарском поприще уже столько рассказано, что ограничимся пока лишь данными статистики. С 1970 года, когда Владислав дебютировал в сборной СССР, он десять раз завоевывал титулы чемпиона мира. Не считая званый рангом ниже. Коренной «цезсковец» в команде мастеров с 1967 года, а начинал учиться азам хоккея в детской хоккейной школе ЦСКА.

...Привела 12-летнего Владика в хоккейную школу мама. Она сама в прошлом играла в хоккей — правда, в хоккей с мячом — и считала этот вид спорта чрезвычайно полезным.

Поначалу будущего вратаря № 1 сделали нападающим — тогда считалось, что высоким ребятам не место в воротах. Но, к счастью для хоккея, нападающему Третьяку формы не хватило. Да к тому же выяснилось, что вратарская амуниция в наличии есть, но нет желающих занять пост в воротах. И Владик, прельстившись ловушкой и прочими вратарскими атрибутами, превратился из нападающего в голкипера.

В 16 лет Третьяк уже тренировался с мастерами. Анатолий Тарасов, тренер юношеской и проницательный, увидел в нем вратаря, которого искал много лет. И дело было не столько в таланте и отличных физических данных Владислава, сколько, как любят сейчас вспоминать Анатолий Владимирович, в характере Третьяка, в его отношении к делу. Оба — и учитель и ученик — стремились к совершенству. Оба трудились, не покладая рук, — искали новые приемы, анализировали успехи и неудачи. И не случайно на книжной полке Третьяка стали появляться книги по психологии и физиологии.

Есть спортсмены, для которых весь мир ограничен рамками спортивной площадки. Но узость кругозора в конце концов мстит — и на той же площадке и в жизни. Третьяк рано понял эту истину. И, тренируясь не меньше, а даже больше многих, он всегда находил, выкравал время для учебы, общественной деятельности.

На XVII съезде комсомола Владислав был избран членом ЦК ВЛКСМ. Окончив институт, он посчитал, что многое еще не знает, и поступил в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Стоит ли удивляться, что, побеседовав с Владиславом, зарубежные журналисты бывают поражены разносторонностью его знаний. Игра же Третьяка на хоккейной площадке они уже не поражаются. Отучены. Еще с 1972 года.

Тогда перед серией встреч СССР — Канада североамериканская пресса писала: «Ворота русских собираются защищать ребенок, поэтому наши форварды должны быть к нему снисходительны». После же матчей тон был иным. Вратарь сборной Канады Тони Эспозито сказал в интервью: «Мы, вратари-профессионалы, в этих матчах с русскими играли, как любители. Третьяк — как профессионал высшего класса...» Как видите, при всей специфичности формулировок, признание налицо.

Ныне же, почти 12 лет спустя, североамериканской прессе нет нужды тратить лишние слова и газетную площадь: по мнению канадцев, равных в хоккее Третьяку нет.

Подтверждает это и статистика. Теперь, после Сараево, Владислав Третьяк — единственный вратарь мира, трижды становившийся олимпийским чемпионом.

Дмитрий РЫЖКОВ

Цена номера 35 коп.

Индекс 70820

